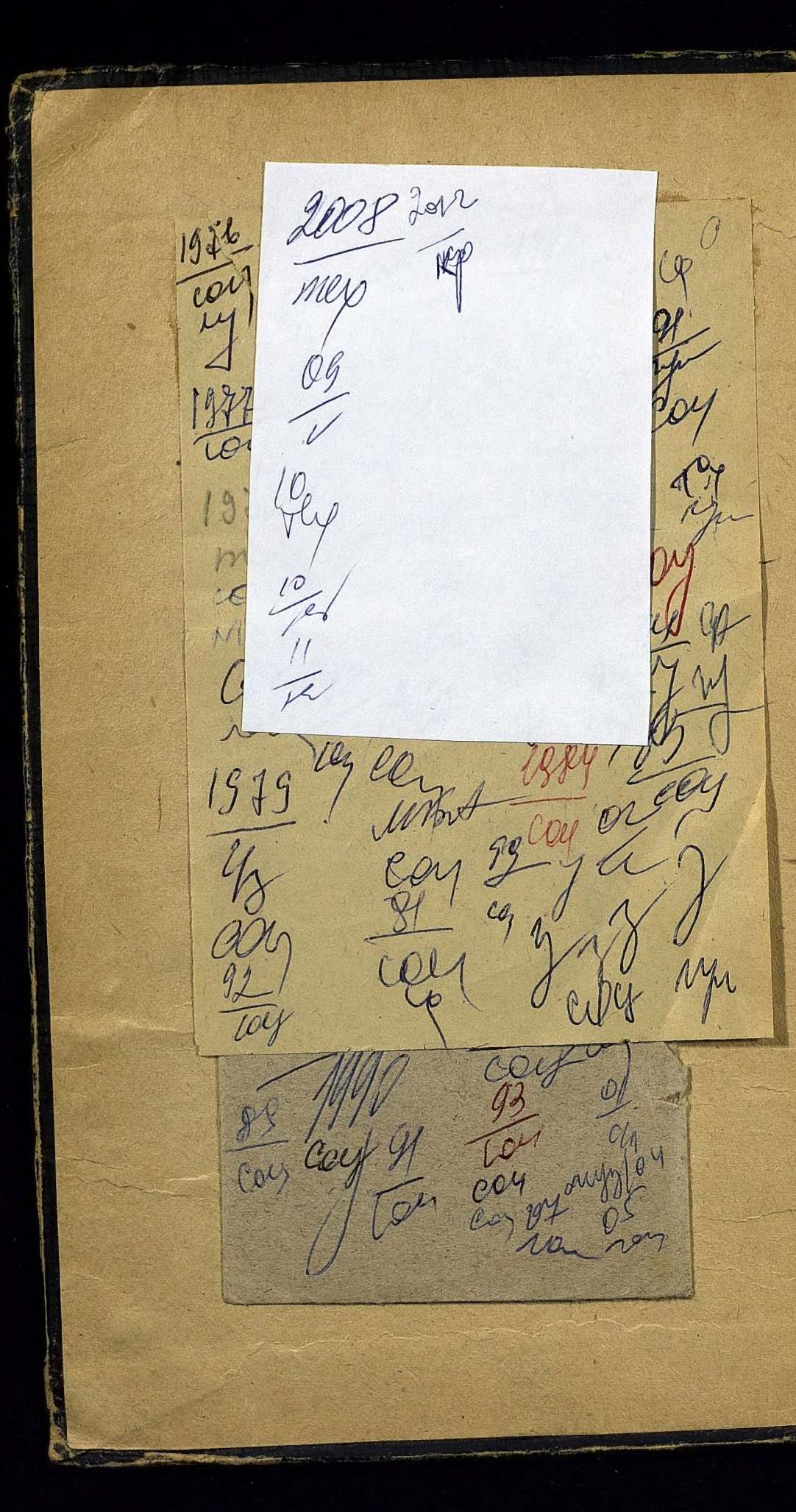
II254525
34525



Пермскій Научно-Промышленный Музей.

ДАРЪ
П. Г. О. Б.
28. АПР. 1916

Выпускъ V.

Матеріалы по изученію Пермскаго края.

Изданіе Музея.

ПЕРМСКАЯ
Центральная Библиотека
имени Максима Горького
№ 954525
10

ПЕРМЬ.
Электро-Типографія „Трудъ".
1915.

1943

Печатается согласно ст. IV и §§ 15 и 19 Устава Музея.

Отвѣтственный редакторъ за Предсѣдателя Музея,
Докторъ медицины *П. Н. Серебрянниковъ*.
Почетный Членъ Музея.

СОДЕРЖАНІЕ V ВЫПУСКА.

Стран.

П. С. Богословскій. Строгановскій Крестъ 1

Ѳ. А. Волеговъ. Краткое описаніе села Пянтежскаго и находящейся въ немъ древней церкви (съ 3-мя рисунками) 6

П. С. Богословскій. Верхотурскія Царскія грамоты (нач. XVII вѣка) . . . 10

И. И. Ульяновъ. Объ обрядахъ обрученія и просватанія (обрядовыя дѣйствія, причитанія, пѣсни, заговоры и проч.) у Зауральскихъ великоруссовъ (по обслѣдованіямъ Шмаковскаго села, Ирбитскаго уѣзда 33

И. И. Ульяновъ. Образы дивьей красоты по свадебнымъ причитаніямъ и обрядамъ села Шмаковскаго, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губ. 51

П. Н. Серебренниковъ. Докторъ В. Я. Кокосовъ. Краткія автобіографическія свѣдѣнія 51

П. Голубевъ. Памяти Всеволода Александровича Владимірскаго 84

И. Я. Кривощековъ. Историческо-статистическая справка о горныхъ заводахъ, возникшихъ въ 1623 г. по 1910 г. въ бассейнѣ рѣки Камы и ея сближеніяхъ съ С.-Двиной, съ показаніемъ времени основанія ихъ, фамиліи основателя, географическаго положенія заводовъ и величины заводскихъ дачъ 89

П. С. Богословскій. Рукопись на берестѣ 110

А. Н. Гладкихъ. Деревенскіе заговоры „присуха“ 114

Содержаніе предыдущихъ выпусковъ Трудовъ Музея.

Выпускъ I.

1) Отъ Совѣта Музея.
2) Остроумовъ И. Г. Исторія музеевъ, ихъ настоящее и будущее. Часть I-я.
3) Голубевъ П. А. Двухсотлѣтіе русской горной промышленности (съ приложеніемъ таблицъ).
4) Сиговъ И. С. Санитарныя условія горнозаводскихъ рабочихъ на Уралѣ.
5) Богдановскій А. Е. Къ вопросу о колонизаціи Верхотурскаго уѣзда Пермской губ.
6) Остроумовъ И. Г. Вогулы-Манси. Историко-Этнографическій очеркъ. Съ приложеніями: 1) Словарь вогульскихъ словъ и 2) списокъ русской литературы о вогулахъ.
7) Шумковъ Ар. Очеркъ залеганія рудъ въ Кыновской дачѣ Кунгурскаго уѣзда, Пермской губ. Часть II-я.
8) Каталогъ Зоологическаго Отдѣла Пермскаго Музея.
9) Объявленія отъ Музея: а) положеніе о капиталѣ имени П. Н. Серебренникова для выдачи премій за научныя работы, касающіеся Пермскаго края. б) О продажѣ изданій въ пользу Музея.

Выпускъ II.

Часть I-я.
1) Историко-статистическія поуѣздныя таблицы по Пермской губ. П. А. Голубева.

Часть II-я.
1) Краткія свѣдѣнія объ историческомъ и археологическомъ отдѣлахъ Пермскаго Музея.
2) Ф. А. Теплоуховъ. Древности Пермской чуди, принадлежащія Музею.
3) Каталогъ зоологическаго отдѣла Пермскаго Музея (пресмыкающіеся, земноводныя, рыбы и низшія животныя).

Выпускъ III.

Часть I-я.
1) Памяти А. Г. Каменскаго.
2) Гельцерманъ Ф. Ф. О жестокрылыхъ окрестностей г. Перми.
3) Семеновъ А. Д. Водопроводъ въ примѣненіи къ г. Перми.
4) Нимвицкій А. А. Растенія окрестностей г. Глазова (Ботанико-географическій очеркъ съ 2 картами).

Часть II-я.
1) Нимвицкій А. А. Систематическій списокъ коллекцій растеній окрестностей г. Глазова, находящіяся въ Пермскомъ научномъ Музеѣ.
2) Мирославскій М. Н. Результаты лѣтнихъ экскурсій 1896 г.
3) Его-же . . . . . 1897 г.
4) Ушковъ С. Л. Результаты экскурсій 1903 г. съ цѣлью пополненія зоологическихъ коллекцій Музея.
5) Его-же. Состояніе зоологическаго отдѣла Пермскаго Музея въ 1904 году.

Выпускъ IV. 1) Отъ редакціи.
2) В. Н. Серебренниковъ. Свадебные обычай и пѣсни крестьянъ Андреевской волости Оханскаго уѣзда, Пермской губ.
3) А. Вологдинъ. Страничка изъ исторіи солепромышленности въ Пермской губ. (съ 9 рисунками).
4) Артуръ Каннисто. О драматическомъ искусствѣ у вогулъ (съ 9 рисунками, въ переводѣ О. В. Циммерманъ).
5) Н. П. Белдыцкій. Памяти автора „Пермской старины" Александра Алексѣевича Димитріева (съ портретомъ).
6) Н. П. Белдыцкій. О Печерскомъ краѣ.
7) И. Я. Кривощековъ. Пермь Великая ея живая старина и вещественные памятники (съ картой).
8) П. В. Сюзевъ. Грибные паразиты, причиняющіе болѣзни культурнымъ и полезнымъ растеніямъ въ Пермской губерніи.
9) В. П. Сюзевъ. Необычайно сѣверный залетъ чернаго грифа.

Предисловіе.

Въ виду переживаемыхъ событій и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ V выпускъ „Матеріаловъ по изученію Пермскаго Края“ выходитъ въ свѣтъ только въ концѣ 1915 г. (хотя наборъ его былъ законченъ еще въ 1914 г.) и далеко не въ томъ объемѣ, въ какомъ предполагалось его выпустить. Несмотря на это Совѣтъ Пермскаго Научно-Промышленнаго Музея думаетъ, что и небольшой по объему V выпускъ „Матеріаловъ“ встрѣтитъ прежнее отношеніе къ себѣ и послужитъ предшественникомъ большого VI-го юбилейнаго (по случаю 25-лѣтняго существованія Музея) выпуска.

Совѣтъ Музея.

Строгановскій Крестъ

(нач. XVII в.)

Дѣйствительнаго Члена Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института

П. С. Богословскаго.

Строгановскій крестъ открытъ мною въ церкви села Троицкаго на Сылвѣ, Пермскаго уѣзда.

Онъ представляетъ собою нагрудный, шестиконечный, изъ листоваго серебра, (сохранились слѣды золоченія) крестъ. Длина его—10,3 с., ширина всего креста—6,6 с., ширина ствола—1,5 с. Толщина креста неодинакова—1 с.—0,9 с.—0,8 с. Это объясняется тѣмъ, что крестъ погнутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. На четырехъ концахъ крестъ накрытъ бочкообразными маковицами (кокошниками) въ русскомъ стилѣ XVI—XVII в.в. Подъ верхней маковицей есть еще обрѣзанный спереди и сзади, вытянутый вдоль, шаръ, соотвѣтствующій верхней перекладинѣ креста и образующій пятый и шестой концы его. (Стволъ креста отъ средней, большой, перекладины вверхъ похожъ очень на русскую колонку, раздутую въ срединѣ, но обрѣзанную спереди и сзади). Въ верхней главкѣ креста есть отверстіе съ ушками для шнурка или цѣпочки. Крестъ открывается сверху до верхней маковицы и закрѣпляется въ двухъ мѣстахъ проволокой.

Сохранился крестъ, можно сказать, хорошо. Весь онъ покрытъ изображеніями и надписями. Изображенія замѣчательно тонкой, мелкой, мѣстами прямо художественной, рѣзной работы. Всего на обѣихъ сторонахъ креста двадцать одна фигура.

Начнемъ обзоръ съ лицевой стороны. На верхней маковицѣ изображеніе Пр. Богородицы съ Предвѣчнымъ мла-

денцемъ въ лонѣ и съ воздѣтыми руками (типа „Умиленіе“). Надпись—м҃р д҃у.—Ниже цѣлая композиція „Великая жертва“ изъ семи фигуръ. Въ центрѣ Распятіе съ подножіемъ. Крестъ восьмиконечный. У Іисуса Христа тѣло слегка изогнуто въ правую сторону, длани разжаты (по греческому древнему образцу). Крестъ вырѣзанъ въ перспективѣ. У Спасителя крестчатый нимбъ, съ иниціалами Ѡѹ (а не ὁ Ὢν) Надпись і҃с х҃с. Надъ крестомъ (на колонкѣ) два ангела съ рипидами, соотвѣтствующіе служащимъ діаконамъ. Надпись—а҃ггли г҃дни. По сторонамъ (на маковицахъ) предстоящіе. По правую сторону—плачущая Богоматерь съ женами. У Богоматери правая рука вытянута впередъ, лѣвой она подпираетъ щеку. Надпись—м҃р д҃ꙋ. По лѣвую сторону ап. Іоаннъ и другіе. Правой рукой онъ подпираетъ голову. Надпись—Іѡаннъ Ѳелог҃. Композиція очень живая, прямо художественная. Положенія тѣлъ естественныя; въ складкахъ и контурахъ одеждъ нѣтъ шаблона.—На нижнемъ кокошникѣ изображеніе двухъ святыхъ безсребренниковъ Козьмы и Даміана. Послѣдній съ ларчикомъ въ лѣвой рукѣ и съ перомъ (?) въ правой. Надпись—ст҃іию (?) чюдотворцы козмѧ і дамимнъ.

Оборотная сторона креста. Вверху, на главкѣ, изображеніе Святой Троицы, въ видѣ явленіе Аврааму трехъ ангеловъ. Хотя средній ангелъ безъ крыльевъ, но нимбы у всѣхъ простые. Сидятъ ангелы на полукругломъ столѣ. Авраама нѣтъ. Сверху дубъ Мамврійскій. Надпись—ст҃аѧ тр҃ца. На колонкѣ, раздутой въ срединѣ, изображеніе Іоанна Предтечи (почти до колѣнъ) съ благословляющей рукой и съ длинными, распущенными волосами. Надпись--ст҃ы иѡ҃аннъ пр҃тча. Въ центрѣ изображеніе св. Николая Чудотворца во весь ростъ (3,7 с.) съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ. Надпись—ст҃ыи ниолае чюдотворецъ.—По сторонамъ, на кокошникахъ, изображеніе св. апостоловъ—Петра (съ кудрявой бородкой) и Павла (съ длинной бородой). У ап. Павла въ лѣвой рукѣ Евавгеліе, правой онъ благословляетъ. У апост. Петра въ лѣвой рукѣ чаша (?) Надпись—ст҃ы ап҃лъ Петръ—ст҃ыи ап҃лъ Павел.—На нижнемъ кокошникѣ изображены три святителя: Василій Великій,

Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Всѣ они съ Евангеліями въ лѣвой рукѣ, правой благословляютъ. Надпись— Василє Григорє Іѡанъ.

Сбоку на крестѣ большая запись. Вотъ она: [Част]ицы ѿ мощи многихъ сты бл҃говѣрны кн҃аеи мощи Василиꙗ і Контѧнтина Ꙗрославскихъ мощи Гѹріѧ и Варсонофіѧ Архиеп҃кповъ Казанскихъ мощи Прокопіѧ оустюско чюдотворца мощи....

Ниже—сылвѧнскои домовои троец҃о положеніе Петра Семеновича Строганова.

На верхнемъ кокошникѣ написано внизъ головой— оустюжского чюдотворца.

Къ какому же столѣтію относится этотъ крестъ? Стиль изображеній (иконографическія данныя) и форма, внѣшній видъ, креста несомнѣнно говоритъ за XVI—XVII в.в. Мало этого. Мы можемъ опредѣлить точнѣе время креста. На крестѣ есть запись о частицахъ св. мощей, находившихся въ немъ. Открытіе мощей Василія и Константина, Ярославскихъ князей, жившихъ въ XIII в., было въ 1501 г. Канонизація же Казанскихъ чудотворцевъ относится къ 1595 г. Этотъ годъ для насъ своего рода terminus, a quo датировки креста. Раньше 1595 года частицы мощей св. чудотворцевъ не могли попасть въ этотъ крестъ. Слѣдовательно, не было и записи, а такъ какъ почеркъ записи и надписей одинъ и тотъ же, то, стало быть, и надписи никакъ не раньше 1595 г. Надписи безусловно одновременны съ изображеніями. Отсюда еще дальнѣйшій выводъ—изображенія и, стало быть, весь крестъ, были сдѣланы послѣ 1595 года. Но когда же именно? Въ этомъ поможетъ намъ разобраться запись на крестѣ: „положеніе Петра Семеновича Строганова". Петръ Семеновичъ Строгановъ, которому принадлежалъ Сылвенскій острожекъ, жилъ между 1583 и 1639 г.г. Вотъ у насъ и другая дата, конечная—1639 г. Позже этого года крестъ не могъ быть сдѣланъ. Итакъ, онъ относится къ началу XVII вѣка или къ самому концу XVI в. (1595—1639 г.г.)*)

*) Къ этому же времени относится крестъ и *по характеру письма,* которое, однако, я здѣсь не разсматриваю спеціально.

Возможно, что крестъ этотъ былъ пожертвованъ П. С. Строгановымъ въ Троицкую церковь Сылвенскаго острожка по какому нибудь случаю изъ его жизни. А случаи такіе извѣстны. Одинъ изъ нихъ, можетъ быть, и послужилъ поводомъ къ пожертвованію. Извѣстно, что въ августѣ 1609 года царскимъ указомъ была снята опала (всякая) съ Петра Семеновича, наложенная еще Іоанномъ Грознымъ на его отца, С. А. С. Извѣстно также, что въ маѣ 1610 года Петръ Семеновичъ, вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ, получилъ званіе „именитыхъ людей“. Извѣстно еще, что въ грамотѣ Михаила Ѳедоровича, отъ 30 іюля 1614 года, еще разъ были подтверждены права и собственности Петра Семеновича, которыми владѣлъ его отецъ.

Очень возможно, что одинъ изъ подобныхъ радостныхъ указовъ и побудилъ П. С. Строганова возблагодарить Бога за милость пожертвованіемъ креста въ Троицкую церковь. Изъ указанныхъ выше фактовъ въ жизни П. С. Строганова останавливаетъ на себѣ особое вниманіе царская грамота отъ мая 1610 года, которою П. С. Строганову было даровано право писаться Семенови*чемъ*. Это передвигаетъ terminus a quo нашей датировки съ 1595 на 1610 г., такъ какъ въ написи на крестѣ Строгановъ названъ Семенови*чемъ*. Значитъ, съ большой вѣроятностью позволительно относить крестъ къ промежутку времени между 1610 и 1639 г.г. Возможно очень, что, крестъ перешелъ въ собственность Сылвенской церкви въ 1639 г., послѣ смерти Петра Семеновича Строганова, по его завѣщанію.

Но сказать что либо опредѣленное по этому вопросу, что либо большее, чѣмъ предположеніе, пока я не могу. Достаточно и того, что крестъ датированъ довольно точно, а промежутокъ въ какихъ-нибудь тридцать лѣтъ (1610—1639) при опредѣленіи памятниковъ древности почти не имѣетъ значенія.

Крестъ хорошей работы и вышелъ, несомнѣнно, изъ школы строгановскихъ мастеровъ, которые, какъ извѣстно изъ исторіи русской иконографіи, достигли высокой степени

совершенства въ мелкихъ изображеніяхъ, тщательно отдѣлывали фигуры, обращали вниманіе на детали и снабжали отдѣльныя фигуры многочисленными написями.

Вообще, открытый и описанный здѣсь мною *„Строгановскій“ крестъ* представляетъ рѣдкій и очень цѣнный памятникъ древности. Пермская старина обогатилась еще одной рѣдкостью.

Дай Богъ, чтобы поскорѣе выходила изъ глубины вѣковъ наша старина!

Павелъ Богословскій,

Дѣйствительный Членъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института.

Г. Пермь. 1913 г. 3 ноября.

Краткое описаніе села Пянтежскаго и находящейся въ немъ древней деревянной Церкви (съ 3 рисун.).

Примѣчаніе редакціонной комиссіи. Данная рукопись доставлена въ музей Василіемъ Николаевичемъ Волеговымъ. который нашелъ ее среди бумагъ дѣда своего Ѳедота Алексѣевича Волегова, извѣстнаго историка Пермскихъ Строгановскихъ имѣній. Покойный Ѳедотъ Алексѣевичъ былъ большимъ поклонникомъ и собирателемъ русской старины. Интересомъ къ старинѣ и можно объяснить его описаніе Пянтежскаго села и древней церкви. Къ тексту приложенъ рисунокъ церкви. Рукопись датирована октябремъ 1850 года. Рукопись представляетъ историческій интересъ. Поэтому редакціонная комиссія и печатаетъ ее въ „Трудахъ“ Музея, считая, однако, необходимымъ сдѣлать оговорки и дополнить ее справками по археологіи и этнографіи Пермскаго Края. Въ приложеніи, рядомъ съ рисункомъ Волегова, ред. ком. даетъ снимки съ современнаго вида древней Пянтежской церкви. Какъ легко замѣтить, за 60 лѣтъ произошли существенныя измѣненія во внѣшнемъ видѣ церкви. Вмѣсто шатровой крыши теперь четырехскатная желѣзная. Подъ церковь подведенъ фундаментъ.

Въ печати орѳографія сохранена точно и рукопись печатается цѣликомъ.

Село Пянтежское стоитъ на лѣвомъ берегу Камы въ 37 верстахъ отъ города Чердыня, имѣетъ двѣ церкви: одну каменную, другую деревянную, 20 домовъ, сельскую управу, питейный домъ и запасный магазинъ.

Въ день Ильи Пророка бываетъ здѣсь ярмонка называемая Ильинской.

Болѣе всѣхъ достойна примѣчанія деревянная церковь, Смоленской Божіей Матери, какъ по своей древности, такъ

и по преданіямъ, объ ней ведущимся въ народѣ. Она имѣетъ видъ шести сторонной башни съ такимъ же пирамидальнымъ шпицомъ, съ небольшимъ алтаремъ безъ колокольни; надъ шпицомъ не большой деревянный куполъ съ деревяннымъ крестомъ. Въ алтарѣ, съ Востока сдѣланы два полуокна, и по одному окну съ Сѣвера и Юга, а въ церкви по два окна по обѣимъ сторонамъ, изъ коихъ одно, находящееся по правую сторону, слишкомъ широкое, но не высокое, съ запада также два полуокна, между ними двери. Въ церкви находится одинъ только правый клиросъ. Подъ церквой была устроена кладовая, которая по случаю согнившихъ нижнихъ вѣнцовъ Церкви, уничтожилась и теперь видна только верхняя часть дверей, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка. Кромѣ того съ Сѣверной стороны, выше оконъ, неизвестно для какой цѣли сдѣланы двери съ балкономъ, который отъ времени разрушился, остались только одни пропускныя бревна.

Во внутренности церкви всѣ украшенія и живописи на иконахъ отъ времени стерлись, остался престолъ и антиминсъ; одѣянія престола нисколько не повредились; подъ престоломъ находится одна галя (камень) что подаетъ мысль, что сія Церковь освѣщаема была однимъ лицомъ. Антиминсъ ни кѣмъ не подписанъ.

Церковь сія, хотя и не закрыта совершенно для Богослуженія, но по случаю ветхости ея и находящейся въ селѣ другой каменной церкви, въ ней постоянной службы не бываетъ; только въ день Смоленскія Божіей Матери совершается въ оной литургія и молебствіе. Было предписано, Пермскимъ Епископомъ, чтобы закрыть оную для Богослуженія, но крестьяне противъ сего возстаютъ и хранятъ ее какъ Святыню Божію[1]).

Она выстроена изъ сосноваго лѣса, будьто бы, рубленнаго не подалеку отъ села въ бору, который вѣроятно по этому и называется *Церковнымъ*.

Когда и кѣмъ была выстроена сія священная храмина— неизвестно; даже прадеды и прапрадеды нынѣшнихъ стари-

[1]) Въ настоящее время Богослуженіе въ церкви совершается разъ въ годъ.

ковъ не помнятъ и незнаютъ времени постройки ея. Преданіе повѣствуетъ, что будьто бы около 1500 года къ Ильинской Пянтежской ярмонкѣ съ верху Камы плыла на ладьяхъ неизвѣстная Московская барыня, и на пути своемъ сдѣлалась больна, такъ сильно, что не могла продолжать свой путь—остановилась—прошло нѣсколько дней болѣзнь ея не уменьшилась и возвѣщала смерть. Въ одинъ изъ сихъ дней она видѣла сновидѣніе, которымъ велѣно:—построить ей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ *деревня Пеньки* (нынче село Пянтежское) церковь и освятить ее во имя Смоленской Божіей Матери. Она проснувшись и по чувству къ сему тайному внушенію, приписывая его волѣ Божіей, дала обѣщаніе построить Церковь; вскорѣ послѣ сего выздоровѣла и, по прибытіи въ деревню Пеньки, исполнила свое обѣщаніе[1]).

Деревня Пеньки названа такъ потому, что она выстроена на пняхъ (на вновь разчищенномъ мѣстѣ), а село Пянтежское получило названіе отъ деревни[2]).

Говорятъ были записки объ этой деревянной Церкви и хранились въ другой, уже сгорѣвшей (лѣтъ 50 назадъ) церкви, вмѣстѣ съ которой сгорѣли и записки о семъ достопримѣчательномъ, священномъ памятникѣ, который можетъ быть простоитъ еще очень долго.

Священникъ села Пянтежскаго почтенный и умный старичекъ, отецъ Ефимій, лѣтъ 60, посвященный изъ пономарей въ 1827 году, въ Семинаріи не учился, а грамотѣ обучался у своего брата, священника. Жизнь ведетъ очень воздержанную, безъ прихотей, ни чѣмъ не отличающуюся отъ крестьянской. Въ обыкновенное время одежду носитъ простую, крестьянскую, равно жена и дочери ихъ вполнѣ подражаютъ крестьянскому обычаю, т. е. носятъ пермяцкіе

---

[1]) Хронологическая дата постройки церкви (ок. 1500 г.(?)), сообщаемая преданіемъ, слишкомъ проблематична. Но преданіе это интересно въ томъ отношеніи, что указываетъ на направленіе пути изъ Москвы въ Великую Пермь.

[2]) Редакц. комиссія не раздѣляетъ даннаго филологическаго толкованія названія села Пянтега. См. ниже примѣч. ред. комиссіи.

кокошники и прочее[1]). Не имѣя сыновей, а только однихъ дочерей, онъ беретъ на нихъ въ свой домъ изъ крестьянъ, и какъ истинный духовный отецъ старается наставлять своихъ дѣтей всему доброму и полезному, показывая собою примѣръ во всѣхъ дѣлахъ. Самъ трудится на пашнѣ, занимаясь и другими крестьянскими работами и понимаетъ чего стоитъ сей трудъ, съ прихожанами живетъ мирно и ничего отъ нихъ не вымогаетъ, за что и уважается отъ нихъ какъ отецъ.

У нижняго конца села Пянтежскаго, подлѣ кладбища, стоитъ древняя сосновая роща, которую хранятъ жители и обожаютъ точно такъ, какъ деревянную Церковь; равнымъ образомъ, еловую рощу около деревни Большой Долды находящуюся, также чтутъ до того, что лѣтъ 20 тому назадъ или еще менѣе, она служила мѣстомъ приношенія жертвъ древнему языческому *Перуну* и другимъ ему подобнымъ болванамъ, суевѣрными жителями[2]).

[1]) Это указаніе рукописи на этнографическую особенность (носятъ *пермяцкіе* кокошники подражаютъ крестьянскому *обычаю*) обращаетъ на себя вниманіе и даетъ интересную историческую справку: значитъ, въ половинѣ XIX ст. населеніе прихода Пянтежской церкви, еще не совсѣмъ *обрусѣло*, разъ за обычай была пермяцкая одежда. Теперь ея нѣтъ и въ помине.

[2]) Очень интересно указаніе на обожаніе населеніемъ сосновой рощи, находившейся по теченію Камы у нижняго конца села, и указаніе на такое же обожаніе еловой рощи въ д. Больш. Далдахъ, Пянтежской волости. Перунъ—здѣсь поминается, конечно ошибочно. Культъ обоготворенія деревьевъ древними пермяками и вогулами извѣстенъ по житіямъ Св. Стефана Пермскаго и преп. Трифона Вятскаго, не говоря о празднованіи „Плишки“ въ Богородской волости, Пермскаго уѣзда, гдѣ обожаемыя деревья почитались окрестнымъ русскимъ населеніемъ въ 50-хъ годахъ минувшаго столѣтія („Три елочки“, статья Ѳ. А. Теплоухова). Археологъ Н. Н. Новокрещенныхъ говоритъ о селѣ Пянтежскомъ въ своихъ археологическихъ замѣткахъ (Тр. Пер. уч. Арх. ком. вып. IV, стр. 122) слѣдующее: „сплавляя дрова для соляныхъ промысловъ, (сплавщики) рискуютъ попасть около Амбори и Пянтега въ проточины, за островки или сосуны, каковыхъ здѣсь много. Поэтому, подъѣзжая къ Амбору, молятся: „спаси, честной Амборъ!“ а проѣзжая мимо Пянтега: „спаси, Пянтегъ праведный!“ Названія почитаемыхъ мѣстными жителями баснословныхъ личностей, вѣроятно, древнепермскаго происхожденія; память о нихъ удивительно живуча, несмотря, на четыре съ половиной столѣтія со времени принятія христіанства. Одноименность баснословнаго Пянтега съ названіемъ села Пянтежскаго разрушаетъ доморощенную филологію рукописи.—Археологъ Берхъ въ своемъ „путешествіи въ г. Соликамскъ и Чердынь“ указываетъ въ 1819 г. на нахожденіе въ 4 верстахъ отъ села Пянтежекаго чудского городища и печи, сложенной изъ плитъ для выдѣлки чугуна, и при ней кучи шлаковъ (Берхъ, стр. 90—91).

Верхотурскія царскія грамоты.

(нач. XVII в.).

Въ Пермскомъ Научно-Промышленномъ Музеѣ хранится свитокъ, содержащій цѣлый рядъ грамотъ первой половины XVII вѣка. Свитокъ этотъ, склеенный изъ отдѣльныхъ грамотъ, имѣетъ въ ширину 15 сант., а въ длину 14 аршинъ. 5 вершковъ. Бумага плотная, съ частыми pontuseaux, между vergeures 2 сантиметра. Филиграни встрѣчаются довольно часто. Чаще всего въ видѣ кувшинчика, на высокомъ поддонѣ. съ одной ручкой (качество рисунка неодинаково. есть кувшинчики очень изящной формы). Другіе типы филиграней опредѣлить почти невозможно, такъ какъ они всѣ находятся на обрѣзахъ и даютъ въ нашемъ свиткѣ отдѣльныя части. напр., конусообразный кольчужистый наборъ, часть звѣзды съ подвѣшеннымъ лепесткомъ и шарикомъ и т. п.

На всѣхъ грамотахъ есть прорѣзки. Скрѣплялись грамоты пломбами, на нашихъ грамотахъ—восковыми. Одна изъ такихъ пломбъ сохранилась на 4-й грамотѣ, на существованіе подобныхъ пломбъ у другихъ грамотъ указываютъ слѣды ихъ на бумагѣ (напр., см. 9-ю грамоту). Но представлять интересъ для сфрагистики сохранившаяся восковая пломба не можетъ, такъ какъ на ней нѣтъ никакихъ знаковъ (по всей вѣроятности, они уничтожены временемъ[1]).

Перейдемъ къ содержанію свитка. Свитокъ—не полный; несомнѣнно были еще грамоты, которыя утеряны. На оборотѣ, на склейкахъ, имѣются записи, писанныя разными лицами и въ различное время. (Записи: „Діакъ Ѳедор Пановъ“, “Діакъ Іванъ Переносовъ“, „Селетцынъ“ и „Стольникъ Гаврило Козловъ“). Всего сохранилось 9 грамотъ. Всѣ грамоты—царскія. Писаны онѣ изъ Москвы, отъ царя и великаго князя

[1]) М. б. это копіи подлинныхъ печатей.

П. Б.

Михаила Федоровича въ 7142 (1634) году въ Сибирь, на Верхотурье, къ воеводѣ верхотурскому Данилу Ивановичу Милославскому и его подъячимъ: Второму Шестакову и Ивану Селетцыну. Д. И. Милославскій былъ воеводой на Верхотурьѣ съ 11 окт. 1632 г. до января 1635 г. (См. А. Дмитріева „Пермская Старина“, вып. VII, 131 стр.).

Въ виду того, что этихъ грамотъ мы не нашли въ „Пермской Лѣтописи“ Шишонко, считаемъ необходимымъ привести ихъ здѣсь сполна. Транскрипцію даемъ точную, не допуская никакихъ поправокъ и измѣненій. Орѳографію сохраняю въ чистотѣ. Знаки препинанія, какъ отсутствующіе совершенно въ грамотахъ, разставляю согласно смыслу; при всякомъ удобномъ случаѣ ставлю, въ цѣляхъ облегченія чтенія, точку. Каждой грамотѣ предпосылаю, также для облегченія чтенія, нѣсколько словъ, поясняющихъ основную мысль грамоты и ея интересъ. Примѣчанія наши покажутся, можетъ быть, слишкомъ общими, но это объясняется спѣшностью работы и недостаткомъ времени.

Грамота I.

Первая изъ сохранившихся грамотъ писана „на Москвѣ лѣта 7142, Ѳевраля въ 28 день“. Она интересна въ томъ отношеніи, что говоритъ о времени назначенія въ Верхотурье подъячаго Ивана Селетцына, вмѣсто Второго Шестакова, и объ опредѣленіи Селетцыну хлѣбнаго жалованья, съ 143 года полнаго оклада=25 четь ржи и 25 четь овса. Приводимъ ея текстъ.

Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі в Сибир на Верхотурье воеводе нашему Данилу Івановичу Милославскому. По нашему указу велено быти на нашей службе в Сибири, на Верхотурье, у нашего дѣла на Второво мѣсто Шестакова подьячему Івану Селетцыну. А нашего хлѣбново жалованья указали есмя ему, Івану, дати в Сибири на Верхотурье на нынѣшней, на 142, год против денежново ево окладу в полы-двенатцат четь с осминою ржи, овса тоже, а вперед, на 143 год,—полной оклад—двадцат

пят четь ржи, двадцат пять четь овса. И какъ к тебѣ ся наша грамота придет, а подьячей Іван Селетцын в Сибир на Верхотурье приѣдет, и ты б ему наше хлѣбное жалованье на нынѣшней, на 142, год половину ево окладу—двенатцат четь с осминою ржи, овса тож, а вперед, на 143 год (*вверху*—полной іво оклад) дватцат пят четь ржи, дватцат пят четь овса велѣл дати на Верхотурье из наших житниц ис тутошніе із Верхотурские пахоты. И вперед ему наше хлѣбное жалованье до тѣх мѣстъ, покамѣста он, Іван, на нашей службе в Сибири, на Верхотуре, у нашего дѣла будет, то ты ему-ж велѣл давати. Писан на Москвѣ лѣта 7142-го, Ѳевраля в 28 де.

На оборотѣ. В Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Данилу Івановичю Милославскому—142 году апрѣля в 7 де подал Іван Селетцын.—*Внизу*—Справил Тренька Васильев.

Грамота II.

Писана „на Москвѣ лѣта 7142 Ѳевраля в 24 (7-?) де“-нь. Въ ней подьячій Второй—Шестаковъ обязывается дать отчетъ вновь назначенному „подъячему съ приписью“ Ивану Селетцыну по приходо-расходнымъ книгамъ въ деньгахъ, мяхкой всякой рухледи и хлѣбныхъ и пушечныхъ і всякихъ запасахъ, и ѣхать въ Москву. А Селетцыну опредѣляется на новомъ мѣстѣ съ Даниломъ (Милославскимъ) „всякие дѣла дѣлати и росправа меж всяких людей чинити“ по всѣмъ указамъ и грамотамъ царскимъ „вмѣсте, за-один, безо всякие розни... как бы нашему дѣлу и нашей казнѣ было прибыльнѣе, чтоб во всем нам пред прежним учинити прибыль, а людем тягости не навесть“.—Интересно здѣсь отмѣтить указаніе на строгую отчетность въ административномъ правленіи Московской Руси и стремленіе Московскаго правительства къ единогласному веденію дѣлъ („дѣла дѣлати за-одинъ, безо всякие розни“). Вотъ эта грамота.

От царя і великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі в Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Данилу Івановичю Милославскому да подьячему Второму Шеста-

кову. По нашему указу велено быти на нашей службе в Сибири на Верхотурье у нашего дѣла на твое, на Второво, мѣсто с приписю подячему Івану Селетцыну и нашъ ему наказ за дьячьею приписью данъ. А велено ему по тому нашему наказу, приѣхав на Верхотурье, пересмотрит в нашей казнѣ денги и мяхкую всякую рухледь и хлѣбные и пушечные і всякие запасы. Велено ему денги перечесть, а хлѣб перемѣрит, а пушечные всякие запасы перевѣсить, да ему-ж велено у тебя, у Второво, взят денгам и хлѣбу и мяхкой рухляди и всякой нашей казнѣ приходные и расходные книги, да по тѣмъ книгамъ в денгах і в хлѣбе і во всякой нашей казнѣ тебя, Второво, съ тѣхъ мѣст, как ты на Верхотуре у нашего дѣла быти учал, да по ево Іванов приѣзд, счесть подлинно. Да что на тебя взочтетъ, и то на тебѣ велено доправити. Быти ему, Івану, на Верхотуре у нашего дѣла съ тобою, Данилом, і всякие наши дѣла дѣлати и росправа меж всяких людей чинити по нашимъ наказом, каковы даваны прежним воеводамъ, и по нашему ж наказу, каков дан тебѣ, Данилу, и по грамотам, которые ныне в нашей казнѣ на Верхотуре, и которые наши грамоты учнут к вам, к Данилу и к Ивану, впередъ присылати, вмѣсте за-один, безо всякие розни. І какъ к вам ся наша грамота придет, а подьячей Іван Селетцын в Сибир на Верхотуре приѣдет, и ты б, Второй, отдал Івану Селетцыну в нашей казнѣ деньги и мяхкую рухледь и хлѣбные и пушечные і всякие запасы и тѣм деньгам и хлѣбу и мяхкой рухледи и пушечным і всяким запасомъ приходные и расходные книги и наши дѣла; і во всемъ в томъ Сываномъ росписался. И давъ во всякой нашей казнѣ отчет, и то, что будет на тебя, взочтетъ, заплатя, ѣхал бы еси к нам к Москве, а пріѣхавъ к Москве, явился в приказе Казансково дворца дьякомъ нашимъ Ѳедору Панову да Івану Переносову. А ты б, Данило, будучи на нашей службе на Верхотуре, с подьячим Сываном Селетцыным всякие наши дѣла дѣлали и расправу меж всяких людей чинили по нашим наказом, каковы даны прежним воеводам и по нашему-ж наказу, каков дан тебѣ, Да-

нилу, и по грамотамъ, которые ныне в нашей казнѣ на Верхотурье, и которые наши грамоты учнут къ вамъ вперед присылати—вмѣсте, за один, безо всякие розни, и какъ бы нашему дѣлу и нашей казнѣ было прибыльнѣе, чтоб во всем нам перед прежним учинити прибыль, а людем тягости не навесть. Писан на Москвѣ лѣта 7142 г. Ѳевраля въ 24 де (7-?).

На оборотѣ. В Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Данилу Ивановичю Милославскому да подьячему Второму Шестакову.—142 апрѣля в 7 де подалъ Іван Селетцын.—*Внизу.* Справил Тренька Васильев.

На склейкахъ: Діак Ѳедор—Панов.

Грамота III.

Писана „на Москвѣ лѣта 7142, апрѣля в 9 де“-нь. Въ этой грамотѣ говорится о пересылкѣ „из Нижнево в Сибир, в Томской город, Воина Тупальского с женою и з детми и с людми“, причемъ перечисляются служилые люди, подъ охраной которыхъ ссылается Воинъ Тупальской. Служилые эти изъ разныхъ городовъ сибирскихъ: „Тобольскаго города, Пелымскіе стрѣльцы, Маньгазѣйскаго города, Томского, Кузнецкого острогу“ и т. д. Изъ Верхотурья предписывается отправить ссыльнаго дальше—„въ Тоболескъ“, а казанскихъ провожатыхъ обратно—въ Казань.—Приводимъ текстъ грамоты.

От царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі в Сибир на Верхотурье воеводе нашему Данилу Івановичю Милославскому да подьячему Івану Селетцыну. По нашему указу велено послати из Нижнево в Сибир в Томской город Воина Тупальского з женою и з детми и с людми; до Казани с приставы, з детми боярскими: с івняженином с Сываном Тишеньковым, да съ кокшаженином с Петром Сорокиным, да с Сибирскими служилыми людми Тобольского города с пятидесятники казачьи: Сывашком Михайловым, Сывашкомъ Ковырзиным, да з десятником Сывашком Завьяловым, да с казаки: с Мишкою Михайловым, с Матюшкою

Ондрѣевым, с Семенкою Ѳедоровым, Березова города с казаком с Васкою Дѣевым, с Пелымскими стрельцы: з десятником с Ѳилькою Івановым, с Васкою Худяковым, Сьякунькою Сергѣевымъ, Сывашком Вискуковым, Сывашком Михайловым, Маньгазѣйского города со стрельцом с Васкою Ерополовым да с Томскими служилыми людьми: с пятидесятником с Микиткою Васильевым да з десятником Сысачком Михайловым, с Семенкою да з Гришкою Васильевыми, да Кузнецкого острогу с казаком з Гришкою Івановым. А ис Казани велено ево, Воина, послати в Сибирь к вам, на Верхотурье, с тѣми ж Сибирскими служилыми людми: с пятідесятником Сывашком Михайловым с товарыщи. Да к тѣмъ Сибирским служилым людем в прибавку велено послати ис Казани до Верхотурья Казанских провожатых сына боярского да и стрельцов, кольких человѣк пригоже. І какъ к вамъ ся наша грамота придет, а Казанецъ, сынъ боярской, и Сибирские служилые люди: Івашко Михайловъ да Івашко Ковырзинъ с товарищи в Сибир на Верхотурье приѣдут і воина Тупальского з женою и з детми и с людми привезут, і выб того Воина Тупальского з женою и з детми и с людми у казанца, сына боярского, велѣли взяти и послали ево с Верхотурья в Тоболеск с тѣми ж Сибирскими служилыми людми: Сывашком Михайловым да Сывашком Ковырзиным с товарищи тотчас, а казанца, сына боярского, и стрельцов отпустили-б есте с Верхотурья в Казань, не задержавъ. А которого числа казанецъ сын боярской і Сибирские служилые люди и Казанские стрельцы с Воином Тупальским ис Казани на Верхотурье приѣдут, и как вы тово Война Тупальского з женою и з детми и с людми у Казанских провожатых возмете и с Верхотурья в Тоболескъ, а Казанских провожатых в Казань отпустите, і вы б о том отписали к нам к Москве сыными нашими дѣлы вмѣсте. А отписку отдати в приказе Казанского дворца діакомъ нашим Ѳедору Панову да Івану Переносову. А в Тоболескъ к воеводам нашим ко князю Ондрѣю Голицыну с товарищи о томъ от насъ писано ж. Писан на Москвѣ лѣта 7142 апрѣля в 9 де.

На оборотѣ: В Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Данилу Ивановичю Милославскому да подячему Івану Селецыну.

142 год іюля в 11 де подал Тобольского города пятидесятник Івашко Панов. *Внизу*—Справил Тренька Васильев.

На склейкахъ:—Діакъ Ѳедор—Панов.

Грамота IV.

Писана „на Москвѣ лѣта 7142 марта в 11 де-нь". Въ грамотѣ сообщается о выборѣ въ Чебоксарахъ посадскими людьми въ Верхотурье „в таможенные і в кабацкие головы на перемѣну прежнему—Ортюшкѣ Москвитину Чебоксарскаго посацкого человѣка добра и душею пряма и животом прожиточна, кому-б наш таможенной кабацкой збор был за обычай";—и о присылкѣ выборнаго въ Верхотурье, гдѣ онъ долженъ быть приведенъ „къ крестному целованью" на том, чтоб ему на новомъ мѣстѣ „таможенным и кабатцким збором радѣти и нашею никакою казною не корыстоватца", не вести собственной торговли, а казнѣ „искати прибыли". А старого голову—Ортемья Москвитина—грамота требуетъ послать въ Москву, взявъ отъ него отчетъ и доправивъ недочеты.—Интересны условія, какими обставлялась служба въ этой должности (личныя дѣла необходимо было совсѣмъ оставить, кромѣ того требовалась для кабацкаго головы „прямая душа" и т. п.). При этой грамотѣ сохранилась восковая пломба, къ сожалѣнію, безъ всякихъ знаковъ. Приводимъ грамоту.

От царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі в Сибир на Верхотурье воеводе нашему Данилу Ивановичю Милославскому да подячему Ѳторому Шестакову. В нынешнем, во 142, году, послана наша грамота в Чебоксар к воеводе к Ивану Опухтину да к подячему к Михаилу Ключареву. А велено выбрати в Чебоксарех Чебоксарским посадцкимъ людемъ в Сибир на Верхотурье в таможенные і в кабацкие головы на перемѣну прежнему Верхотурскому таможенному і кабацкому головѣ, Ортюшке Москвитину, Чебоксарского посацкого человѣка добра и душею пряма и

животом прожиточна, кому б нашъ таможенной кабацкой збор быль за обычей и кого б то таможенное и кабатцкое дѣло стало, а выбрав, послати ево в Сибир на Верхотурье, не замолчав. І какъ к вамъ ся наша грамота придет, а ис Чебоксар воевода Іван Опухтинъ да подьячей Михайло Ключарев к вам отпишут и Чебоксарского посацкого человѣка в таможенные і в кабатцкие головы на Верхотуре пришлют, і вы-бы того-б чебоксарского посадцкого человѣка велѣли на Верхотурье привести къ нашему крестному целованью (наверху—против прежнего) на том, что ему, будучи в Сибири, на Верхотуре, у нашего таможенного и кабатцкого збору, нашим таможенным и кабатцким збором радѣти и нашею никакою казною не корыстоватца и самому ему своими денгами и товаром никаким не торговати, ни чѣм, ни с кѣмъ в торговлю не складыватца, і в таможенном і в кабатцком зборе нам искати прибыли, чтоб в нашем в таможенном і в кабатцком зборе перед прежними годы была прибыль. А приветчи ево к нашему крестному целованью, велѣли ему быти на Верхотуре у нашего таможенного и у кабатцкого збору на Ортемево мѣсто Москвитина. И нашъ наказ, почему ему наша таможенная пошлина и кабатцкие всякие денги збирати, дали ты, Ѳторой, за своею приписью. Противъ прежнего нашего указа, прежнево таможенного и кабатцково голову—Ортемья Москвитина—в нашем таможенном і в кабатцком зборе велѣли счесть подлинно с тѣх мѣст, как ему велено быт на Верхотуре, у нашего таможенного и кабатцкого збору. Да что на него нашие казны взочтут, і вы-б то на нем доправили, а доправя, взяли в нашу казну, да о том бы есте отписали. И счетной список, таможенные и кабатцкие зборные книги ты, Ѳторой, за своею приписью и за тѣми книгами для справки того таможенного голову, Ортемья Москвитина, прислали к нам к Москве, а на Москвѣ тое отписку и счетной список и таможенные и кабатцкие книги велѣли отдати, и головѣ таможенному, Ортемью Москвитину, явитися в приказе Казанского дворца дьяком нашим Ѳедору

Панову да Івану Переносову. Пісан на Москвѣ лѣта 7142 марта в 11 де.

На оборотѣ: В Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Данилу Івановічу Милославскому да подьчему Өторому Шестакову.

142 году іюня в 12 де подал Государеву грамоту Тобольской сынъ боярской Іван Венгерской.

О таможенном головѣ, котораго велено прислат ис Чебоксар.—Справил Тренька Васильев.

На склейкахъ: Діак Өедор Панов.

Грамота V.

Писана „на Москвѣ лѣта 7142, марта в 26 де"—нь. Въ грамотѣ дается распоряженіе о постройкѣ судовъ подъ хлѣбные запасы и разсматривается челобитная верхотурскихъ обнищавшихъ плотниковъ, которые разбѣжались, „пометавъ свои жены и дѣти" и надѣлавъ долговъ, вслѣдствіе низкой платы за работу. Въ грамотѣ отдается приказаніе устроить все такъ, „какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣе, а плотникамъ бы не в тягость, и чтоб их тѣм не разогнать и судововo бы дѣла и нашим хлѣбным запасом отпусков не поставить и сибирскихъ бы городов служилым людем в хлѣбном жалованье нужи не учинит же"... Грамота интересна въ томъ отношеніи, что знакомитъ насъ съ цѣнами по постройкѣ судовъ, съ платой за плотничную работу и съ хорошей стороны рисуетъ Московское правительство, наказывающее воеводѣ устроить все миролюбиво—и государственные интересы соблюсти и плотниковъ бы „въ тягость не навесть".—Вотъ эта грамота.

От царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі, в Сибир на Верхотурье воеводѣ нашему Данилу Івановичю Милославскому да подьячему Өторому Шестакову. Внынешнем, во 142, году, генваря в 19 де, писали есте к нам, что по нашему указу велено на Верхотурье под наши хлѣбные запасы и под воевод суды дѣлати по прежнему тѣм же людем, которые наперед сево суды дѣлывали, а от

дѣла от тѣх судов велено давать плотником найму, примѣряс к прежним годом, как бы нашей казнѣ было прибыльнее, а плотником бы не в тягость, и чтоб их тѣм нерозогнать и судововo бы дѣла и нашим хлѣбным запасом отпусков не поставить и Сибирских бы городов служилым людем в хлѣбном жалованье нужи не учинит. И вы по тому нашему указу велѣли на Верхотурье в городе і в уѣзде на Тагиле и на Неве кликати биричем по многие дни, чтоб плотники шли от наших судов от дѣла уговариватца, и плотники де, приходя к вам въ сьезжую избу, бьют нам челом, что де им от того судового дѣла отнюд по прежней ценѣ, по одиннадцати рублев от судна, имат немочно, потому как де лѣс был блиско города верстах в двух, в трех, и они де от дощаников и от людей имывали найму от судна по двадцати рублев и больши, от кача по пятидесят и по штидесяти и по семидесятъ рублев, дощаники де и люди дѣлывали меньши нынешних судов, а ныне де от города судовой лѣс вынимают и на плотбище возят верстъ по пятинатцати и больше, а от дѣла де от тѣх судов дают ил прежнего дешевле, и от тое де они дешевой цены обнищали и одолжали великими долги, и многие де Верхотурские плотники, пометав свои жены и дѣти, розбрелис от того розно; чтоб намъ их, Верхотурских плотников, пожаловати-велѣти им за наши суды денги давat по уговору, как уговариваютца выных Сибирских городѣх, на Тюмени и в Туринском остроге, чтоб им от того судового дѣла в конец не погинут и нашей бы службы не отбыти и врознь не разбрестися. И вы, Данило и Второй Шестаков, велѣли выписать из росходных книг прошлых годов, почему плотникомъ давано за суды, как дѣлывали суды под наши хлѣбные запасы ис поморских городов сошные люди и в прошлых, во 131 и во 132 году, как был в Сибири в Тоболску на нашей службе боярин наш и воевода князь Юрия Яншѣевич Сулешев. И в тѣ поры дѣлали суды на Верхотурье по наши хлѣбные запасы и под воевод поморских городов сошные люди, а по судовым книгам прошлом, 141, году дѣлали суды Устюжские целовальники. Лодю: длина той

лоде восмь сажен с полусаженью, а лѣсу пошло на ту лодю на пятнатцат рублев, на дватцат на четуре денги, да плотником от дѣла дано девят рублев, четырнатцат алтын, четыре денги, и обоего-за лѣс и плотником—отдавано дватцат четыре рубли, семнатцат алтын да девят денег. А от дощаника за лѣс и за работу и плотником от дѣла дано дватцат рублев, шестнатцат алтын, четыре денги, а длина тому дощанику сем сажен с третью от кочa от большево: за лѣс же и за дѣло дано семдесят рублев, сем алтын, две денги. А по отписке писано было воеводы князя Ондрѣя Голицына велѣно здѣлат на Верхотуре и на Тагиле и на Неве под наши хлѣбные запасы тритцат сем дощаников да три лоди да коч. И ты, Данило, и подьячей Второй уговаривалис с плотники, чтоб они взяли по прежней ценѣ от люди и от дощаники по одинатцати рублев, а от кочa по дватцати рублев. И плотники по той ценѣ отнюд не ѣмлють, і вы с тѣми плотники уговаривалис от дѣла давать от дощаника и от лоди по пятнатцати рублев, а от кочa дватцат восмь рублев, а мѣра лоде в длину по девяти сажен, а поперех по бе..... полушеста аршина печатных; а коч длину осми сажен, а поперех трех сажен бес трети. Потому чтоб судовово дѣла и нашим хлѣбным запасом отпусков не поставити и Сибирских городовъ служилым людем в нашем хлѣбном жалованье нужи не учинит и плотников бы не разогнать, а вперед под наши хлѣбные запасы и под воевод суды дѣлат по той же ценѣ, как уговаривано или против прежнего. І как к вам ся наша грамота придет, і вы б наймовали на Верхотурье плотников под наши хлѣбные запасы и под воевод суды дѣлати верхотурских плотников і всяких охочих людей ранѣе прежних годов, а от дѣла им давати от тѣх судов против прежнего нашего указу, и как бы нашей казнѣ было прибыльнѣе, чтоб под наши хлѣбные запасы и под воевод суды здѣлати, і в тѣх судѣх с Верхотурья в Сибирские городы хлѣбные запасы і воевод отпушат во времяней спустя большие воды и ранѣе прежних годов для того, чтоб и Сибирских городов служилым людем в нашем хлѣбном жалованье

нужи, а на наши службы отпуском молчанья не было. Да которые ценою и ис каких людей учнете вперед на Верхотуре плотников на наше судовое дѣло наймоват,—вы б о том отписали к нам, к Москвѣ, а отписку велѣли отдати в приказе Казанского дворца дьяком нашим Ѳедору Панову да Івану Переносову. Пісан на Москвѣ лѣта 7142 марта въ 26 де.

На оборотѣ: В Сибир на Верхотурье воеводе нашему Данилу Івановичю Милославскому да подьячему Ѳторому Шестакову.

142 іюня в 12 ден привез государеву грамоту Тобольского города сынъ боярской Іван Венгерской.—Справил Тренька Васильев.

На склейкахъ: Діак—Іван Переносов.

Грамота VI.

Писана она „на Москвѣ лѣта 7142 Ѳевраля в 8 де“ и сообщаетъ о присылкѣ въ Верхотурье котельнаго мастера, котораго велѣно выбрать въ Казани, „іс каких будет людей прихоже, с женою и з дѣтми на житье“ и которому приказано дать „подмогу“, опредѣлить ему денежное и хлѣбное жалованье, а жить ему въ Верхотурьѣ и „на поварне ванные суды, кубы і котлы і трубы подѣлывати“. Причиной посылки новаго мастера явилось бѣгство стараго—Ондрюшки Васильева въ Туринскій острог, а между тѣмъ, какъ говорится въ грамотѣ, „на нашем верхотурском кабакѣ вино все ізошло, а курити вина нѣчем, потому что старые котлы і кубы іспрогорѣли... і на нашем кабакѣ чаят недобору“.—Интересна грамота въ бытовомъ отношеніи. Небольшая, но яркая черточка: чтобы и новый мастеръ не сбѣжалъ, велѣно выбрать семейнаго, въ видахъ бо̀льшаго закрѣпленія его.

От царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русиі в Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Данилу Івановичю Милославскому да подьячему Второму Шестакову. Писали есте к намъ, что в прошлом, в 142, году по отписке ис Тоболска стольника і воеводы, князя Ѳедора Телятевского

присланъ был на Верхотурье іс Туринского острогу для подѣлки винокуренных поваренных судов, кубов і котлов котелной мастер Ондрюшка Василев; і какъ винное курене минуло, і тот котелной мастер, Ондрюшка Василев, по отписке-же іс Тоболска воеводы княз Онпрѣя Голицына отпущен на время с Верхотурья в Туринской острог, і ис Туринсково острогу тот котелной мастер, Ондрюшка Василев, октября по 1 число нынешняго, 142, году на Верхотурье не бывал, а на нашем Верхотурскомъ кабакѣ вино все ізошло, а курити вина нѣчем, потому что старые котлы і кубы іспрогорѣли, а подѣлат ихъ і новых кубов і котлов дѣлат нѣкому, і затѣм на нашемъ кабакѣ чаят недобору. І ныне по нашему указу послана наша грамота в Казан к боярину нашему і воеводам к Матвѣю Михайловичю Годунову с товарищи, а велено имъ послати іс Казани к вам на Верхотурье котельнова мастера, доброво, выбрав, іс каких будет людей пригоже, з женою и з детми на житье, дав ему нашего жалованья подмогу не замолчав. І какъ к вам ся наша грамота придет, а ис Казани боярин нашъ и воеводы Матвѣй Михайловичъ Годунов с товарищи котелнова мастера к вам на Верхотуре пришлют, і вы-б тому котелному мастеру велѣли жити на Верхотурье і на нашей поварне винные суды и кубы і котлы і трубы подѣлывать і новые, бес чего пронятца не мочно, дѣлат велѣли; і нашим денежным і хлѣбным жалованьем и его поверстали против прежних котелных мастеров, которые будет на Верхотуре наперед сего бывали. А которого числа боярин нашь і воеводы Матвѣй Михайловичь Годуновъ с товарищи котелного мастера іс Казани на Верхотурье пришлют, і что ему нашего денежново і хлѣбново жалованья окладу чините, і как ему поваренные суды, кубы і котлы і трубы подѣлыват і новые дѣлать велите, і что каких старых судов і вновь здѣлано будет,—і вы-б о том описали к нам, к Москве, а описку велѣли отдати в приказе Казанского дворца дьяком нашим Ѳедору Панову да Івану Переносову. Пісанъ на Москвѣ лѣта 7142, ѳевраля въ 8 де.

На оборотѣ: В Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Данилу Ивановичю Милославскому да подьячему Өторому Шестакову.

142 г. іюня в 12 де привез государеву грамоту Тоболского города сынъ боярской Іванъ Венгерской. О котелном мастере, которого пришлют ис Казани. Справил Тренька Васильев.

На склейкахъ: Іван дьяк.

Грамота VII.

Писана „на Москвѣ лѣта 7142 марта в 28 де". Рѣчь идетъ о колонизаціи. Изъ Верхотурья въ 141 (1633) году было послано по царскому указу „в Томской и Томсково розряду в остроги на житье пашенных крестьян 80 человѣк з женами и з детми и со всѣм пашенным заводом, а на их жеребі, на нашу пашню, велено призыват из волных, из охочих людей"..... На это изъ Верхотурья отвѣчаютъ, что „призывать на Верхотурье нѣкого, а іс Поморских городов, ис Перми Великой с пригороды в Сибир воеводы крестьян не пропушают". Въ грамотѣ сообщается, что воеводамъ поморскихъ городовъ предписано „призывать в Сибир на Верхотурье въ пашенные крестьяне волных, охочих людей *с великим радѣніем*", приказывается переписать этихъ переселенцевъ, выяснить ихъ экономическое и семейное положеніе, дать субсидію и устроить ихъ на распаханныхъ пашняхъ прежнихъ крестьянъ, высланныхъ въ Томскіе остроги, взявъ поручительныя записи на нихъ. Дѣлается это для того, чтобы пашня переселенныхъ съ Верхотурья крестьянъ „впусте не залегла, і в нашем бы хлѣбе верхотурские пахоты вперед убыли не было".... Въ концѣ грамоты еще разъ предписывается устроить новыхъ добровольцевъ-переселенцевъ, дать имъ жалованье, снабдивъ „прежних крестьян дворами и иным пашенным заводом, взяв на них поруку."—Грамота очень интересная. Она даетъ намъ любопытныя и точныя свѣдѣнія о характерѣ колонизаціи въ Московской Руси, выясняетъ обстановку и условія, при какихъ происходило переселеніе въ Сибирь. Вотъ эта грамота.

От царя і великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи в Сибир на Верхотурье воеводе нашему Данилу Івановичю Милославскому да подьячему Івану Селетцыну. Нынешнем, во 142, году писал к намо к Москве, из Сибири, с Верхотурья ты, Данило, да подьячей Ѳторо Шестаков, что прошлом, во 141, году по нашему указу послано с Верхотурья в Томской и Томсково розряду в остроги на житье пашенных крестьян восмидесят человек з женами і з детми и со всѣм пашенным заводом, а на их жереби, на нашу пашню, велено призыват из волных, из охочих людей. И на Верхотурье волных, охочих людей призыват в тѣх крестьян мѣсто, которые посланы в Томской и Томсково розряду в острогі, нѣково, а іс Поморских городов, ис Перми Великой с пригороды в Сибирь на Верхотуре воеводы крестьян не пропушают. И нынѣ посланы наши грамоты в Поморские городы к воіводам, а велено им в тѣх городѣх призывати в Сибир на Верхотурье в пашенные крестьяне волных, охочих людей с великимъ радѣніем. Да сколко в котором городѣ в Сибир на Верхотуре воіводы пашенных крестьян приберут, и им велено тѣх новоприборных крестьян послати ис тѣх городов тѣ, хто прибран будет, в Сибир на Верхотуре з женами и з детми и со всѣми их животы, тѣм пригож. А как тѣх крестьян в Сибир на Верхотуре пошлют и о том, хто тѣ крестьяне имяны и прозвищи и сколь хто семенист и каковы прожитком, велено пісати к вам, на Верхотуре. І как к вам ся наша грамота придет, а ис Поморских городов воіводы учнут к вам, в Сибир, на Верхотуре писати і новоприборных крестьян, которых в Поморских городѣхъ прибрав, учнут к вам присылати,—и вы-б тѣх крестьян Поморскихъ городов у посылщиков, с кѣм тѣ крестьяне в Сибир, на Верхотуре, присланы будут,—велѣли пріймати з женами и з детми. А как тѣх пашенных крестьян Поморских городов у посылщиков примете, і вы-б им давали наше жалованье, ссуду и подмогу. против прежнего нашего указу, і какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣе. А дворы тѣх крестьянам давали готовые (*вверху*—прежних крестьян) вчи-

таючи в подмогу-ж, и под нашу и на их собинное пашни велѣли им давати роспахонную землю, прежних крестьян жеребі, которые по нашему указу (*вверху*—посланы) в Томской и Томсково розряду в острогі. Да и на Верхотурье б есте і в Верхотурском уѣзде волных, охочих людей в пашенные крестьяне у тѣх крестьян жеребі, которые посланы в Томской и Томсково розряду в острогі, призывали-ж с великим радѣньем, а подмогу б есте им давали против прежнего нашего указу. А в той подмоге і в нашей, пашне і в побѣге, і во всяком воровствѣ по тѣх и Поморских городов по присылных новых крестьянех имали крѣпкие поруки за писми. А однолично на нашу пашню, на тѣх крестьян жеребі, которые посланы в Томской розряд на житье, новых крестьян призвалі, чтоб наша пашня, тѣх крестьян жеребі, которые посланы в Томской розряд на жите впусте не залегла, і в нашем-бы хлѣбе верхотурские пахоты вперед убыли не было. Да которого числа ис Поморских городов на Верхотуре воіводы пашенных крестьян, и кого имяны пришлют, и что на Верхотуре і в Верхотурском уѣзде крестян же из охочих и волных людей, и сколких человѣк, и кого имяны призовете, и какъ тѣхъ і Поморских городов посылных крестьян на нашу пашню, на прежних крестьян жеребі, которые посланы в Томской розряд на жите, устройте и нашу им пашню пахат велите, и почему на человѣка и посколку из нашего жалованья денгами и прежних крестьян дьорами и иным пашенным заводомъ подмоги на десятину дадите, і в той подмоге і в нашей пашне поруку по тѣх крестьянех возмете, и каковы тѣ новые крестьяне прожитком и семями будут,—і вы-б о том писали, и тѣм новым крестьяном имянные росписи прислали к нам, к Москве, а отписку и росписи велѣли отдати в приказе Казанского дворца діакомъ нашим Ѳедору Панову да Івану Переносову. Пісан на Москвѣ лѣта 7142 марта въ 28 де.

На оборотѣ: В Сибир на Верхотурье воеводе нашему Данилу Івановичю Милославскому да подьячему Івану Селетцыну.

142, іюня в 12 де привез государеву грамоту Тоболского города сынъ боярской Іванъ Венгерской. *Внизу*—о пашенных крест....—Справил Тренка Васильев.

На склейкахъ:—Діакъ Іван Переносов.

Грамота VIII.

Писана „на Москвѣ лѣта 7142 марта в 21 де“. Грамота говоритъ о „доимкѣ“ съ верхотурскихъ ясачныхъ людей „из ясаку и поминков на прошлые годы (съ 133—141 г.г.) мяхкою рухледью по сибирской окладной приемной ценѣ“. При чемъ въ книгахъ вышла путаница. Неточность въ отчетѣ объясняется тѣмъ, что „послѣ ясаку“ умерло 9 человѣк; между тѣмъ неизвѣстно, былъ-ли сыскъ объ умершихъ. Въ грамотѣ приказывается за умершихъ сыскать „верхотурскими ясашными і всякими людми и кѣм доведетца“ и впредь „сыск дѣлат“, долгъ старыхъ и увѣчныхъ сыскивать, съ кого доведется „на-крѣпко“ и „безъ указу изъ окладу ихъ не выкладывать“.—Грамота очень интересна своими цыфровыми данными, характеромъ приказаній по сбору „доимки“ (за умершихъ сыскивать, „кѣмъ доведется“).

От царя і великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русиі в Сибир на Верхотурье воеводе нашему Данилу Ивановичю Милославскому да подьячему Івану Селетцыну. Писано на Верхотурье наперед сего в наших грамотах к тебѣ, Данилу, да к подячему ко Ѳторому Шестакову о ясашной доимке, что в Верхотурских окладных ясашных книгах прошлых, 140 і 141 году, каковы присланы к нам к Москве написано доняти на Верхотурских ясашных людей из нашего ясаку і поминков на прошлые годы мяхкою рухлядью по Сибирской окладной приемной ценѣ: на 133 годъ на два рубли, на одиннатцат алтын, на пят денег; на 134 год на осмнатцат алтын; на 135 год на тритцат рублев, на двенатцат алтын, на двѣ деньги; на 136 год на три рубли, на шестнатцать алтынъ, на пять денег; на 137 год на дватцат на девят рублев, на семнатцат алтын, на полчетверть денги; на 138 год на сорок на два рубли, на дватцат на девят

алтын, на полтрети денги; на 139 год на сто на дватцат на три рубли, на дватцат на два алтын, на две денги; на 140 год на триста на сорок на пят рублев, на восмь алтынъ. І всего доняти на Верхотурскихъ ясашных людей ясаку і поминков на прошлые годы—со 133 по 141 год на пят сот на семдесят на восмь рублев, на три алтына. А на 141 год помѣчено взяти с Верхотурскихъ ясашных людей, с трех сот з дватцати со шти человѣк, мяхкие рухляди по окладу против прошлого, 140, году ясаку на шесть сот на пятдесят на девет рублев, на тритцат алтынъ, на сем денегъ, да поминков на тринатцат рублевъ, на дватцат на два алтына, на четыре денги, да воевоцких поминковъ на дватцат на восмь рублев, на дватцат на один алтын, на пят денег. І всего помѣчено взяти на 141 год ясаку і поминков і воевоцких поминков же на семсот на два рубли, на девят алтын. І в то число по отписке і по ясашным книгам і по ценовой росписи воеводы Ѳедора Баяшева прислано с Верхотурья к нам, к Москве, ясашные і поминочные мяхкие рухляди на прошлые годы по Сибирской приемной ценѣ: на 137 год на десят алтын; на 140 год на сорок на три рубли, на десят алтын, на две денги. Да на Верхотурских же ясашных людех взято на прошлые—на 139 і на 140 год—нашего ясаку постелями і волинами, і оленинами, і денгами на тритцат на пят рублев, на осмнатцат алтын, на четыре денги. І тѣ постели, і волины, і оленины, і денги оставлены на Верхотурье в нашей казнѣ. А на 141 год прислано *(вверху—* к нам к Москве) нашие ясашные і поминочные і воевоцкие поминочные-ж рухляди по Сибирской же приемной ценѣ на пятцот на сорок на пят рублев, на дватцат на пят алтын, на пол-пяты денги. А к тому довелос доняти на Верхотурских ясашных людех мяхкие рухляди на прошлые годы: на 133 год на два рубли, на одиннатцат алтын, на пят денег; на 134 год на осмнатцат алтын; на 135 год на тритцат рублев, на двенатцат алтын, на две денги; на 136 год на три рубли, на шестнатцат алтын, на пят денег; на 137 год на дватцат на девят рублев, на сем алтын, на пол-четверты

денги; на 138 год на сорок на два рубли, на дватцат на на девят алтын, на пол-трети денги; на 139 год на сто на дватцат на два рубли, на десят ялтын; на 140 год на двѣсте на шестьдесят на сем рублев, на дватцат на четыре алтына, на четыре денги. І веего довелос доняти на Верхотурских ясашных людех ясяку і поминков на прошлые годы—со 133 по 141 год—на четыре ста на девяносто на восмъ рублев, на тритцать алтын, на четыре денги; а на 141 год на сто на шестьдесят на сем рублев, на пятнатцат алтын, на полпяты денги. А в Верхотурскихъ ясашных книгахъ прошлого, 141, году, каковы присланы к нам, к Москве, написано доняти на Верхотурских ясашных людех нашего ясаку і поминков на прошлые годы—со 133 по 141 год—на четыреста на семдесят на пят рублевъ, на дватцат на девят алтын; на 141 год на сто на пятдесят на один рубль, на семнатцат алтынъ, на пол-торы денги. І не дописано в Верхотурскихъ ясашных книгах 141 году ясашные доимки на прошлые годы против окладу—со 133 по 141 год—дватцат трех рублев, десяти денег, а на 141 год пятинатцат рублев, тритцат одного алтына, пяти денег—потому (написано в Верхотурскихъ ясашных книгах) что умерло в прошлом, во 140, году после ясаку Верхотурских ясашных людей девят человек, а не взято с них нашего ясаку на прошлые годы—со 135 по 141 год—дватцати рублев, дватцати (трех алтын—*сверху*), а на 141 год пятинатцати рублев, тритцати одного алтына, пяти денег; да сверх того не дописано на 140 год ясашные-ж доимки, против окладу, двух рублев, двунатцати алтын. А сыскъ про мертвых ясашных людей, которые в прошлом, во 140, году померли,—был-ли іли нѣтъ,—того в Верхотурских ясашных книгах не написано. І на Москвѣ в приказе Казанского дворца с тѣх ясашных людей, з девети человѣк, про которых написано, что во 140 году после ясаку умерли, недоплатного ясаку на прошлые годы—со 135 по 141 год—дватцати рублев, дватцати трех алтынъ; а на 141 годъ пятинатцати рублев, тритцати одново алтына, пяти денег доподлинно в сыску із окладу не выложено. І в той

ясашной доимке велено тебѣ, Данилу, на подячему Θторому Шестакову справитца, справяс о том, отписати с Верхотурья к нам, к Москве, подлинно, не замолчавъ. І ты Данило, і подьячей Второй Шестаков о той ясашной доимке марта по 21 число нынешняго, 142, году с Верхотурья к нам, к Москве, не писывали. І какъ к вам ся наша грамота придет, і вы-б по прежней і по сей нашей грамотам про тѣхъ ясашных людей, которые написаны в Верхотурскихъ ясашных книгах прошлого, 141, году мертвыми, сыскали Верхотурскими ясашными-ж і всякими людми, кѣм доведетца, подлинно, прямо.... ясашные люди померли і прописной ясак 140 году два рубли, двенатцат алтынъ, на Верхотуре в окладных книгах велѣли справит, а справя, тот прописной ясак і про мертвыхъ ясашных людей сыскав, отписали бы есте (на верху—о том) с Верхотуря к нам, к Москве подлинно, тотчас, немешкавъ, не дожидаяс о томъ іного нашего указу. А отписку велѣл отдати в приказе Казанского дворца дьяком нашим Θедору Панову да Івану Переносову. А вперед бы есте про ясашных людей, про которых скажут, что стары і увѣчны, сыскивали ясашными-ж і всякими людми, кѣмъ доведетца, накрепко. І самн тѣхъ старых і увѣчных людей досматривали і в ясашных книгах тот сыск і свой досмотръ описывали імянно, да о том писали і сыскъ про ясашных людей за обыскных людей руками і за ясашных людей знамяны присылали к нам, к Москве, ежегод ясашною казною і сьясашными книгами, вмѣсте. А без нашего указу старых і увѣчных і мертвых ясашных людей із окладу не выкладывали. Пісанъ на Москвѣ лѣта 7142, марта в 21 де.

На оборотѣ: В Сибир на Верхотуре воеводе нашему Данилу Івановичю Милославскому да подьячему Івану Селетцыну.

142 году, июня 12 де подал Тоболского города сын боярской Іван Венгерской.—О ясачной доимке.—Справил Тренка Васильев.

На склейкахъ: Діак Іван Переносов.

Грамота IX.

Писана „на Москвѣ лѣта 7142, марта в 14 де“. Въ ней сообщается о присылкѣ изъ Пелыма 30 служилыхъ людей съ женами и съ дѣтьми на житье въ Верхотурье, въ прибавку къ верхотурскимъ; и приказывается отвести имъ пашню и положить жалованье, какое они получали въ Пелымѣ. Между прочимъ, этихъ служилыхъ, какъ видно изъ грамоты, Пелымскій воевода Овдокимъ Баскаковъ не хотѣлъ отпустить отъ себя, ссылаясь на то, что имъ не получена изъ Москвы грамота на отсылку. И тридцать человѣкъ какъ много значили въ то время въ Сибири при рѣдкомъ населеніи!

От царя і великого князя Михайла Федоровича всеа Русиі в Сибирь на Верхотурье воіводе нашему Данилу Івановичю Милославскому да подьячему Івану Селетцыну. В нынешнем, во 142, году послана наша грамота в Сибирь на Верхотурье к тебѣ, Данилу, да к подьячему ко Θторому Шестакову, что по нашему указу велено послати с Пелыми на Верхотуре к Верхотурским служилым людем в прибавку Пелымских служилых людей на житье тритцать человѣк з женами и з дѣтми. И в нынешнем же, во 142, году писали к нам ты, Данило, да подьячей Второй Шестаков, что вы по нашей грамоте на Пелымь к воіводе к Овдокиму Баскакову о тѣх Пелымских служилых людех о тритцати человѣкех писали с Верхотурским стрелецким десятником с Михайломъ Лисицыным. И Овдоким Баскаков тѣх Пелымских служилых людей тритцать человѣкъ с Пелыми на Верхотурье не отпустил; а писал к вам, чтоб будто к нему о томъ нашего указу не бывало. И ныне послана наша грамота в Сибирь на Пелымь к воіводе к Овдокиму Баскакову с Верхотурским стрелецкимъ десятником с Θедкою Лисицыным. А велено ему по прежнему нашему указу, выбрав Пелымских служилых людей тритцать человѣк, послати с Пелыми на Верхотурье з женами и з детми на житье, не замолчав. И как к вамъ ся наша грамота придет, а с Пелыми воівода Овдоким Баскаков к вам на Верхотурье Пелымских служилых

людей тритцат человѣкъ пришлет,—і вы-б по прежнему нашему указу тѣмъ Пелымским служилым людем велѣлі быти на Верхотуре и нашу службу служит с Верхотурскими служилыми людми вместе и нашего денежново и хлѣбного жалованья и.... велѣли им давать тѣ-ж оклады, что им были на Пелым. И в окладные Верхотурские книги то им наше жалованье велѣли справит. И вы-б есте мѣста и под пашню землю велѣли отдѣлит тѣмъ Пелымским служилым людемъ против Верхотурских стрелцов, в которых мѣстехъ гоже. А до тѣх мѣстъ, покамѣста они своими дворами послалі да велѣлі бы есте имъ стоят у старых Верхотурских служилыхъ и у иных, у каких людей пригож, на дворех. Писан на Москвѣ лѣта 7142, марта в 14 де.

На оборотѣ: В Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Данилу Ивановичю Милославскому да подьячему Ивану Селетцыну.

142, июня в 12 де привез государеву грамоту Тобольского города сынъ боярской Іванъ Венгерской.—О Пелымских переводных стрельцах.—Справил Тренка Васильев.

На склейкахъ: Діакъ Ѳедор Панов.

Вотъ и послѣдняя, сохранившаяся въ свиткѣ, грамота. Цѣлый рядъ ихъ прошелъ передъ нами, воскрешая жизнь, отдѣленную отъ насъ тремя вѣками. Какихъ сторонъ жизни они не задѣвали, о чемъ не говорили своимъ полинявшими и мѣстами почти исчезнувшими чернилами, своимъ сухимъ, часто туманнымъ языкомъ! Тутъ и назначеніе новаго подьячаго, опредѣленіе его служебнаго положенія, и выборы кабацкаго, таможеннаго головы, и выборы котельнаго мастера на мѣсто сбѣжавшаго. Тутъ и ссылка плѣнника въ сопровожденіи многочисленнаго отряда и постройка судовъ. Тутъ и колонизація, и „ясачная доимка“, и переводъ служилыхъ. Среди сухихъ наказовъ, сообщеній, требованій какъ крупинки золота сверкаютъ яркія черточки бытового характера, оживляющія картину жизни начала XVII вѣка. И мы

непосредственно соприкасаемся съ этой жизнью, переносимся къ далекому прошлому, читая побурѣвшій отъ трехсотлѣтней старости свитокъ. Словно стряхнулась и разсыпалась пыль, покрывавшая свитокъ и словно раздвинулся занавѣсъ, открывшій предъ нами картину: сѣверный, далекій отъ центра—Москвы,—городъ, съ своими новыми стрѣльцами изъ Пелыма, съ важнымъ новымъ подьячимъ Селетцынымъ, который требуетъ, по царскому указу, отчета отъ стараго Шестакова—Второво. А черезъ узкую улицу везутъ гордаго плѣнника, большой отрядъ ратниковъ и казаковъ сопровождаетъ его. Новый „котельной“ мастеръ располагается съ семействомъ „на поварнѣ“ и идетъ смотрѣть „испрогорѣвшіе кубы“. Не подалеку звонко топоры тукаютъ. Это лѣсъ на дощанники рубятъ новые плотники. Передъ лѣсомъ лежитъ, пока „въ пусте“, пашня переселенныхъ въ Томскіе остроги крестьянъ и ждетъ охочихъ и вольныхъ людей изъ Поморскихъ городовъ. А въ городѣ шумно: по царскому приказу „донимаютъ, кѣмъ доведется“ долги умершихъ ясашныхъ людей.....

И сюда, за 300 лѣтъ, перенесли насъ грамоты въ свиткѣ. Прочтите ихъ внимательно, вдумчиво, и вы сами перенесетесь въ нашу родную старину, сами почувствуете вѣяніе Московской Руси съ ея своеобразными, но родными явленіями.

П. С. Богословскій.

1914 г. 30 янв.

Въ виду особыхъ обстоятельствъ, авторъ не имѣлъ возможности просмотрѣть корректуру, благодаря чему вкралось немало погрѣшностей опечатокъ и ошибокъ въ разстановкѣ знаковъ препинанія. Здѣсь указываются только лишь главныя погрѣшности:

Въ докладѣ—объ обрядахъ обрученья и просватанія...

	Напечатано:	**Слѣдуетъ исправить:**
Стр. 34.	1 и 2 стр. сверху—до сихъ поръ записи были отрывочными.	до сихъ поръ попытки записать были отрывочными.
„ 34.	6 и 7 стр. сверху—приходится записывателямъ многое возстановлять.	записывалось кое-что.
„ 34.	10—14—Волей-неволей.....жизни.	Считать не существующими (вычеркнуть).
„ 34.	27—находясь	Село находится
„ 34.	33—культовыхъ ... особенно	Вычеркнуть совсѣмъ.
„ 35 и 36.	Цифры слѣва страницъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.	Вычеркнуть совсѣмъ.
„ 37.	14-я строка набрана petito-мъ	Набрать corpus-омъ.
„ 39.	4-я стр.—бьетъ	ѣстъ
„ 43.	4-я стр.—	Вычеркнуть совсѣмъ.
„ 48.	6-я стр.—о матерныхъ	и своихъ
„ 48.	7-я стр.—свои совѣты дочери:	совѣты ей:
„ 48.	3-я стр. снизу—своимъ голосомъ	Вычеркнуть совсѣмъ.

Въ статьѣ—Образы дивьей красоты.

	Напечатано:	**Слѣдуетъ исправить:**
Стр. 53.	7-я стр. сверху—Дивья красота—житье дѣвичье.	Дивья красота въ житьѣ дѣвичьемъ.
„ 63.	3-я стр.—цвѣтовъ	Вычеркнуть совсѣмъ.
„ 66.	3-я стр. снизу—о чемъ	о которомъ
„ 68.	19-я стр. сверху—въ день	по день

Объ обрядахъ обрученія и просватанія (обрядовыя дѣйствія, причитанія, пѣсни, заговоры и проч.) у Зауральскихъ великоруссовъ (по обслѣдованіямъ Шмаковскаго села, Ирбитскаго уѣзда).

(Краткое содержаніе доклада И. И. Ульянова, читаннаго въ Пермскомъ Научно-Промышленномъ Музеѣ 29 августа 1912 года).

Въ Ирбитскомъ уѣздѣ Пермской губерніи существуютъ нѣкоторыя села и деревни, населенныя русскими, переселившимися сюда преимущественно изъ Новгородской области, вѣроятно, около XV столѣтія (Ср. у А. А. Димитріева „Пермская старина").

Жители упомянутыхъ селъ и деревень занимаются въ настоящее время исключительно земледѣліемъ на своихъ плодороднѣйшихъ черноземныхъ земляхъ и сѣнокосныхъ угодьяхъ, окруженныхъ лѣсомъ, прорѣзанныхъ рѣками, болотами и рѣчками.

Не испытавшіе ни монгольскаго ига, ни крѣпостного и вотчиннаго права, находясь вдали отъ населенія средней и южной Россіи, пережившаго въ средніе вѣка тяжелыя историческія потрясенія,—зауральскіе свободные землепашцы имѣли возможность сохранить до нашихъ дней въ укладѣ своей жизни много бытовыхъ русскихъ особенностей стараго времени, особенно Новгородскаго періода,—много обрядовыхъ дѣйствій, старинныхъ игръ, пѣсенъ, былинъ, сказокъ, заговоровъ и пр.

Кратко охарактеризовавъ, такимъ образомъ, мѣстныхъ жителей и укладъ ихъ жизни, докладчикъ указалъ, что хотя богатство мѣстныхъ народныхъ художественныхъ словесныхъ произведеній не разъ отмѣчалось въ литературѣ Пермскаго

края, но всѣ производившіяся до сихъ поръ записи были отрывочными, не систематичными, благодаря трудности для наблюдателя проникнуть въ интимную во многихъ отношеніяхъ сторону обрядовой народной жизни, а также благодаря ослабленному къ старинѣ интересу современнаго поколѣнія, быстро забывающаго завѣты отцовъ. Приходится записывателямъ многое возстановлять со словъ старыхъ людей, охотно сообщающихъ лишь внѣшнюю сторону явленій, а не внутреннюю связь, къ тому же и самимъ часто непонятную. Волей-неволей остается довольствоваться отрывочными свѣдѣніями изъ области богатѣйшей художественной народной словесности, въ надеждѣ дать будущему изслѣдователю богатый матеріалъ для возстановленія полныхъ картинъ народной жизни.

Находясь въ сравнительно счастливыхъ условіяхъ наблюденія живой старины, докладчикъ (самъ происходящій изъ Новгородскихъ колонистовъ-землепашцевъ, съ дѣтства наблюдавшій многіе старинные народные обряды и бытовыя черты) сообщилъ о своихъ опытахъ записи народныхъ словесныхъ произведеній, обрядовыхъ дѣйствій, старинныхъ культовыхъ игръ и проч., сдѣланныхъ имъ лѣтомъ нынѣшняго года главнымъ образомъ въ селѣ Шмаковскомъ и окрестныхъ деревняхъ Ирбитскаго уѣзда.

Характеризуя главный пунктъ наблюденія и записей, именно село Шмаковское, докладчикъ указалъ, что нынѣшнее село Шмаковское (въ 18 ст. еще деревня) появилось въ началѣ колонизаціи края, находясь въ 72 верстахъ отъ ближайшей станціи (Камышловъ) желѣзной дороги и въ 50 верстахъ отъ уѣзднаго города Ирбита. Жители, по преданію, потомки Новгородцевъ колонистовъ всѣ русскіе, искони занимаются земледѣліемъ,—въ укладѣ жизни сохранили много старины, охотно придерживаются, особенно старики и старухи, старинныхъ культовыхъ обрядовъ. Еще недавно особенно строго велась свадебная процедура, весьма сложная, со многими обрядовыми культовыми дѣйствіями, причитаніями, пѣснями, заговорами и проч.

Главнымъ предметомъ доклада г. Ульянова въ Пермскомъ Научно-Промышленномъ Музеѣ были нѣкоторые обряды въ дни обрученія и просватанія у вышеуказанныхъ жителей Зауралья по личнымъ наблюденіямъ и записямъ докладчика, провѣреннымъ еще указаніями и словами хорошо знающихъ весь свадебный уставъ старушекъ и знахарей.

Затѣмъ докладчикъ очертилъ схему свадебнаго порядка съ указаніемъ на важнѣйшіе дни и моменты свадьбы.

Отъ сватовства до вѣнчанія въ богатыхъ свадьбахъ проходитъ двѣ три недѣли и болѣе. Важнѣйшими днями являются:

1-й день („Рядъ“) предварительнаго сватовства (характеристика жениха, его родни, достатковъ и проч.)

2-й, день рукобитья-просватанья (выясненіе приданаго, даровъ, отдариванія, порядка жизни молодыхъ. Назначеніе срока вѣнчанія. Битье по рукамъ при зажженныхъ свѣчахъ. Обрядовыя причитанія, пѣсни игры и проч.)

3-й, день провѣдки женихомъ невѣсты. (Пріѣздъ жениха съ друзьями. Приходъ подружекъ невѣсты. Угощеніе женихомъ, пѣсни, игры).

4-й, день обрученія и дѣвишника. (Утромъ-кличъ зари и днемъ—обряды съ умываніемъ невѣсты. Хоровыя заунывныя пѣсни. Обрядовыя дѣйствія съ заплетеніемъ косы невѣсты подругами. Съѣздъ гостей, обрядовыя и величальныя пѣсни и угощенія. Обрядовые заговоры. Княжій столъ, подарки, застольныя пѣсни. Перерывъ до дѣвишника. Причеты невѣсты и матери, заплетеніе матерью косы невѣсты въ послѣдній разъ. Великое благословеніе. Дѣвишникъ, пѣсни, игры).

5-й, день свадьбы. (Обрядовыя дѣйствія утромъ, днемъ причитанія и заунывныя пѣсни передъ отъѣздомъ къ вѣнцу. Обрядъ отниманія косы. Дѣйствія и заговоры, относящіеся къ свадебному поѣзду до и послѣ вѣнца. Благословеніе. Вѣнчаніе. Обряды

встрѣчи послѣ поѣзда. Вечеръ. Княжій столъ. Обрядъ обрученія молодой. Обряды, связанные съ угощеніемъ родныхъ и гостей. Подарки. Брачная ночь).

6-й. день столованья (Обряды съ кушаньями, величальныя пѣсни, игры, танцы).

7-й. день (послѣ свадебный) послѣ столованья. (Обряды утромъ съ зеленью и угощеніемъ блинами и пельменями. Обряды уборки хоромъ. Культовыя дѣйствія съ катаніемъ на кошмахъ, пѣсни, игры. Разъѣзды по боярамъ).

Послѣ ознакомленія со свадебной схемой, докладчикъ читалъ подлинные матеріалы, относящіеся къ нѣкоторымъ моментамъ дней просватанія и обрученія, сопровождая ихъ разъясненіями и описаніями дѣйствій для полноты картинъ.

Въ день просватанія обращаютъ на себя особенное вниманіе обрядовыя пѣсни, которыя поются дѣвушками послѣ рукобитья, напримѣръ:

„Что не утка—перепелка
„Изъ тепла гнѣзда вылетала
„Изъ тепла гнѣзда утичья..,
„Не дивуйтеся, утицы,
„Не сама я вылетывала,—
„Выводилъ меня сизъ селезень,
„Становилъ среди поля,
„Онъ велѣлъ траву щипати
„На всѣ стороны бросати,
„Селезню на особицу.
„Ты, душа красна дѣвица,
„Зачѣмъ рано замужъ пошла,
„Зачѣмъ рано произволила.
„Не дивуйтеся, дѣвицы,
„Не сама я замужъ пошла,
„Не сама произволила,—
„Выводилъ меня батюшка,
„Становилъ среди горницы;
„Онъ велѣлъ Богу молиться,
„На всѣ стороны кланяться,
„Молодцу на особицу.

(пѣсня поется, когда, послѣ битья по рукамъ, отецъ невѣсты выводитъ ее на средину избы-горницы).

Или:

„Какъ при первомъ было вечерѣ
„У Настасьи на просватаньѣ.

„Изъ далека прилеталъ соколъ,
Онъ садился надъ окошечкомъ
„На серебряную рѣшеточку,
„На златую переплеточку.
„Переплетка обломилася,
„Въ теремъ двери отворилися...
„Заходилъ удалой молодецъ,
„Становился за дубовый столъ,
„Онъ садился во кленовый стулъ
„Со душой со красной дѣвицей

(въ дальнѣйшихъ словахъ пѣсни идутъ совѣты матери своей дочери-невѣстѣ—приласкаться къ перелетному ясну-соколу,—ко пріѣзжу добру молодцу)

Дочь—грустная, съ поникшей головой, у ней
„Очи ясныя помутилися,
„Да изъ глазъ слезы покатилися,
„Это, маменька, не ясенъ соколъ,—
„Это, маменька, разлучникъ мой,—
„Разлучаетъ меня дѣвицу съ тобой.

(эта пѣсня поется при обрядѣ ознакомленія жениха съ невѣстой послѣ рукобитья, въ то время, когда гости сидятъ уже за столомъ).

Въ многочисленныхъ величальныхъ пѣсняхъ разнымъ гостямъ въ день просватанья воспѣваются (хоромъ дѣвушекъ) ихъ разныя качества, добродѣтели, семейное счастье у женатыхъ, богатство, почести; удаль, красота у молодежи, бытовая обстановка и т. п., напримѣръ, въ одной изъ пѣсенъ *свахъ* поется:

„Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,
„По новымъ, по рѣшещатымъ,—
„Тутъ ходила, гуляла
„Душа—княжа сватенька.
Ой люли, ой люли (послѣ каждаго стиха).
„Во рукахъ она носила
„Два камешка яхманца,
„Къ камешкамъ приговаривала:
„Ужъ вы камешки, камешки,
„Полежите малехонько,
„Покуль я, молодехонька,
„Я взойду въ нову горницу,
„Я во свѣтлую свѣтлицу...

„Погляжу я, младехонька,
„Сквозь нѣмецкое стеколышко
„На широкую улочку:
„Что свѣтелъ ли свѣтлой мисяцъ
„Да часты ли часты звѣздочки...
„Еще веселъ ли, радошенъ
„Мой надежа сердечный другъ,
„Михайло свѣтъ Васильевичъ.
„Онъ сидитъ во собраньицѣ
„Со друзьямъ, со товарищамъ,
„Со купцамъ со торговымя;
„Онъ сидитъ забавляется,
„Все женой похваляется,—
„У меня, братцы, жена хороша,
„Жена моя умная,
„Дорогая, разумная,
„Не пьетъ она нива пьянова,
„Зелена вина въ ротъ не береть,
„Только пьетъ она одинъ сладкій медъ.

Изъ пѣсенъ женатымъ:

„Какъ по сѣнямъ-сѣничкамъ,
„По новымъ сѣнямъ рѣшещатымя
„Туто ходила—гуляла
„Дорогая бояроня
(N..... N.....)
„Да она ходила спогуливала,
„Да своего дружка спобуживала:
„Ужъ ты встань, душа, милой другъ,
„Да пробудись, душа, отецкой сынъ,
„Отвезался нашъ добрый конь,
„Отъ столба, столба дубовова,
„Да отъ колечушка серебрянова,
„Отъ витова, позолоченово...

Далѣе въ словахъ пѣсни мужъ утѣшаетъ жену, что конь съ богатѣйшею сбруею воротится изъ чиста поля, лишь бы былъ „у те я здоровъ“.

Въ пѣсняхъ женатымъ обращенія супруговъ другъ къ другу изобилуютъ сравненіями, напримѣръ:

„Свѣтъ ты, моя винна ягодка,
„Виноградная моя вѣточка,
„Люты морозы побили тебя,
„Утренни росы повызнобили...

Или:

„Долго, подолго соколъ не летитъ,
„Знать-то соколъ за горы улетѣлъ,
„Знать-то ясенъ за высокія...
„Пьетъ онъ и бьетъ забавляется:
„Своимъ гнѣздомъ похваляется:
„У меня, сокола, гнѣздо тепло-
„Снѣга не бьютъ и дожди не сѣкутъ...

Изъ пѣсенъ холостымъ гостямъ:

„Во саду было во садичкѣ,
„Да во зеленомъ виноградничкѣ,
„Какъ подъ яблонью кудрявою,
„Какъ подъ грушей подъ зеленою
„Тутo мать сына породила...
„Умывала его мамонька
„Со ключа водой холодною,
„Да вытирала его мамонька,
„Шитымъ браннымъ полотеничкомъ,
„Да пеленала его мамонька
„Во камчатую свиваленку,—
„Совивала, приговаривала:
„Ты расти, расти, милой сынъ,
„Рости счастливый, талантливый...
„Ко добрымъ людямъ привѣтливый...
„Когда будешь на возрастѣ...
„Примѣчай свое сужено:
„Твое сужено примѣтное,—
„Середи сидитъ горницы,
„На головушкѣ городы,
„Что на плечикахъ теремы,
„Во ушахъ серги брильянтовы,
„На рукахъ персни алмазные.
„Ты бери ее за праву руку,
„Ты веди за дубовый столъ,
„И сади во кленовый стулъ.

Добрые молодцы—гости въ пѣсняхъ, большею частью, а) сравниваются съ соколами:

„Не летай, душа—соколъ, высоко
„Не маши, душа, крыломъ широко,
„Не черкай, душа, перомъ востро...

б) отличаются особенной красотой:

„Какъ у молодца, да у удалого
Въ три ряда кудри да завиваются—
„Ужъ какъ первый рядъ да по плечамъ лежитъ,
„Какъ второй—етъ рядъ да чернымъ бровямъ,
„Ужъ какъ третій-то рядъ да по буйной головѣ;
„Онъ встаетъ, сударь, да по утру рано,
„Умывается да со ключа водой...

Далѣе въ пѣснѣ говорится—какъ молодецъ пошелъ къ заутренѣ—всѣ попы, дьячки зачитался, всѣ добры люди да засмотрѣлися, красны дѣвушки да сдивовалися:

„Ишо чье то да эко дитятко.
„Не бѣла ли зоря да вспородила
„Не свѣтелъ ли мѣсяцъ да вспоилъ, вскормилъ,
„Да не часты ли звѣзды возлелѣяли....
„Вспоилъ, вскормилъ да родной тятенька,
„Возлелѣяла да родная матушка,
„Въ люди вывели родимы брателки...

в) ѣздятъ молодцы на удивительныхъ коняхъ:

„Изъ поля поля да кони бѣгутъ,
„Кони бѣгутъ вороные.
„Чей это конь попередъ бѣжитъ.
„Голову несетъ гоголемъ, гоголемъ,
„Шею несетъ колесомъ, колесомъ,
„Грива у коня чисто поле устилатъ,
„Хвостъ у коня золотая труба,—
„На конѣ сидитъ удалой молодецъ
(имя)
„Всѣмъ онъ конемъ поворачиваетъ,
„Тесмяной уздой принабрякиваетъ,
„Шелковой плеткой намахиваетъ.

Красныя дѣвицы въ обрядовыхъ пѣсняхъ сравниваются то съ лебедушками, то съ ласточками, то съ плодовыми деревьями, то съ драгоцѣнными камнями, напримѣръ:

„Красна дѣвица въ теремъ зашла...
„Ты плови, лебедь бѣлая,
„Ты лети лети, ласточка,
„Ты расти, груша зеленая,
„Ты катись, искра алмазная...

Тѣ гости, которымъ пѣсни поются съ величаніями, жертвуютъ дѣвушкамъ-пѣсенницамъ деньги, дѣвушки же передаютъ ихъ невѣстѣ.

Величальныя обрядовыя пѣсни поются главнымъ образомъ во время столованья гостей. (Столы изобилуютъ разными кушаньями и винами, которыя разставляются въ особомъ порядкѣ).

Послѣ стола съ величальными обрядовыми пѣснями угощаютъ дѣвушекъ,—въ это время гости уже сами поютъ такъ называемыя „проголосныя пѣсни“, напримѣръ:

а) „Изъ за лѣсу изъ за горъ
„Тучи накатилися...
б) „Прошла зима, настало лѣто...
в) „Ой спосохла травонька, да споблекла...
г) „Ходилъ милъ по бережку—по Дунай рѣкѣ...
д) „О чемъ ты, сердечушко, ноешь...
е) „Потеряла я колечко...

Обыкновенныя проголосныя пѣсни смѣняются „проголосными-походячими“, подъ которыя дѣвушки начинаютъ ходить парами, приглашая къ себѣ и жениха съ невѣстою пѣснями:

а) „Ай люли, ай люли, да потерялся перстенекъ...
б) „По мосту мосточку, по калинову частому
„Селезень со уткой ходилъ,
„Сизъ косатой гулялъ съ сѣрой...

Далѣе молодежь играетъ „кругомъ“ подъ игорныя пѣсни, напримѣръ:

а) „Вѣнчикъ мой, вѣночекъ...
б) „Александровска береза...
в) „Подушечка пуховая...
г) „Родился малешенекъ, женился глупешенекъ...
д) „Мы сѣяли, сѣяли ленокъ...

Круговыя игорныя пѣсни смѣняются „плясовыми“, напримѣръ:

а) „У пана, пана, у панскихъ воротъ...
б) „Островъ мой, зеленый мой...
в) „Какъ у нашихъ у воротъ
„Стоялъ дѣвицъ каравanъ,
„Молодушекъ табунокъ...

Пляшутъ такъ называемую „восьмерку“.

Русскаго пляшутъ подъ особыя пѣсни, напримѣръ:

„Подлѣ мать подлѣ быструю рѣку
„Посыхала лебеда на берегу...

Или:

„Ужъ ты тропка, тропинка моя,
„Тропка къ милому, дорожка торная...

Еще:

„Ты лети, моя каленая стрѣла,
„Выше лѣсу, ниже оболока,—
„Да подшиби, моя каленая стрѣла,
„Сѣру утицу на тихой на водѣ...
„Красну дѣвицу въ высокомъ теремѣ.
„Сѣра утица ѣства моя,—
„Красна дѣвица невѣста моя...

Пѣсни въ день просватанья: обрядовыя величальныя, проголосныя, походячія, игровыя и плясовыя пѣлись еще въ недавнее прошлое въ особомъ, строго выдержанномъ, порядкѣ, гдѣ болѣе или менѣе извѣстныя пѣсни и въ настоящее время, какъ то: „Ахъ вы сѣни мои, сѣни“, „По улицѣ мостовой“, „Селезень утку ловилъ“, „Распашу-ль я пашенку“ и др. находили свое опредѣленное мѣсто въ свадебной процедурѣ.

Гости въ день просватанья расходятся подъ особыя пѣсни, напримѣръ:

„Во горницѣ гусли лежали,
„Некому въ гусли играти...

Въ день обрученья и дѣвишника (канунъ свадьбы) особенно интересны культовые обряды, относящіеся:

1) Къ кличу зари невѣстою,
2) къ омовенію невѣсты въ „банѣ-парушѣ“ и заплетенію косы невѣсты подружками,
3) къ подаркамъ и застольнымъ пѣснямъ въ столованье вечера обрученья и
4) къ заплетенію матерью косы дочери-невѣсты въ послѣдній разъ, именно: въ перерывъ между обрученьемъ и дѣвишникомъ вечеромъ.

1. Утромъ невѣста встаетъ ранѣе всѣхъ и, сидя на своей кровати, не одѣтая, съ распущенными волосами, „кли-

четъ зорю“ своими причитаніями. Въ причитаніяхъ невѣста рисуетъ, между прочимъ, свое ложе въ разныхъ образахъ и условіяхъ:

„ . . . . . .
„Мнѣ не спится да красной дѣвицѣ,
„Мнѣ не спится да не лежится;
„Не мягка да моя постелюшка,
„Не круто мое сголовьице,
„Не тепло мое одѣялице,
„Подъ мою то кровать чесовую
„Наметало да снѣгу бѣлаго,
„Подъ мое-то тепло одѣялице
„Ишо дуютъ да вѣтры буйные,
„Подъ мое то круто сголовьице
„Ишо текутъ то ключи студеные...
„Какъ не снѣги да наметало,
„Какъ мое то горе великое,—
„Какъ не вѣтры да вѣютъ буйные,
„Какъ моя то печаль кручинушка,—
„Какъ не ключи то текутъ студеные,
„Какъ мои то слезы горячія.

Въ дальнѣйшихъ причитаніяхъ невѣста вспоминаетъ свою молодость, дѣвичью волю. Обращается къ своей матери, проситъ ее встать, зажечь „царя огнесвѣтлаго“, проситъ вниманія къ себѣ, къ своему горю; обращается къ подружкамъ спящимъ, съ которыми она гуляла по травушкѣ-муравушкѣ, по цвѣточкамъ-василечкамъ; пѣла баски пѣсенки заунывныя,—завидуетъ спокойствію подружекъ и ихъ дѣвичьей долѣ.

2. Обряды, связанные съ омовеніемъ невѣсты въ „банѣ-парушѣ“, касаются:

а) Приготовленія и шествія невѣсты въ баню. Дѣвушки отъ имени невѣсты обращаются къ брату ея, просятъ поѣхать въ чистое поле, нарубить мелкихъ банничковъ; къ сестрамъ—натопить „теплу парушу“ безъ дыму безъ кудрявова, безъ чаду безъ зеленова, безъ кудельной копоти, нагрѣть слизкихъ щелоковъ.

Когда баня паруша истоплена и невѣста получитъ приглашеніе идти въ баню, она проситъ у родителей

благословенія—мыться-париться въ послѣдній разъ во душахъ во красныхъ дѣвицахъ; затѣмъ распускаетъ свою косу и идетъ съ подружками по направленію къ банѣ по кошмамъ съ заунывными пѣснями. Въ пѣсняхъ невѣста проситъ, чтобы бревна, изъ которыхъ сложена баня, стали дремучими лѣсами, чтобы камни въ каменкѣ бани обратились въ горы высокія, вода было бы моремъ глубокимъ,—чтобы все это помѣшало чужъ-чужанину, сыну отецкому взять ее, красну дѣвицу, и она пожила бы еще въ дѣвичествѣ.

Подойдя къ банѣ, невѣста дѣлаетъ поклонъ передъ дверями и входитъ туда съ подругами, раздѣвается.

б) Омовенія и выхода изъ бани. Невѣсту моютъ и парятъ дѣвицы. Затѣмъ невѣста разрываетъ вѣникъ и вѣтками бросаетъ на полъ черезъ себя, сама смотритъ въ уголъ,—въ кого попадетъ, той дѣвушкѣ замужъ скоро идти. Во время мытья въ банѣ-парушѣ изъ дымника иногда выпускаютъ голубя. Съ крикомъ дѣвицы выгоняютъ птицу и продолжаютъ мыться далѣе. Послѣ умыванія невѣста расплескиваетъ воду на дѣвушекъ, одѣвается и причитаетъ:

„Ужъ и Богъ судья да баня-паруша,
„Ужъ и смыла да съ меня спарила
„Ужъ ты дивью да съ миня красоту...
„Полетай, дивья красота,
„Со паромъ по поднебесью
„Ты по красному солнышку,
„Наровнѣ со свѣтлымъ мѣсяцемъ...

Дѣвицамъ въ передбанникѣ даютъ красное вино. Онѣ, одѣтыя, разбираютъ каменку („зорятъ каменку“) и, залѣзая на крышу, сталкиваютъ съ бани трубу.

Изъ бани ведутъ невѣсту подруги подъ руки и поютъ пѣсни про дивью красоту, которая роститъ теперь крылышки,

„Да направляетъ павлины перышки,
„Она хощетъ да спорхнуть, улетѣть
„Да во далече во чисто поле,
„Во раздольице да во широкое...

Послѣ бани подружки невѣсты заплетаютъ ей косу съ особыми причитаніями отъ имени невѣсты. Коса невѣсты олицетворяется въ образѣ летающей (какъ бы птица) „дивьей красоты“ по роднымъ мѣстамъ—лугамъ, полямъ, лѣсу. Дивья красота, послѣ долгихъ исканій своего мѣста,—

„Она валетитъ, дивья красота,
Какъ на бѣлую березыньку“...
„Она сядетъ, дивья красота,
На траву да на шелковую“...
„Попадутъ то дивьей красотѣ
„Три пути да три дороженьки...
„Ишо перва путь дороженька
„Во широко поле раздольице;
„А вторая путь дороженька
„На родимую сторонушку;
„И какъ третья-то дороженька
„Ко матушкѣ Божьей церквѣ“...

наконецъ находитъ это мѣсто во матушкѣ въ Божьей церкви, во книгѣ во Евангельской (во время вѣнчанія одна изъ ленточекъ невѣсты, находящейся подъ вѣнцомъ на головѣ, кладется затѣмъ въ книгу Евангеліе).

3. Вечеромъ въ обрученіе идетъ по особому обрядовому порядку столованье съ „княжимъ столомъ“ съ подарками, мѣною колецъ и величальными и застольными пѣснями, напоминающими пѣсни для просватанія, напримѣръ:

„По городу не звоны пошли—
„По терему дары понесли,
„Дарила дарамъ красна дѣвица душа
„Дарила она разудала молодца:
„Не осуди за мои то дары,
„Мои то дары да дары малые,
„А моя то судьба да вѣдь незнамая;
„Здѣсь земля да не родимая,
„Здѣсь камка да не родилася,
„Только родился единъ бѣлый ленъ
„Изъ того я льну ужъ ткала я пряла
„Дары пасла . . . . . .“

(эта пѣсня поется отъ имени невѣсты, когда ея мать несетъ

дары и подаетъ невѣстѣ. Невѣста даритъ жениха, свекра, тысяцкаго и др.).

Пѣсня дѣвушекъ невѣстѣ, сидящей съ женихомъ, а не съ ними (изъ обряда „выкупа невѣсты отъ жениха“):

„Встосковалися да взгоревалися
„Мы безъ кумушки да безъ подруженьки,—
„Ужъ и гдѣ она да засидѣлася...
„За столомъ столомъ да за бѣлодубовымъ,
„Ишо за скатертямъ, да шитымъ браннымя
„Ишо за явствами да за сахарнымя,
„Да за питьямъ да за медвяными“.

Изъ пѣсенъ невѣстѣ:

„Вы цвѣты, мои цвѣтички,
„Да вы цвѣты мои лазоревы.
„Васъ немного было сѣяно
„Што васъ много уродилося,—
„Да уродился одинъ алый цвѣтъ“...

Изъ пѣсенъ свекру:

„Славенъ богатъ нашъ пріѣзжій гость,
„Свѣтъ-то Михайло Ивановичъ,
„Слава то шла, слава то шла
„По всѣмъ городамъ, по всѣмъ слободамъ,—
„Шубу то шилъ изъ семи соболей
„Восьмымъ соболемъ воротникъ положилъ“...

Свекровкѣ:

„И чье это поле не гороженое,
„И чей это теремъ не покрытъ стоитъ,
„И чей это перстень безъ оправочки,
„И чья это жена безъ мила дружка,
„И этому полю огородичекъ надъ,
„И этому терему покровочка,
„И этому перстню оправочка
„И этой бы вдовѣ милого дружка.

Молодымъ парнямъ—гостямъ:

„Ужъ ты голубь, голубочекъ мой,
„Голубь сизый златокрыленькой,
„Ужъ ты гдѣ, голубь, былъ спобывалъ.—
„Ужъ я былъ въ гостяхъ у удала молодца

Или еще:

„Во горницѣ во новой, кто у насъ холостой.
припѣвъ: Ай люли, Ай люли, кто у насъ холостой.
„Свѣтъ Василій холостой, да Иванычъ не женатъ...“

Женатымъ:

„Летитъ летитъ соколъ изъ за горъ,
„Ѣдетъ ѣдетъ хозяинъ домой,
„И спрашиваетъ у слугъ у своихъ,
„Гдѣ же моя молодая жена.
„Ежели спитъ—не будите ее,
„Въ собраньи сидитъ—не ходите за ней,
„Самъ я пойду и ее приведу,
„Милаго сына (дочь) на рукахъ принесу...

Когда столованье кончится, гости уѣзжаютъ, наступаетъ перерывъ. Послѣ перерыва открывается дѣвишникъ (вечеръ молодежи).

4. При заплетеніи косы матерью у дочери—невѣсты въ послѣдній разъ, дочь въ глубоко прочувствованныхъ словахъ причитаетъ о своей любви къ матери, о тепломъ гнѣздышкѣ, о высокомъ теремѣ, о чужой сторонѣ, гдѣ:

„Надо жить то все умѣючи,
„Говорить надо разумѣючи,
„Надо ноженьки со подходомъ,
„Бѣлы рученьки со подносомъ,
„Буйна голова со уклономъ,
„Языкъ то надъ съ приговоромъ,
„И со веселой то быть поглядкой...

Проситъ заплести трубчату косу въ разныя зерна:

„Ты возьми ко, родима матушка,
„Во свою то да бѣлу рученьку
„Ты мою то да трубчату косу
„На роду же да не впервы
„Въ часъ теперя да во послѣдній...
„Заплети-ко, родима матушка,
„Какъ мою же да трубчату косу
„Во овсяно да мелко зернышко,—
„Ужъ мнѣ та коса не гленется,
„Не по уму мнѣ да не по разуму.
„И заплети-ко, родима матушка,
„Во ржаное мелко зернышко;
„Мнѣ ишо то хрушка покажется...
„Во пшеничное да зернышко... (не покажется и эта)
„...Во конопляно мелко сѣмя,
„...и во льняную да тонку ниточку...

„Во маково мелко сѣмячко,
„Во единый да волосочекъ.

Далѣе въ причетахъ испрашивается благословеніе и совѣты матери.

Мать въ отвѣтныхъ причитаніяхъ вспоминаетъ о прожитой вмѣстѣ жизни, о матерныхъ заботахъ о дочери, даетъ свои совѣты дочери:

„Ужъ ты, красно да мое солнышко,
„Ты, сердечное да мое дитятко,
„Ужъ ты будь ко, мое дитятко,
„Ты пословная, да унаровная...“

и наконецъ даетъ дочери великое благословеніе, навѣки нерушимое:

„...Благословляю да тебя, дитятко,
„Отъ желаньица да ретива сердца,
„Ко судьбѣ да ко закону...

Въ дальнѣйшихъ словахъ описывается сила материнскаго благословенія, которое выноситъ изъ синя моря, выводитъ изъ темна лѣса.

Останавливая особенное вниманіе слушателей на обрядѣ заплетенія косы невѣсты матерью въ послѣдній разъ, докладчикъ выяснилъ цѣнность этого обряда (въ литературѣ неизвѣстнаго) съ точки зрѣнія психологическихъ и религіозныхъ переживаній, а также съ точки зрѣнія сравнительнаго фольклера по культовымъ обрядамъ.

Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ большую художественную цѣнность записанныхъ имъ изъ свадебной процедуры матеріаловъ, изобилующихъ звучными правильными стихами (въ причитаніяхъ и пѣсняхъ), прекрасными образами и сравненіями, яркими картинами бытовой жизни, и выразилъ надежду, что мѣстные жители Пермскаго края, чуткіе къ прекрасному, съумѣютъ найти пути къ сохраненію живой художественной старины.

По окончаніи доклада И. И. Ульяновъ, по просьбѣ предсѣдателя, продемонстрировалъ своимъ голосомъ напѣвы нѣкоторыхъ старинныхъ свадебныхъ пѣсенъ, тѣсно связанныхъ съ мелодіей голоса.

Примѣчаніе редакціонной комиссіи къ статьѣ И. И. Ульянова: „Образы дивьей красоты".

Вслѣдствіе чисто техническихъ условій при наборѣ шрифта было невозможно передать ударные знаки въ пѣсняхъ. Поэтому редакціонная комиссія, считая необходимымъ сохранить точность оригинала, дѣлаетъ слѣдующія примѣчанія:

1) Курсивная буква „е" въ пѣсняхъ статьи имѣетъ условное значеніе: эту букву надо произносить какъ „jo".

2) „Дивья красота". Слово „красота" въ данномъ сочетаніи произносить нужно съ ударéніемъ на третьемъ словѣ отъ начала (properoxytona).

3) Курсивъ другихъ буквъ говоритъ объ удареніи на этихъ буквахъ.

Редакціонная комиссія.

КНИГ

Образы дивьей красоты

по свадебнымъ причитаніямъ и обрядамъ села Шмаковскаго, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи.

(Статья И. И. Ульянова).

Въ своемъ докладѣ 29-го августа минувшаго года въ Пермскомъ Научно-Промышленномъ Музеѣ--Объ обрядахъ обрученія и сватанія у зауральскихъ великороссовъ—я указывалъ, между прочимъ, на сложность образовъ въ понятіи „дивья красота", часто встрѣчающемся въ свадебныхъ причитаніяхъ и пѣсняхъ.

Вопреки довольно распространенному въ нашей литературѣ мнѣнію,—что „дивья красота" это—красота (въ обычномъ смыслѣ), украшеніе, ленты или даже одна лента въ косѣ дѣвушки, *) я надѣюсь, на основаніи приведенныхъ

---

*) **Я. Предтеченскій** въ статьѣ—О свадебныхъ обрядахъ г. Чердыни,—напечатанной въ Пермскомъ Сборникѣ за 1859 г., послѣ стиховъ (изъ причитаній):

Расплетите мнѣ трубчату косу,
Отвяжите мою дивью красоту;

дѣлаетъ такое примѣчаніе: „слово красота, въ мѣстномъ нарѣчіи, имѣетъ два различныя значенія: одно общее и общеизвѣстное—въ смыслѣ красоты, другое частное—въ смыслѣ ленты, какъ украшенія дѣвушекъ". Въ другомъ мѣстѣ—послѣ словъ:

Становиться у окошечка,
Чтобы выкараулить красоту...

авторъ снова поясняетъ: „красотами въ мѣстномъ нарѣчіи называютъ ленты". См. примѣчаніе на стр. 43 и 49; Пермскій Сборникъ. Повременное изданіе. Кн. I, ч. II. 1859. Я. Предтеченскій говоритъ о дивьей красотѣ только въ указанныхъ двухъ значеніяхъ: а) въ общеизвѣстномъ смыслѣ красоты и б) въ смыслѣ ленты, какъ украшенія дѣвушекъ.

Подобное же опредѣленіе понятія дивьей красоты въ двухъ значеніяхъ находимъ и у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ:

М. Едемскій—Свадьба въ Кошеньгѣ, Тотемскаго уѣзда (Живая Старина. В. I—IV. 1910),—описывая, какъ невѣста предъ отъѣздомъ къ вѣнцу „сдаетъ красоту" родителямъ, родственникамъ и подругамъ съ причетами—

Мнѣ куда, молодешенькѣ,
Дѣвать дивья-то красота?—

говоритъ: „предлагаетъ отцу кольцо или ленту, которыя должны представлять въ данный моментъ всю „дивью красоту", т. е. украшеніе, парядъ". Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ

мною матеріаловъ, до нѣкоторой степени выяснить, что понятіе „дивья красота“ заключаетъ въ себѣ не только красоту дѣвушки, или ея ленту въ косѣ и другія украшенія,

---

авторъ упоминаетъ и о другомъ значеніи дивьей красоты, какъ вообще украшенія дѣвицы. См. стр. 105 и прим. 1 на той же стр.

В. Н. Серебренниковъ въ своей статьѣ—Свадебные обычаи и пѣсни крестьянъ Андреевской волости Оханскаго уѣзда, Пермской губ. (Матеріалы по изученію Пермскаго края. В. IV. Изданіе Музея. Пермь 1911.)—опредѣляетъ дивью красоту, какъ ленту въ косѣ дѣвушки. Послѣ заключительныхъ словъ одной привойки (жалобной пѣсенки)—

Потеряла я три потерюшки:
Первую я потерюшку—батюшкову нѣгушку,
Другую потерюшку—мамонькину волюшку,
Третью потерюшку потеряла хорошую „дивью красоту“!—

авторъ говоритъ буквально слѣдующее: „Въ свадебныхъ пѣсняхъ часто встрѣчается выраженіе „дивья красота“. „Дивья (дивья, дѣвичья) красота“ Это—лента въ косѣ дѣвушки. Коса съ лентой есть отличіе дѣвушки отъ замужней женщины. См. стр. 20 указанной статьи.

Того же мнѣнія о дивьей красотѣ, повидимому, придерживаются: **В. Александровъ**—Вологодская свадьба. СПб. 1863. стр. 49; **А. Чесноковъ**—Свадебные обряды и пѣсни кержаковъ (Живая Старина. В. I. 1911; стр. 67), которые, не опредѣляя точно понятія „дивья красота“, тѣмъ не менѣе дѣлаютъ иногда такія поясненія обрядовъ и пѣсенъ въ текстѣ своихъ статей, что можетъ получиться впечатлѣніе отъ „дивьей красоты“, какъ исключительно ленты въ косѣ дѣвушки.

У нашихъ виднѣйшихъ собирателей свадебныхъ пѣсенъ, причитаній и обрядовъ **П. В. Шейна** и **Е. В. Барсова** понятіе „дивья красота“ точно не опредѣляется, но изъ собранныхъ ими свадебныхъ матеріаловъ, у П. В. Шейна, кромѣ того, и изъ объясненій нѣкоторыхъ лицъ, сообщившихъ ему эти матеріалы, можно притти къ заключенію, что „дивья красота“, это—а) въ буквальномъ смыслѣ—лента, украшающая косу дѣвушки, и б) въ переносномъ—воля дѣвичья, символизируемая лентою:

П. В. Шейнъ. Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Томъ 1, выпускъ второй. Изд. Импер. Акад. наукъ СПб. 1900; стр. 398, 413, 414, 491 и др., гдѣ произведены причитанія съ упоминаніемъ дивьей красоты въ указанномъ выше смыслѣ; причемъ на стр. 491, въ текстѣ имѣется, между прочимъ, такая фраза: „послѣдняя причта предъ вѣнцомъ, когда невѣста отдаетъ свою волю: т. е. ленту съ головы“ или, на стр. 519 и 520 сдѣланы въ подстрочникѣ такія поясненія: „Воля—коронка, она же красота“. „Олицетворенія воли въ коронкѣ, а за послѣднее время также и въ елкѣ“. Всѣ такія поясненія и опредѣленія весьма затемняютъ понятіе о дивьей красотѣ.

Е. В. Барсовъ. Чтеніе въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Поврем. изданіе подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. Іюль—сентябрь. Книга третья. Москва 1885; и октябрь—ноябрь. Книга четвертая 1886 г.— См. Причитанія сѣвернаго края, часть III. Плачи свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвѣнечные. Слово „дивья красота“ въ причитаніяхъ сѣвернаго края совсѣмъ не встрѣчается,—вмѣсто него часто употребляется „бажона дорога воля“, которая въ свою очередь сближается съ понятіемъ „русой косыньки“, „украшеннымъ дѣвичествомъ“. См. стр. 6, 26, 29, 39, 44, 45, 123 кн. III, 1885, а также стр. 163, 164 кн. IV. 1886.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что у Е. В. Барсова, какъ и у П. В. Шейна и другихъ авторовъ—собирателей, есть много такихъ стиховъ свадебныхъ пѣсенъ и причитаній, которые (какъ выяснится наже) даютъ, по нашему мнѣнію, право видѣть въ „дивьей красотѣ“ болѣе сложные образы, чѣмъ только образы косъ съ лентами.

но и все житье дѣвичье съ идеею дѣвичества въ широкомъ смыслѣ слова.

Въ подтвержденіе только что высказанныхъ положеній, ниже приводятся нѣкоторыя свадебныя обрядовыя причитанія и пѣсни, *) въ которыхъ рисуются разные образы дивьей красоты.

Дивья красота—житье дѣвичье.

Изъ причитаній**) невѣсты подружкѣ или родственницѣ, послѣ дня просватанія:

„Миня красила да дивья красота
Миня по буднямъ да по праздничкамъ,
Да по частымъ божьимъ воскресеньицамъ.
Миня грѣла да дивья красота
Посреди-то зимы студеные
Безъ шубочки да соболиные“...

„День со вечера вечеряется,
Дивья красота коротается;
Да не Божья церква пошатилася,
Дивья красота покатилася
да Отъ миня-то, отъ красной дѣвицы.
Я жила-то да красовалася,
Дивьей красотѣ любовалася,
У своева родима батюшка,
Я во садичкѣ, я во вишеньѣ,
Во хорошемъ да черемошеньѣ.
Миня солнышкомъ-то не жарило,
Миня вѣтромъ-то да не дуло,
Частымъ дожжичкемъ не мочило...
Ужъ я красила дивью красоту
Я не платьицамъ не цвѣтнымъ,
Не хорошимъ да я обрядамя,—

*) Для цѣльности впечатлѣнія и внутренней связности и однородности матеріала, въ текстѣ настоящей статьи берутся свадебныя поэтическія произведенія только одного села Шмаковскаго, Ирбитскаго уѣзда, Пермской губерніи, гдѣ производились мною записи въ 1912 году.

**) Со времени просватанія и до момента вѣнчанія—характерное состояніе невѣсты, это—грустное настроеніе, часто сопровождающееся причитаніями (въ ритмически однообразныхъ монотонныхъ стихахъ-плачахъ).

Я не ленточкямъ гранатуровымъ,
Не перснями да бриліянтами,—
Своимъ да умомъ—разумомъ".

Изъ жалобныхъ пѣсенъ (привоекъ) подружекъ невѣсты, послѣ дня просватанія:

„Ужъ ты што-жо сидишь, задумалась,
Ужъ ты што сидишь, закручинилась;
Ты повѣсила да буйну голову
Ниже плечъ своихъ могучіихъ;
Потупила да очи ясные
Во пола да во дубовые?
Ты каку жо да думу думаешь,
Ты какія да мысли мыслиши?—
Ужъ ты думаешь да, голубушка,
Про чужую да дальну сторону...
Ужъ ты вейся да увивайся
Со своей да дивьей красотой,
Ужъ ты ласточкой да касаточкой,
Перелетной да мелкой пташичкой!...

Въ обрядовыхъ причитаніяхъ, послѣ просватанія, невѣста и ея подружки обыкновенно вспоминаютъ дѣвическую жизнь,—беззаботную, привольную,—съ нарядами и пѣснями; причемъ эти воспоминанія часто смѣняются безпокойствомъ за неизвѣстное будущее на чужой сторонѣ.*)

*) „Дивью красоту", символизирующую житье дѣвичье, можно найти въ причитаніяхъ многихъ селъ и деревень сѣверныхъ губерній. Есть на это указанія и въ матеріалахъ нашихъ авторовъ—собирателей. Такъ у **Е. В. Барсова**—въ причитаніяхъ сѣвернаго края,—гдѣ „дивья красота" (по нашему мнѣнію) замѣняется словами—дорогая, безцѣнная, бажона воля вольная,—встрѣчаются, между прочимъ, такіе стихи:

„И пораздумаюсь дѣвочьимъ своимъ разумомъ....
И сговорю столько едино таково слово:
И дорога жъ моя безцѣнна воля вольная!
И воля красное миженьско мое солнышко,
И воля денной ты теперь да бѣлой свѣтушко,
И воля сладкое было да увяданьице,
И воля долгое было да усыпаньице,
И будьто сыръ въ маслѣ да волюшка каталась;
И, какъ пчела, да воля во меду купалась,
И бѣлый сахаръ какъ по блюду разсыпается". (Чтенія, стр. 20.—Причитанья Сѣв. края. кн. III. 1885).

Или: И спаметните-тко, души—да красны дѣвушки,
И на лужкахъ меня невольну сѣнокосныихъ,
И вы на чистыихъ поляхъ да хлѣбородныхъ,
И гдѣ сидѣли на катучихъ бѣлыхъ камешкахъ,

Дивья красота—сама дѣвушка съ идеею дѣвичества.

Изъ причитаній невѣсты въ домѣ родителей предъ обрядовымъ выходомъ въ баню наканунѣ свадьбы:

„Бласлови-ко, родимой батюшко,
Бласлови, родима матушка,
Какъ во парную итти въ парушу,
Какъ въ твою жо, родимой батюшко,—
И на роду жо да я не впервы
И какъ сечасъ жо во послѣдни.
Мнѣ не смыть бы, родима матушка,
Мнѣ свою жо дивью красоту:
Мнѣ свою жо да трубчату косу,
Мнѣ свою жо да буйну голову,
Мнѣ свои жо да брови черные,
Мнѣ свои жо да шшочки алые,—
Ужъ какъ я жо, да красна дѣвица;
Ужъ я думаю, красна дѣвица,
И Про свою жо да дивью красоту,*)

И гдѣ мы шуточки, голубушки, шутили,
И баски писенки, лебедушки, спѣвали,
И свою волюшку вѣдь мы да спотѣшали". (Ibid. стр. 72).

У **П. В. Шейна** въ записяхъ по Вологодской губ. встрѣчаются такія выраженія:

„Ужо чья это красота?
Она красно красовалося,
Она баско наряжалася,
У родимово батюшки,
У родимой то матушки". (Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ и пр. стр. 414, т. I в. II СПб. 1900).

Въ рукописи И. В. Иванова (свадебныя пѣсни д. Ананичи, Стряпунинской волости, Оханскаго у. Пермской губ.), принадлежащей Пермскому Научно-Промышленному музею, по одной свадебной пѣснѣ (№ 6 рукописи) дивья красота рисуется украшенной и сбереженной въ дѣвичествѣ:

„Хороша моя дивья красота
Хорошо она да украшена
Честная да сбереженая.
Сберегла я дивью красоту
Отъ вѣтру отъ вихорю
Отъ частаго мелка дождика,
Отъ снѣгу отъ бѣлаго
Отъ бѣлаго да отъ студенаго.

*) „и Про свою жо да дивью красоту." Встрѣчающійся звукъ „и", въ другихъ случаяхъ звуки—да, а, ужъ—помѣченные нами маленькими буквами, соединенными съ первымъ слогомъ стиха знаками ⌣ или V (ср. въ пѣніи) означаютъ тотъ неопредѣленный звукъ, который слышится при набираніи (дыханіи) воздуха въ началѣ

и Про свое жо да украшеньицо...
и Миня грѣла да дивья красота
и Середи то зимы студеные,
Ужъ какъ часъ-отъ да вѣдь топеря,
Какъ заморозитъ да бабья старость,—
и Середи-то да весны красныя
и Середи-то страды веселыя.

Изъ этого причитанія можно видѣть, между прочимъ, объемъ дивьей красоты (коса, голова, брови, щеки, украшеніе) и ея силу (грѣла дивья красота, заморозитъ бабья старость).*)

Изъ причитаній невѣсты о попороченной дивьей красотѣ (если уже знаютъ люди):

„ужъ Посудачишь да, дивья красота,
На миня, на красну дѣвицу:
Порудила тебя, попорочила,—

почти каждаго стиха причитанія (со слезами произносимаго, а не просто сказаннаго). При записи стиховъ причитаній со словъ деревенскихъ женщинъ-вопленицъ, послѣднія приставляютъ къ каждому стиху обыкновенно и эти дополнительные звуки, которые так. обр., часто путаютъ размѣръ стиха и вводятъ собирателей въ заблужденіе. Такъ напр., „и", предшествующее каждому стиху у Е. В. Барсова, введено въ причитанія, по нашему мнѣнію, ошибочно (такъ какъ часто не получается размѣра стиха или получается другой размѣръ) и основано на томъ же заблужденіи.

*) А. Чесноковъ—(свадебные обряды и пѣсни кержаковъ)—приводитъ слѣдующее причитаніе при заплетаніи косы невѣсты, въ которомъ отмѣчаются обычныя качества дивьей красоты, символизирующей въ данномъ случаѣ, по нашему мнѣнію, дѣвушку:

„Какъ у тя-то рученьки
Да подынулись
На мою-то русу косыньку?
Умную да разумную,
Тихою жа да смиренную?" (См. стр. 66, Жив Старина 1911, в. I).

У Е. В. Барсова (Прич. Сѣв. края) „дорога воля бажоная" или, по нашему мнѣнію, „дивья красота"—дѣвушка занимается рукодѣліемъ (знаніе рукодѣлія считается однимъ изъ лучшихъ качествъ невѣсты):

„И пусть сидитъ да дорога воля бажоная,
И все подъ милымъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
И по прежнему она да по досюльному,
И за дѣвочьимъ сидитъ да рукодѣльицемъ,
И вышиватъ пущай узоры хитромудрыи,
И пусть повышье тонко-бѣло полотенышко,
И поспѣшитъ да къ тепло-парной этой баенкѣ". (Стр. 24, чтенія.... кн. III, 1885).

„И вдругъ украсила бажону дорогу волю
И во снарядное дѣвочье цвѣтно платьице" (Ibid. стр. 109).

Въ этомъ стихѣ дорога воля (въ нашемъ смыслѣ дивья красота) съ большой очевидностью отожествляется съ понятіемъ самой дѣвушки.

Во грезяхъ тебя да затоптала,
Во грезяхъ да во топучіихъ,
Во болотахъ да во зыбучіихъ;
Ужъ я глупа да красна дѣвица;
Ужъ я глупа да неразумная,—
Погледѣла я, красна дѣвица,
На чужіе да умы—разумы,
Я на ласковые словечушки,
Я на пренички на медовые
На орѣшки да на кедровые.
ужъ Я теперь, да красна дѣвица,
Ужъ я знаю да што не ладно,—
ужъ Я не сто жо да разъ покаелась...
Говорилъ жо да родной батюшко
Мнѣ наказывала родна матушка:
Ты живи-ко, да мое дитятко,
Со умомъ то да ты со разумомъ,—
Не послушала свова батюшка,
Я прогнѣвала свою матушку:
Порудила я дивью красоту,
Порудила я, попорочила."

Причитаніе даетъ образъ поруганной дивьей красоты—дѣвушки*).

Изъ причитаній на пути къ банѣ.

„На отлетѣ дивья красота
Отъ миня, отъ красной дѣвушки,—
Увивается дивья красота
Кругъ моей буйной головушки,
Отлетѣть хочетъ въ чисто полюшко."

Здѣсь дивья красота, какъ идея дѣвушки, собирается отлетѣть отъ нея.

(У бани). Приглашеніе невѣсты истопницею (обыкновенно сестрою) въ баню:

„Истопила я парну банюшу,
Я безъ дыму безъ кудрявова,
Я безъ чаду да безъ зеленова....
Ты пойдемъ-ко, моя голубушка,
Во парную ты во банюшку,—

*) Это причитаніе по своей основной мысли находится въ связи съ причитаніемъ, помѣщеннымъ на стр. 66-й: поруганной дивьей красотѣ не будетъ пути къ Божьей церквѣ.

И на роду жо да ты невпервы,
Въ дивьей красотѣ вопослѣдни.
Ужъ ты мойся, моя голубушка,
Ты смывай-ко, родима сестрица,
Ты свою жо да дивью красоту,—
Ты свои жо да русы волосы,
Ты свое жо да украшеньицо,
Баско дивье да уваженьицо,
Ты свое жо да тѣло бѣлое.
Падѣвай-ко, родима сестрица,
На свою жо да буйну голову
Смугу черную
Ты родимая моя сестрица,
Ужъ ты мойся да промывайся
Подъ вѣнцы жо да позлаченые.

Въ приведенныхъ стихахъ обрисовывается идея перехода отъ дѣвушки къ женщинѣ. Здѣсь „дивья красота“—идея дѣвушки. Смывъ свою красоту, дѣвушка (по смыслу сопровождающихъ причитанье обрядовъ) потеряетъ силу дѣвичества, силу своихъ дѣвическихъ волосъ, косы и станетъ женщиной; одѣнется въ „смугу черную“ (особый головной уборъ женщины—„наколку“), символизирующую бабье житье.*)

---

*) **П. В. Шейна** въ записяхъ по Архангельской, Вологодской и Новгородской губ. встрѣчаются аналогичные мотивы смыванія дивьей красоты въ банѣ и одѣванія въ абстрактное понятіе „бабьей красоты“. Такъ, невѣста (Волог. губ.), возвращаясь изъ бани, причитаетъ:

„Ужъ тебѣ бы, банѣ нарущѣ,
По бревну бы раскатитися,
По кирпичику развалитися.
Ужъ какъ баня то—паруша
На лютыхъ то звѣряхъ вожена,
На лихо мѣсто поставлена
Посмотрите-ка, родимые,
На мое лицо бѣлое,—
Какъ берестичко блеклое,
Зла тоска на немъ написана;
Какъ мои щеки алыя—
Что листочки лежалые.
Я не много попарилась,
Ужъ я много съ себя спарила
Что своей то дивьей красоты“. (Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ... стр. 418, т. I, в. II. 1900).

Изъ причитаній невѣсты по выходѣ изъ бани:

„Ужъ и Богъ судья да баня-паруша,
Ужъ и смыла да съ миня, спарила,
Ужъ ты дивью да съ миня красоту“...*)

Или (въ Новгород. губ.):

„Что во этой парной баенки
Не смоете черной грязи,
А смоете красну красоту
И всю дѣвишну вольну волюшку.
Со бѣла лица смоете всѣ румянчики,
Со ретива сердца все весельюшка“... (Ibid. 498).

При расплетаніи косы, невѣста (Архангельской губ.), между прочимъ, причитаетъ о смѣнѣ „*ди*вьей кр*а*соты“ „бабьей красотой“:

„Есть у батюшки за пецьнымъ столбомъ
Злодѣйка сидитъ, бабья красота.
Што житье бабье позорливое,
Оно позорливо житье бабье, попецальное,
Попецально житье бабье, вѣковѣцное,
Оно на вѣкъ на меня навяжется,
Все я буду подъ грозой жити подъ великою,
Во пецяли житье пойдетъ, не въ радости.
Што злодѣйка—бабья кр*а*сота,
Она сидитъ у матушки за пецьнымъ столбомъ,
Она сидитъ все и топоршится,
Роститъ крылья ястребиныя,
Роститъ когти совиные,
Налетѣть хоцетъ. напорхнути,
На мою на буйну голову:
Она вцѣпить хоцетъ когти вострые
Въ мои русы волосы.
Да и охъ! порудить хоцетъ дивью красоту.
Охти мнѣ, младой тошнехонько!
Она на вѣкъ на меня навяжется,—
Мнѣ куда теперь дѣватися“. (Ibid. стр. 399).

У **Е. В. Барсова** (Причитанья Сѣв. края) съ дѣвушки смывается „воля вольная“, и сама она одѣвается въ сорочку кручины и слезъ:

(Мать) „И благословляю я, кручинная головушка,
И какъ пойти да въ теплу парну теби баенку;
И надѣляю тонко-бѣлоей сорочечкой;
И не узорчикамъ сорочечка ушивана,
И все кручинушкой она да неудольноей;
И не жемчужкомъ изборочки усажены,
И по единой горючей по слезиночкѣ.
И станешь жить какъ на судимой на сторонушкѣ
И ты у чужихъ богоданыхъ родителей,
И много ума надо разума въ головушкѣ.
И много розмыслу въ ретивое сердечушко.
И все тоби, да моя бѣлая лебедушка“. (Чтенія... кн. III. 1885, стр. 118).

*) Ср. Ужъ недолго я попарилась, / Ужъ я спарила, зеленешенька,
Ужъ я много съ себя спарила: / Свою дивью красоту,
Ужъ я спарила, молодешенька, / Дѣвичье да украшеньице“.
(В. Александровъ. Вологодская свадьба. стр. 48 СПб. 1863 г.).

Дорогою изъ бани:

„Ужъ ты, свѣтъ-моя да дивья красота,
Она роститъ да собѣ крылышки,
Направляетъ павлины перышки,
Она хощетъ да спорнуть, улетѣть
Во далече да во чисто поле
Во раздольицо да во широкое.
да Ужъ вы, свѣтъ-то, мои голубушки,
да Задушевны мои подруженьки,
v Я объ чемъ-то вамъ да покучуся.
v Слезно—горько да поканаюся:
v Вы во время да лѣта теплова,
v Лѣта теплова, весны красные,
v Вы пойдете, мои подруженьки,
v Во сырой-етъ боръ по ягодки,
v Вы по алую землянiженку,
v Вы по черную да по черниженку,—
v Попримѣтьте, мои голубушки,
v За моей то за дивьей красотой:
v Куда сѣдетъ да дивья красота
v На которо да свято-деревцо,—
v Если сѣдетъ да дивья красота
На яблонь да на кудрявую,
и Тутъ житье то будетъ хорошее,—
а Если сѣдетъ да дивья красота
На бѣлую на березыньку,
Тутъ житье то будетъ по среднему;
а Если сѣдетъ да дивья красота
Да на горькую на осинушку,
Тутъ житье будетъ горе-горькое,—
да Если сѣдетъ да дивья красота
v На матушку на Божью—церкву,
v Тутъ житье будетъ да вѣковѣчное,
v Вѣковѣчное да безконечное“...

Изъ приведенныхъ причитаній видно, что дивья красота уже смыта,—фантазія въ то же время даетъ рожденіе новому образу: красота готова, какъ птичка, отлетѣть; дѣвушка проситъ своихъ подружекъ понаблюдать за красотой, за ея

полетами и куда она сядетъ. Полеты дивьей красоты рисуются въ обстановкѣ близкой къ мифологической.*)

*) Многочисленныя причитанія села Шмаковскаго, касающіяся моментовъ смыванія красоты, прощанія ея съ дѣвушкой и отлета отъ нея, сопровождаются весьма сложными обрядами (съ водою, зеленымъ вѣникомъ, голубемъ и др.), указывающими на важность перехода отъ дѣвушки къ женщинѣ.

Названные моменты отмѣчены, до нѣкоторой степени, въ матеріалахъ и нашихъ собирателей; разставаніе дѣвушки съ дивьей красотой описывается въ трогательныхъ, иногда въ укоризненныхъ, выраженіяхъ, часто въ драматической обстановкѣ.

„Полети-ка, полети-ка, моя дивья красота,
Банным дымным окошечкомъ
Что во чистое во полюшко
Послѣ меня, молодешеньки". (*А. Чесноковъ.* Свадебные обряды и пѣсни кержаковъ, стр. 67, Ж. ст. 1911 г. в. I).

(Въ банѣ) „Полетай, дивья красота,
Со паромъ по поднебесью,
Ты ко красному солнышку
Наровнѣ со свѣтлымъ мисяцемъ". (Изъ моихъ записей по Костромской г. 1912 г.).

Выйдя изъ бани невѣста (въ Олонецкой губ.) причитаетъ:

„Послѣ моего быванька,
Послѣ моего хоженька;
Раскатиська парна баенка,
Какъ по единой мостовиночкѣ.
Добѣла я не намылася;
Только съ волей разлучилася.
Какъ на полокъ воля бросалася,—
Бѣлой лебедью казалася,
Какъ на каменку бросалася,—
Вѣлымъ паромъ оказалася,
Во корытушко бросалася,—
Сѣрой утушкой казалося;
По окну воля щелкнула,—
Стала волюшка свиватися,
Меня, дѣвку, приклипатися:
Какъ умѣла красоватися,
Не умѣла разстоватися;
Какъ съумѣла волю выростить,
А не съумѣла воли выпустить;
Буди проклята, красна дѣвушка"!

(**Шейнъ.** Великоруссъ...., т. I, в. II, стр. 490, 1900).

„Полетай, бажона волюшка,
Какъ ко солнушку въ бесѣдушку
Ко луны на утѣшеньице". (Ibid. стр. 491).

У **Е. В. Барсова** въ причитаньяхъ Сѣв. края невѣста въ сговорныхъ плачахъ (останавливая вниманіе на отлетѣ воли) причитаетъ:

„И спущу волю на лугъ тамъ на зеленой,
И я на травоньку спущу да на шелковую,
И на цвѣты спущу я волю на лазоревы"....

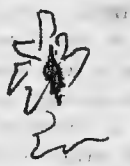
—

„И на пути да дорожкѣ пріодумаюсь;
И не стонетъ ли то матушка, сыра земля,
И не вянетъ ли подъ волей шелкова трава,
И не плачетъ ли бажона дорога воля"....
И спущу волю выше лѣсу по поднебесью,
И вровень съ облачкомъ пущу волю ходячімъ
И къ красну солнышку спущу да во бесѣдушку,
И къ свѣтлу мѣсяцу спущу да въ приберегушку;
И я къ луны спущу, къ звѣздамъ да подвосточнымъ". (Чтенія...., ч. III стр. 20—22, 1885).

Дивья красота—коса и ленты въ косѣ дѣвушки.

Изъ причитаній невѣсты дорогою изъ бани по направленію къ дому:

„да Я еще жо да вамъ покучуся,
v Слезно горько да поканаюся,—
v Вы сходите, мои голубушки,
v Задушевны мои подруженьки,
v Вы на три то горы высокіе,
v Вы снимите, мои подруженьки,
v Три узора да хитромудрые,
v Вы развѣсьте, мои голубушки,
v Вы надъ батюшковъ да на широкой дворъ
Да надъ матушкинъ да надъ высокъ теремъ:
v Какъ поѣдетъ да сынъ отеческой,
v Онъ за мною, за горе горькою,
v Онъ засмотрится на широкой дворъ,
На узоры да хитромудрые,
да Позабудетъ миня, молодешеньку...
Я еще бы покрасовалася
Во хорошой бы дивьей красотѣ:
да Почесала бы буйну голову,
v Поплела бы я трубчату косу,
v Повезала бы алы ленточки
v По конецъ то своей трубчатой косы
Да къ приплетеной алой лѣнточкѣ“.



Невѣста безвозвратно смыла свою дивью красоту въ банѣ—парушѣ и простилась, такъ сказать, съ душой красоты; но вѣдь еще осталось ея внѣшнее проявленіе—коса, ленты и другія украшенія,—и вотъ дѣвушка проситъ подружекъ сдѣлать попытки задержать хотя эту красоту—внѣшній образъ. Въ концѣ приведеннаго причитанія (какъ и во всѣхъ

Въ Андреевской волости, Оханскаго уѣзда, Пермской губ. невѣста (послѣ бани) причитаетъ:

„Не спасибо тибѣ, мила сестра,
Не спасибо, моя голубушка,
Смыла я свою красоту
Во полы, полы дубовые,
Во грези, грези черные.
Не спасибо тибѣ, красно солнышко,
Не спасибо тибѣ свитель мѣсяцъ,
Не спасибо вамъ, часты звѣздочки“.

(Матеріалы по изученію Пермскаго края. Вып. IV, стр. 23, Пермь. 1911). Ранѣе, предъ входомъ въ баню, невѣста обращалась къ звѣздамъ, мѣсяцу и солнцу, прося ихъ поручиться по дивьей красотѣ (Ibid. стр. 22).

дальнѣйшихъ причитаніяхъ невѣсты) дивья красота обрисовывается уже въ опредѣленномъ, узкомъ смыслѣ—украшенія: косы, цвѣтовъ, ленты, иногда олицетворяемой въ образѣ летающаго существа, которое держитъ путь къ матушкѣ Божьей—церквѣ.*)

*) Дивья красота въ смыслѣ украшенія дѣвушки-косы, ленты и проч., излюбленная и часто повторяемая тема въ многочисленныхъ свадебныхъ причитаніяхъ и пѣсняхъ великороссовъ, что, вѣроятно, и дало поводъ многимъ нашимъ изслѣдователямъ и собирателямъ народныхъ художественныхъ словесныхъ произведеній представлять дивью красоту исключительно въ образѣ ленты, украшающей косу дѣвушки.

Хотя „дивья красота“ въ указанномъ смыслѣ понятіе довольно опредѣленное, тѣмъ не менѣе, какъ во избѣжаніе недоразумѣній, она почти всегда поясняется рядомъ стоящею фразою, опредѣляющею, въ данномъ случаѣ, точный смыслъ красоты:

„Ты, мила моя красота,
Ужъ ты, милая моя косынька,
Я чесала тебя, гладила“. (А. Чесноковъ—свадебные обряды и пѣсни кержаковъ. Ж. Ст., 1911, в. I стр. 81).

„Потеряла я, молода,
Да изъ косы алу ленточку,
Да свою-ту красоту“....

„У меня, молодешеньки,
Да честна дивья-та красота
Да шеуковы алы ленточки. ..
Да покатайтеся, ленточки,
Съ плечика да на плечико“.... (М. Едемскій—Свадьба въ Кошеньгѣ. Ж. ст., 1910. В. III, стр. 53 и 96).

„И я (мать) возьму да твою вольну эту волюшку,
И мелкопряшную дѣвочью русу косыньку,
И плотно кладу ко ретливому сердечушку (**Е. Б. Барсовъ.** Прич. Сѣв. края. Чтенія.... кн. III, стр. 40, 1885 г.).

„И снаряжусь я (невѣста) на смиренную бесѣдушку
И я одѣну скоро цвѣтно собя платьице;
И уберу свою безцѣнну дорогу волю,
И мелкопрятную дѣвочью косу русую,
И навяжу да въ косу русую алыхъ этихъ ленточекъ,
И по плечамъ да лежитъ косушка, ликуется,
И со сторонъ да глядя, людушки любуются“.... (Ibid. стр. 44).

Въ Вологодской губ. невѣста, держа лепту (въ день обрученья) причитаетъ:

„Я возьму да дѣвью красоту,
Дѣвичье да украшеньице,
На свои да руки бѣлыя,
На перстенья золоченые“.... (**В. Александровъ.** Вологодская свадьба, стр. 51. СПб. 1863).

При раздариваньи красоты:
„Красота ли, моя красота,
Да красота ли красная дѣвича
—Свѣтъ!
—Мнѣ кому краса оставити,
—На ково ея покинути?
—Я оставлю дивью красоту
—Своей любимой подруженькѣ“. (**Н. Г. Ординъ.** Свадьба въ подгородныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда. Ж. Ст. стр. 75—76, В. I. 1896).

Изъ причитаній при плетеніи косы; подружки заплетаютъ невѣстѣ (послѣ бани) косу, невѣста причитаетъ:

„Ужъ ты сѣдь-ко, моя голубушка,
Во единое да со мной мѣстичко,—
Ты возьми-ко, моя голубушка,
Во правую да бѣлу ручиньку,
Частый рымскій да гребешочикъ,
И во лѣвую да бѣлу ручиньку —
Ты мои то да русы волосы;
и Причеши-ко, моя подруженька,
Катерина да свѣтъ Ивановна,
и Глаже плису, да глаже бархату,
и Глаже листику-то вербовова,
(вар.+глаже карточки нарисованой)
и Заплети-ко, моя голубушка,
и Ты мою то да трубчату косу
Во ленную да тонку ниточку,—
По корень-то косы трубчатые—
Два ножа заплети булатные,—
Осередь-то косы трубчатые—
Ужъ ты яблонь да со кудрями,—
По конецъ то косы трубчатые—
Семишелковой торочечикъ;
и Ты ввежи-ко, моя голубушка,
Алу ленточку гранатурову;
Ты подай-ко, моя голубушка,
Ужъ ты мнѣ жо, да красной дѣвицѣ,
Черезъ правое подай плечико
Во мою жо да бѣлу ручиньку
Ты мою то да трубчату косу.
ужъ Я прижму жо, да красна дѣвица,
Я свою то да трубчату косу

„Раздарила свою красоту
По кумушкамъ по подруженькамъ,
да Берегите, мои голубушки,
Вы мою то да дивью красоту,
Вы отъ вѣтричку, вы отъ вихоря,
Да отъ частаго мелкаго дождичка,
Вы отъ краснаго ее солнышка". (изъ обряда раздариванья красоты. Шмакова: записи 1912 г.).

Въ одной пѣснѣ—„Веселая голова"—поется:

„Не ломайся надо мной,
Надъ моей русой косой
Надъ дѣвичьей красотой"! **А. И. Соболевскій.** Великорусскія народныя пѣсни. т. V, стр. 296, СПб. 1899).

См. также пѣсню—„Завтра, въ день прекрасный"—(Ibid. стр. 306).

и Ко лицу то, да я ко бѣлому,
и Я смочу жо, да красна дѣвица,
Я своимъ жо да горячимъ слезамъ
Я мою жо да дивью красоту,
и Мнѣ не годъ жо да годовать съ ней,
v Не зима мнѣ да зимовать съ ней,
v Какъ не осень да коротать съ ней,
v Со своей жо да дивьей красотой,
v Со хорошимъ да украшеньицомъ.*)
v Съ баскимъ дѣвичьимъ уваженьицомъ.
v Отходила я, красна дѣвица,
v По лужечкамъ да по зеленымя
И со кумушкамъ со поружинькямъ,
И отпѣла, да красна дѣвица,
и Баски пѣсенки заунывные,
v Заунывные, проголосные,
v Походечія, посидѣчія.
и Отстаю да, красна дѣвица,
Я отъ стадичка отъ павинаго,
и Пристаю я, да красна дѣвица,
Ужъ ко стаду да лебединому,
Къ лебединому, журавлиному".
(вар.:+„Не большое да бабье званьицо
Ужъ какъ стадо да журавлиное).

Изъ причитаній при обрядѣ заплетенія матерью въ послѣдній разъ косы дочери-невѣсты**) вечеромъ въ день обрученія:

„Ты, сердешно да мое дитетко,
Ужъ ты, красно да мое солнышко,
Ужъ ты, боль ты моя болючая,
Ужъ ты, кровь ты моя кипучая"....

*) Невѣста завтра будетъ уже прощаться со своей красотой.
„И соберу свою да дивью красоту,
Свою красоту да алы ленточки
да Во свои то да руки бѣлые;
Да прижму, прижму да дивью красоту
Ко ретивому да ко сердечушку,—
Да вздыму, вздыму да дивью красоту
да Выше буйной своей головушки
v Отпущу ее, дивью красоту,
v Я до Матушки до Сырой—Земли". (изъ обряда прощанія съ дивьей красотой· Шмакова. Записи 1912 г.).

**) Этотъ обрядъ въ печатныхъ матеріалахъ народныхъ свадебныхъ причитаній и пѣсенъ до настоящаго времени совершенно не отмѣченъ. Содержаніе его касается

„Ты прими-ко, сердешно дитетко,
Ты свою то дивью красоту
Черезъ правое черезъ плечико;
Заплела я дивью красоту
По уму я тебѣ по разуму,
По обычью тебѣ великому,
И на роду я тебѣ невпервы,
Въ часъ теперичя во послѣдній“....

Дивья красота—мифологическій образъ.

Изъ причитаній при заплетеніи косы подружками невѣсты (послѣ бани) въ день обрученія:

„На отлетѣ да дивья красота
Отъ миня то, да красной дѣвушки;
И Какъ улетитъ да дивья красота
Отъ миня то, да красной дѣвицы...
И Попадетъ то да дивьей красотѣ
Три пути жо да три дорожиньки:
Ужъ какъ перва да путь дорожинькя
На родимую на сторонушку,
И Какъ вторая да путь дорожинькя
V Въ широко—поле въ раздольицо,—
Ужъ какъ третья да путь дорожинькя—
Какъ ко матушкѣ ко Божьей—церквѣ...
И Какъ полетитъ да дивья красота
На родимую на сторонушку,
И Тамъ не мѣсто ей не мѣстичке,
V Не житье-бытье вѣковѣшное,—
V Какъ полетитъ да дивья красота
V Въ широко то поле, въ раздольицо—
V Не дорога ей не дорожинькя,
V Не житье-бытье вѣковѣшное;

заплетенія косы въ формѣ колосьевъ разныхъ злаковъ и передачи матерью, съ великимъ благословеніемъ, идеи плодородія дочери. Коса при этомъ обрядѣ расплетается и заплетается матерью, по просьбѣ дочери, нѣсколько разъ съ особыми причитаніями, въ которыхъ упоминаются сѣмена: пшеничное, ржаное, ячменое, овсяное, конопляное, льняное.

Б. Богаевскій,—широко поставившій вопросъ объ изученіи, по даннымъ сравнительнаго фольклера, памятниковъ земледѣльческаго быта разныхъ странъ и народовъ,—приписываетъ исключительное значеніе вышеупомянутому обряду заплетанія косы въ формѣ колосьевъ, о чемъ я сообщилъ ему, послалъ одинъ отрывокъ изъ соотвѣтствующаго причитанія. См. „Колосья волосъ“. Изв. Отд. рус. языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Стр. 107—108. 1912.

v Какъ полетитъ да дивья красота
v Какъ на матушку на Божью—церкву
v На престолъ жо да къ Богородицѣ—
v Во книгу да во евандельску,—
v Тутъ ей мѣсто, да тутъ ей мѣстичк*е*
v Какъ житье-бытье вѣковѣшно*е*“.*) .

Изъ причитаній въ день обрученія дѣвушки-невѣсты, непросужой (не сохранившей себя) въ дѣвичествѣ:

„и Какъ полетитъ да дивья красота
v На родимую на сторонушку,
Тутъ не мѣсто ей и не мѣстичк*е*,
и Не житье-бытье вѣковѣшно*е*;
v Какъ полетитъ да дивья красота
v Во чисто то пол*е*, въ раздольицо,—
v Она сѣдетъ да дивья красота
v На кудрявую на березонькю:—

*) Въ Чердынскомъ уѣздѣ, Пермской губ., въ данномъ случаѣ, причитаютъ, между прочимъ, въ такихъ словахъ:

„...Да полетай, моя руса коса,
Да дивья красота,
Да по темнымъ по лѣсамъ
Да по зыбучимъ болотамъ,
Да буде сядетъ моя красота
На березу на бѣлую,
Тутъ житье мнѣ будетъ бѣдное.
Да буде сядетъ моя красота,
На осину на горькую,—
Дакъ житье будетъ горе горькое,
Да буде сядетъ моя красота
На ель на мохнатую,—
Тутъ житье будетъ богатое“. (**Н. Г. Ординъ.** Свадьба.... Ж. ст. 1896, в. I стр. 73, ср. ibid. стр 78).

Ср.: **М. В. Соколовъ.** Великорусскія свадебныя пѣсни и причитанія, записанныя въ Саратовской губ. стр. 63, Саратовъ. 1898.

П. В. Шейнъ. Великоруссъ.... ж. I, в. II, стр. 413—414. 1900.

Ср.: „Пошла, пошла отъ миня дивья красота;
Пошла остановилася
Середи полу дубоваго;
На всѣ четыре стороны поклонилася,
Поклонилася ишо, поклонилася
Ко мнѣ за бѣлу занавису:
Прости прощай, краспа дѣвица, умная—разумная,
Хорошо миня красила,
Хорошо и прикладываешь“. (Матеріалы по изуч. Пермскаго края, в. IV, стр. 30 и 31, 1911).

v Станетъ вѣтричкомъ ее дути,
v Частымъ дождичкемъ да мочити;
v Какъ придетъ то весна красная,—
v Какъ пойдутъ то да добры молодцы
v Во чисто то поле—раздольицо
v Съ топорами да со булатнымя
v Подсѣкутъ ту бѣлу березонькю;
v Какъ падетъ то бѣла березонькя
v Со моей жо да дивьей красотой;
v Заплетется да дивья красота
v Во травѣ жо да во шелковоей;
v Она вѣкъ жо тутъ вѣковать будетъ
v На миня жо, да красну дѣвицу,
Она вѣки будетъ судачити".

Начало этого причитанія—„на отлетѣ да дивья красота"—одинаково со предыдущимъ причитаніемъ.

По смыслу причитанія красоту дѣвушки (непросужей) не повезутъ въ церковь, въ книгу евангельскую не положатъ.*)

Причитаніями о дивьей красотѣ въ день обрученія мы закончимъ нашу статью. Образы дивьей красоты встрѣчаются въ причитаніяхъ и слѣдующаго дня (до отъѣзда свадебнаго поѣзда въ церковь), но они такъ осложнены разными обрядами, особыми дѣйствіями и заунывными пѣснями, что сообщеніе и освѣщеніе ихъ въ статьѣ, внѣ этихъ условій, намъ не представляется возможнымъ.

Не задаваясь мыслью дать исчерпывающій матеріалъ, мы смѣемъ надѣяться, что и приведенныхъ примѣровъ причитаній достаточно для доказательства нашей основной мысли, касающейся сложности образовъ въ народномъ понятіи—о „дивьей красотѣ".

И. Ульяновъ.

СПб. 19 января 1913 г.

*) Въ Шмаковой, во время вѣнчанія въ церкви, вѣнецъ снимается съ головы невѣсты вмѣстѣ съ лентою, положенною еще ранѣе на голову; лента кладется затѣмъ въ евангеліе.

Докторъ В. Я. Кокосовъ.

Краткія автобіографическія свѣдѣнія.

Печатаются по завѣщанію автора послѣ смерти его*)

(род. 8 іюня 1845 г. † 17 октября 1911 г.).

Кокосовъ Владиміръ Яковлевичъ родился 8 Іюля 1845 года, въ селѣ Крестовскомъ, Камышловскаго уѣзда, Пермской губерніи. Изъ духовнаго званія: сынъ священника и жены его, тоже дочери священника, родители которыхъ прибыли въ пермскій край изъ Владимірской губерніи, по вызову архіерея, за недостаткомъ мѣстныхъ уроженцевъ для занятія священническихъ должностей во вновь открытыхъ приходахъ по р.р. Исети и Течи.

Въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, при разыгравшихся крестьянскихъ волненіяхъ (казенныхъ крестьянъ), въ уѣздахъ: Шадринскомъ, Камышловскомъ, Ирбитскомъ, на почвѣ распоряженія объ насильственномъ разведеніи картофеля, распоряженія, ассоціировавшагося въ сознаніи крестьянъ съ закрѣпощеніемъ ихъ въ барскую кабалу,—отецъ мой, вмѣстѣ съ сослуживцами—дьячкомъ и пономаремъ, а также волостнымъ писаремъ,—жестоко пострадалъ отъ крестьянскихъ пріемовъ съ цѣлью добиться выдачи „указовъ“ объ ихъ закрѣпощеніи. Крестьянскія волненія вспыхнули разомъ, въ одинъ почти день, въ первый день Пасхи, послѣ собравшихся сходовъ по окончаніи пасхальнаго богослуженія, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Запершійся въ церкви, (дверей которой собравшаяся толпа не взламывала)—отецъ на второй день сидѣнья вышелъ добровольно, когда толпа, отобравъ у

*) Нѣкоторыя примѣчанія, исправленія и добавленія сдѣланы докт. мед. П. Н. Серебренниковымъ, отвѣтственность за которыя редакціонная коммиссія оставляетъ на авторѣ ихъ.

матери моего 2 лѣтняго брата Николая, начала его пороть розгами передъ глазами отца, находившагося на колокольнѣ. По выходѣ изъ церкви отца, а также его сослуживцевъ: дьячка и пономаря, раздѣвали до нага, привязывали подъ мышками веревкой и въ только что освободившейся отъ льда р. Крутихѣ, передергивали съ одного берега на другой. Полумертвыхъ отогрѣвали въ теплыхъ избахъ, и снова начинался розыскъ „указовъ“. Имущества, женъ, дѣтей не трогали, ставя караулы къ домамъ, чтобы ихъ никто не обижалъ. Волостного писаря, раздѣтаго, волочили по грудѣ стеколъ, выбитыхъ изъ оконъ его дома, потомъ распяли его на заборѣ его же ограды, прибивъ гвоздями руки и ноги. Послѣ невольныхъ купаній отецъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, которое перешло въ хроническое страданіе, отъ котораго отецъ и умеръ. оставивъ мать съ тремя сыновьями, изъ которыхъ я былъ среднимъ. Братъ Николай умеръ вскорѣ послѣ наказанія. Отца не помню.

Крестьянскія волненія, охвативши громадный край, миновали единственный приходъ, въ которомъ священникомъ былъ мой дѣдъ по матери, священникъ Маркъ Флоринскій. Выдвинувшійся на духовную карьеру пономаря изъ среды прирожденнаго крестьянства, малограмотный, крестьянинъ по складу ума, вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, собственными руками обрабатывавшій землю, всѣми признанный „землеробъ и пчеловодъ“, дѣдъ Маркъ своимъ трудовымъ авторитетомъ сумѣлъ внушить крестьянамъ опасность для нихъ отъ неправильнаго пониманія распоряженія о посадкѣ картофеля. Его приходъ, окруженный на сотни верстъ волновавшимися крестьянами, несмотря на постоянныя общенія съ сосѣдями, остался мирнымъ и спокойнымъ. Послѣ страшныхъ усмиреній николаевскаго времени (прогона сотенъ людей сквозь строй „до смерти“, плетей, кнутовъ, каторги, поселеній) прихожане дѣда Марка оцѣнили значеніе его совѣтовъ и предсказаній и называли его „праведнымъ человѣкомъ“. У дѣда было четыре сына и двѣ дочери, (младшая—моя мать); трое сыновей были священниками, Василій поступилъ въ медико-хирургическую акаде-

мію, гдѣ потомъ былъ профессоромъ Акушерства, закончивъ свою карьеру строителемъ-ректоромъ Томскаго Университета.*)

Дѣтство до 6 лѣтъ провелъ я въ семьѣ дѣда Марка, къ которому, послѣ смерти мужа, переѣхала мать. Дѣтскія раннія воспоминанія о матери сосредоточиваются въ моей головѣ въ непрестанной связи съ ея работой за ткацкимъ станкомъ, стиркой грязнаго бѣлья, хлопотами около кухонной печи, или наклонившейся надъ толстой, облитой воскомъ, церковной книгой, которую она читала громко, едва не по складамъ: мать съ трудомъ разбирала печатное; писать не умѣла. Первыя начала грамотности получилъ я отъ матери; учила она „азамъ“, „складамъ“, съ вложенной въ дѣтскую руку неизмѣнной, деревянной „указкой“, которой я водилъ по буквамъ; нерѣдко она привязывала меня за ногу „покромкой“ къ ткацкому станку, чтобы я не убѣжалъ къ уличнымъ друзьямъ-пріятелямъ. Начатки письменнаго искусства получилъ отъ дьячка П. Н. Ладыжникова: выводили на сѣрой, толстой бумагѣ „палки“ гусинымъ перомъ; способъ очинивать гусиныя перья ножичкомъ приносилъ много горя дѣтской душѣ. Послѣ „палокъ“ переходили на буквы „простыя“ и „заглавныя“. Компаньономъ по учебѣ „письменамъ“ у меня былъ младшій сынъ дѣда—Семенъ, который былъ старше меня на полтора года. Трое старшихъ дядей учились тогда въ разныхъ классахъ пермской семинаріи (за 500 верстъ отъ пребыванія дѣда) на своекошномъ содержаніи и, пріѣзжая домой разъ въ годъ на лѣтніе каникулы, мало имѣли значенія для моего обученія. Старшій братъ мой, Александръ учился въ пермской бурсѣ, живя на казенномъ содержаніи, какъ сирота. Сверстники мои по дѣтскимъ играмъ были исключительно крестьянскіе мальчики и одногодокъ—сынъ дьячка учителя.

Въ 1851 году, 6 лѣтъ отъ роду, дяди отвезли меня въ Пермь и сдали въ бурсу, какъ сироту, на казенное содержаніе, въ первый классъ. Обязательный срокъ каждаго класса

*) Профессоръ Флоринскій, Василій Марковичъ (1833—1899 г.г.)—авторъ сочиненій: „Курсъ акушерства“, „Курсъ акушерства и женскихъ болѣзней“, „Первобытные славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни“ и друг.

былъ два года, за 7 классовъ училища и семинаріи каждый поступившій долженъ былъ пробыть въ обученіи не меньше 14 лѣтъ; принимались въ первый классъ училища дѣти и 14—15 лѣтъ,—разница въ возрастахъ, слѣдовательно, была громадная. Шесть лѣтъ пребыванія въ бурсѣ (училищѣ) и 4 года въ семинаріи закалили въ физическихъ невзгодахъ бурсацкаго воспитанія и пріучили къ холоду и голоду. Примѣненіе розогъ, стояніе на колѣняхъ, голыми ногами на разсыпанномъ горохѣ, съ кирпичемъ въ рукахъ, на который клался учебникъ невыученнаго урока, отбиваніе трехсотъ, четырехсотъ поклоновъ съ надѣтой на плечи шубой, передъ образомъ; дранье за уши, пощечины, мордобитія и непечатная, скверная ругань—были обычными, педагогическими пріемами за шесть лѣтъ бурсацкой (училищной) жизни; при переходѣ въ семинарскій классъ (словесность), воспитательные пріемы нѣсколько видоизмѣнялись, подъ опаскою получить „сдачи“ отъ великовозрастнаго питомца.

Въ первый годъ моего пребыванія въ бурсѣ, при пробѣ голосовъ вновь поступившихъ дѣтей регентомъ архіерейскаго хора, у меня оказался дискантъ, обратившій на себя вниманіе регента. Съ мальчикомъ-одноклассникомъ, Гришей Бердниковымъ, насъ забрали въ архіерейскій хоръ, съ обязательствомъ по субботамъ ходить изъ бурсы въ архіерейскую пѣвческую на спѣвки. Голосъ мой хотя и оказался „изрядный“, „звонкій голосъ“, „плавный голосъ“, „доброкачественный“, однако слуха и способностей къ нотному пѣнію ни малѣйшихъ. Несмотря на поощренія ударами камертона, смычкомъ по головѣ, дранье ушей, пощечины, щипки и розги,—слуха и способности къ пѣнію не появлялось. Выручилъ случай: хоръ усиленно готовился къ концерту въ предстоящій праздникъ Св. Троицы; мы, новички съ Гришей, даже ночевали въ пѣвческой, пользуясь столами, какъ кроватями, съ нотами вмѣсто подушки. Подготовка къ концерту всего больше отзывалась на моей головѣ, спинѣ и ушахъ „за фальшивые ноты“, за порчу стройнаго пѣнія. Однимъ позднимъ вечеромъ басы, октавы, тенора, задумали поддоб-

рить свои голоса выпивкой, купили полведра водки, а за закуской—„свѣжими огурцами“—командировали насъ съ Гришей въ архіерейскій садъ, къ оранжереямъ. Подъ угрозой „переломать ребра, не возвращаться безъ огурцевъ“ мы отправились въ ночную, опасную экспедицію. Въ тиковыхъ халатахъ, опоясанныхъ веревочкой, босикомъ, безъ шапокъ, мы пролѣзли въ подворотню калитки, ведущей въ садъ, добрались до огурцевъ;—набѣгъ былъ удаченъ: пазухи набили огурцами. Возвращаясь съ набѣга, лицомъ къ лицу, вплотную, встрѣтились съ архіереемъ Неофитомъ;—замерли, остолбенѣли. Старый человѣкъ несказанно удивился встрѣчѣ.—„Что вы, юность, дѣлаете въ саду?“ Молчимъ.—„Зачѣмъ сюда пришли?“—Ни гласа, ни послушанія. Подошелъ владыко, вынулъ изъ-за пазухъ огурцы.—„Огурцы воровали, юность, огурцы въ моемъ саду? Не вѣрю. Вы не сами, пришли, васъ большіе послали,—да? большіе? говорите правду“. Молчимъ.—„Ахъ юность, юность. Нехорошо воровать, грѣшно передъ Богомъ, стыдно передъ людьми..... Не вы виноваты, не вѣрю... большіе виноваты“... Постоялъ владыко въ раздумьи, держа вынутые изъ-за пазухъ огурцы въ рукахъ и... вложилъ ихъ обратно въ наши пазухи.

„Идите, юность, съ Богомъ, передайте огурцы пославшимъ, о встрѣчѣ со мной имъ не говорите... смотрите экономку не попадитесь, запоретъ.... запоретъ.... Идите, я покараулю“.—При поимкѣ съ поличнымъ архіерей спросилъ наши фамиліи.

Узнавъ отъ регента, что у Кокосова „дара къ нотному пѣнію нѣтъ, постоянно фальшивитъ, весь хоръ задерживаетъ“, архіерей взялъ меня изъ хора, опредѣливъ на потребности торжественнаго архіерейскаго служенія. За десять лѣтъ исполнялъ я должности: „жезлоносца“, „свѣщеносца“, „орленосца“, „рипидчика“ и закончилъ и. д. „иподіакона“, состоя въ которой и былъ исключенъ изъ семинаріи „по нерадѣнію къ ученію и неблагонадежности“,*) 16 лѣтъ отъ роду.

*) Семинаристами были выбиты стекла въ окнахъ квартиры Инспектора, и В. Я. былъ тоже заподозрѣнъ въ этомъ и исключенъ.

За десять лѣтъ пребыванія въ пермской бурсѣ послѣдніе два учебныхъ года (1859—60, 1860—61 г.г.), подъ вліяніемъ поступившаго (съ 1859 г.) учителемъ Алексѣя Павловича Орлова, для многихъ изъ насъ были нравственной встряской и духовнымъ просвѣтленіемъ. Въ параллель монашескихъ и протоіерейскихъ уроковъ по пасхаліи, толкованію священнописанія, гомилетикѣ, герменевтикѣ и т. д., Орловъ знакомилъ насъ съ Бѣлинскимъ, о которомъ мы до тѣхъ поръ и не слыхали. Помимо этого страстныя, убѣжденныя бесѣды съ нами о значеніи и личности Бѣлинскаго, о крѣпостномъ правѣ, о Севастополѣ, начавшемся освободительномъ движеніи, о Чернышевскомъ, о Добролюбовѣ, Журналѣ „Современникъ“ и т. под.—уносили насъ въ иной міръ, міръ общечеловѣческихъ идеаловъ. Вскорѣ же, на имя мѣщанина Кудрявцева, въ домѣ котораго находилась одна изъ своекошныхъ ученическихъ квартиръ въ складчину,—по гривнамъ и пятіалтыннымъ, были выписаны сочиненія Бѣлинскаго, „Современникъ“, и бурса-семинарщина въ буквальномъ смыслѣ пьянѣла отъ свѣжаго воздуха, которымъ мы вздохнули послѣ бурсацкой атмосферы. Въ эти же два года мы прочитали Гоголя, Пушкина, Лермонтова, о которыхъ имѣли самыя смутныя понятія; попадали въ наши руки „Колоколъ“, „Записки сельскаго священника“ (въ рукописяхъ), „Сила и Матерія“, соч. проф. Молешотта. Результатомъ двухъ лѣтъ было то, что 17 человѣкъ поступили въ Университетъ и медико-хирургическую академію, что было для того времени безпримѣрнымъ фактомъ.

Въ половинѣ Іюля 1861 г., 16 лѣтъ отъ роду, я былъ исключенъ изъ семинаріи, при переходѣ изъ философскаго класса въ богословскій, какъ уже сказано, за выбитіе стеколъ въ квартирѣ Инспектора.

По исключеніи жилъ годъ у матери, проживавшей въ домѣ отца, дѣда-священника, помогая послѣднему въ церковныхъ службахъ за дьячка, въ исполненіи требъ: крещеніи дѣтей, отпѣваніи умершихъ, совершеніи браковъ и т. д., практически пріучаясь къ карьерѣ дьячка, а въ мечтахъ и къ

дьяконской, при закрѣпощеніи мѣста за какой либо невѣстой на счастье мечтавшаго.

Въ Іюлѣ 1862 г. пріѣхалъ въ Пермь съ прошеніемъ къ архіерею о дьяческомъ мѣстѣ, но встрѣча съ товарищами по бурсѣ, уѣзжавшими въ Казанскій Университетъ, измѣнили мой дальнѣйшій жизненный путь. По выходѣ изъ духовнаго званіе, снабженный документомъ изъ Губернскаго Правленія „для пріисканія рода жизни“ (въ которомъ, между прочимъ, было приписано: „если къ 22 году своего бытія рода жизни не обрящу, подлежу отдачѣ въ солдаты“), двинулся и я по слѣдамъ товарищей.

1862—63 (учебный) годъ прожилъ въ Казани, которая еще полна была отголосками извѣстной Бездненской исторіи, казни Антона Петрова и рѣчи извѣстнаго профессора Аѳонасья Прокофьев. Щапова на панихидѣ по убитымъ крестьянамъ. Студенчество было охвачено настроеніемъ тѣхъ годовъ, велись горячіе споры, читались журналы, горячо комментировались лекціи профессоровъ университета, студенческіе сходки въ зданіи университета..... Въ Августѣ 1863 года перебрался въ Петербургъ, въ которомъ сразу, въ средѣ знакомаго студенчества изъ земляковъ, заинтересовался всѣми явленіями общественной и литературной жизни. Живо помню, съ какимъ чувствомъ, черезъ 2 мѣсяца по пріѣздѣ въ Петербургъ, я присутствовалъ вмѣстѣ со множествомъ студентовъ, на похоронахъ Николая Герасимов. Помяловскаго (въ началѣ Октября 1863 года). Находясь около церкви, я жадно вглядывался въ указанныхъ мнѣ писателей: Щедрина-Салтыкова, Некрасова, Павла Ивановича Якушкина, Г. И. Успенскаго. Указали мнѣ также на легко одѣтаго романиста Шеллера (А. Михайлова), автора незадолго передъ тѣмъ появившагося романа—„Гнилыя болота“. Своеобразная фигура П. И. Якушкина, въ крестьянской одеждѣ, въ очкахъ, съ лицомъ, изрытымъ оспой, особенно врѣзались мнѣ въ память. Незадолго передъ этимъ случайно, у митрополичьихъ пѣвчихъ въ Александроневской Лаврѣ, столкнулся я съ землякомъ, пермякомъ Ф. М. Рѣшетниковымъ, съ

которымъ и не прерывалъ знакомства до своего отъѣзда на службу въ Сибирь.

Въ Маѣ 1864 г. видѣлъ на эшафотѣ Н. Г. Чернышевскаго при объявленіи ему приговора на Конной площади; впослѣдствіи, въ 1868 г., участвовалъ въ похоронной процессіи при погребеніи Д. И. Писарева.

Съ выданнымъ мнѣ свидѣтельствомъ изъ семинаріи „объ успѣхахъ въ наукахъ“ я не могъ поступить ни въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Подготовка къ гимназическому экзамену началась съ Казани; въ Петербургѣ, при помощи товарищей-студентовъ, подготовка продолжалась. Въ 1864 г. держалъ экзаменъ въ первой гимназіи; „провалился“ по математикѣ; въ 1865 г. выдержалъ таковой въ Ларинской гимназіи и въ томъ же году, въ Августѣ, былъ принятъ въ число студентовъ Медико-хирургической академіи. Съ третьяго курса зачисленъ казеннымъ стипендіатомъ, получая 300 руб. въ годъ, съ обязательствомъ службы въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ по полтора года за каждый годъ и года за не взносъ платы за первые два года ученья.*) Съ званіемъ лекаря окончилъ курсъ въ Декабрѣ 1870 г., 31 Января 1871 г. зачисленъ на государственную, военно-медицинскую службу, съ назначеніемъ врачемъ для командировокъ при окружномъ военно-медицинскомъ управленіи восточнаго Сибирско-военнаго округа (Иркутскъ). Прослуживъ въ Иркутскѣ около года въ прикомандированіи къ военному госпиталю, въ Мартѣ 1872 г. приказомъ Генералъ-Губернатора и командующаго войсками восточно-сибирскаго округа былъ командированъ въ Карійскую, Нерчинскую каторгу, „для несенія всѣхъ медицинскихъ обязанностей по военному и тюремно-каторжному вѣдомствамъ“.

Десятилѣтіе службы въ Карійской каторгѣ выпукло выступаетъ въ моей прожитой жизни, по значенію для самого себя, какъ практическая, жизненная провѣрка умственныхъ

*) Медицинское образованіе В. Я. совпало съ началомъ разцвѣта Медико-хирургической Академіи,—когда въ ней появилась цѣлая плеяда научныхъ звѣздъ первой величины, каковыми были профессора: Якубовичъ, С. П. Боткинъ, В. Л. Груберъ, И. М. Сѣченовъ, М. М. Рудневъ, Э. А. Юнге и др., о которыхъ онъ до конца жизни сохранилъ самыя прекрасныя, самыя теплыя и самыя благодарныя воспоминанія. (П. Серебренниковъ).

и общественныхъ вліяній десятилѣтія шестидесятыхъ годовъ, прожитыхъ въ Казани и Петербургѣ, давшихъ опору, закалку устоять, сохранить выработавшееся міровоззрѣніе и донести до старости основныя его начала.*)

Въ концѣ 1881 года, по назначеніи старшимъ врачомъ, выѣхалъ въ г. Акшу на монголо-манчжурской границѣ, гдѣ, въ два пріема, прослужилъ 17 лѣтъ; въ промежуткѣ служилъ 7 лѣтъ въ областномъ городѣ Читѣ. Въ половинѣ 1903 года, черезъ 33 года безвыѣзднаго пребыванія въ восточной Сибири (32 въ Забайкальи) выѣхалъ на службу въ Россію.

Подъ общимъ наименованіемъ „Воспоминанія врача о Карійской каторгѣ“, началъ писать разсказы, будучи уже 55 лѣтъ отъ роду, съ 1900 года, подписывая ихъ иниціалами В. К-въ. Ранѣе этого времени своихъ силъ въ литературной работѣ не пробовалъ. Первый разсказъ „Исполненіе судебнаго приговора“, послалъ изъ г. Акши въ „Историческій Вѣстникъ“. Редакторъ журнала г. Шубинскій, возвративъ разсказъ обратно, писалъ приблизительно слѣдующее: „Написанный живо и правдиво, разсказъ не можетъ быть помѣщенъ въ журналѣ въ силу реальности описанія двухъ варварскихъ казней. У журнальной аудиторіи десятки тысячъ читателей, между которыми масса женщинъ, дѣвушекъ, подростковъ, молодыхъ людей, на душу которыхъ, кромѣ ужаса и отвращенія, вашъ разсказъ ничего другого произвести не можетъ и для взрослыхъ читателей подобныя картины художественнаго наслажденія не доставятъ и т. д.“

Въ томъ же 1900 году, четыре разсказа: „Вѣра молодости“, „Каторжникъ Сублезовъ“, „Исполненіе судебнаго приговора“ (Русское Богатство—1902 г. № 10, Октябрь) и „Не нашъ“ (Русское Богатство № 5, Май 1902 г.) были

*) Недаромъ въ своихъ воспоминаніяхъ—этотъ, по истинѣ, ужасный десятилѣтній періодъ жизни онъ называетъ „самыми лучшими годами жизни“—въ смыслѣ, разумѣется, нравственной школы, гдѣ его нравственные принципы постоянно подвергались непріятнымъ испытаніямъ и проходили, такъ сказать, „сквозь строй“ окружающихъ условій каторжной жизни, благодаря чему они сдѣлались кристально-чистыми и закалились на всю жизнь, какъ сталь. Не имѣя возможности использовать здѣсь матеріалъ объ этомъ періодѣ его жизни,—мнѣ приходится рекомендовать—всѣмъ интересующимся прочесть некрологъ В. Я. написанный докторомъ В. Н. Золотницкимъ и помѣщенный въ послѣдней книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1911 годъ. Эта статья полна интереса. (П. Серебренниковъ).

посланы на имя Н. К. Михайловскаго. Письмомъ отъ 29 Января 1901 года Н. К. увѣдомилъ меня: „Ваши очерки представляютъ большой интересъ и по всему видно, что таковой же представитъ о продолженіи, но печатать ихъ въ данное время нельзя по цензурнымъ условіямъ и т. д.“ Черезъ полтора года первые четыре разсказа и были напечатаны. Послѣдующіе печатались: „Практика“ (Русское Богатство № 1 Январь 1903 г.), „Искусники“ (Русское Богатство № 4 Апрѣль 1904 г.), „Трофимычъ“ (Русское Богатство № 9 Сентябрь 1904 г.), „Ласковый“ (Русское Богатство № 3 Марта 1905 г.) „Къ воспоминаніямъ о Н. Г. Чернышевскомъ“ (Русское Богатство № 11—12, Ноябрь, Декабрь 1905 г.).

Насколько мнѣ извѣстно, рецензіи и отзывы появлялись въ газетахъ: „Восточное Обозрѣніе“ (1902 г. № 158, № 294), Сѣверо-западный край (1902 г. № 11 отъ 13 Ноября), „Пермскія Вѣдомости“ (1903 г. № 104), „Русскія Вѣдомости“ (Обзоръ за 1902 г. „русская литература“), „Фельдшеръ“ (1902 г. № 22), „Забайкалье“ (1903 г. № 233—79). Журналы: „Наука и жизнь“ (1904 г. № 8 Августа), „Міръ Божій“ (1904 г.), Русская Мысль“ (1903 г.).

12 іюня 1906 года. *В. Кокосовъ.*

Добавленіе доктора В. Н. Золотницкаго (Н.-Новгородъ).

Кромѣ книги „Разсказы о Карійской каторгѣ“, изданной въ 1907 г., редакціей журнала „Русское Богатство“, куда вошли первые 7 разсказовъ В. Я. и его 3 воспоминанія о карійской каторгѣ и Чернышевскомъ, печатавшіеся сначала въ книжкахъ „Русскаго Богатства“ съ 1902 по 1906 г.г., въ этомъ же журналѣ позднѣе помѣщенъ еще его разсказъ „Богадѣльщикъ Левоха (№ 6, 1907 г.) и „Не жизнь“ (№ 10 1912 г.).

Далѣе приводимъ перечень разсказовъ покойнаго, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: „Па-

лачъ“ („Современникъ“ кн. 5, 1911 г.) „Разбудили“ и „Приговоренный“ („Кругозоръ“. 1 кн. 1913 г.), „Рѣшенный“ („Народная Вѣсть“, кн. 2, 1906 г.), „Гулянка“ („Трудовой Путь“, кн. 6, 1907 г.), „Окончилъ срокъ“ („Бодрое слово“ кн. 15, 1909 г.).

Въ журналѣ „Нива“ напечатаны слѣдующіе разсказы: „Въ сторонѣ отъ жизни“ (кн. 8, 1910 г.), „Передатчики чумы“—очеркъ изъ воспоминаній врача о Забайкальи (№ 20, 1911 г.), „Боговы дѣла“. Кромѣ того, принятъ для напечатанія въ сборникахъ „Нивы“ разсказъ: „Поѣздка къ монгольскому князю“.

Въ „Историческій Вѣстникъ“ принятъ для напечатанія разсказъ „Картофельный бунтъ“.

Въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ напечатаны: „На этапѣ“ (№ 147, 1907), „Рыболовы“ (№ 167, 1907), „Карійская каторга въ 1873 г.“ (№ 179, 1907). „За волей“ (№ 109, 1908), „До прихода врача“ (Въ полковомъ околоткѣ), (№ 297, 1910), „Въ полковомъ околоткѣ“ (Визитація врача), (№ 197, 1911).

Въ мѣстныхъ, нижегородскихъ, газетахъ напечатаны слѣдующія разсказы В. Я.:

Въ „Волгарѣ“: „Пасхальная ночь“, № 22, 1907 г., „Случай“, № 165, 1907 г., „На утру“, № 216, 1907 г., „По квартирнымъ мытарствамъ“, № 237, 1907 г., „Отставной штейгеръ“, № 306, 1907 г., „Пустынникъ“, № 35, 1908 г., „Въ бурятской юртѣ“, № 88, 1908 г., „Тайга одна знаетъ“, № 107, 1908 г., „Въ больничной палатѣ“, № 167, 1908 г., „Чадо доморощенное“, № 323, 1909 г., „Новогоднее счастье“, № 1, 1910 г., „Тюремный философъ“, № 37, 1910 г., „Военная косточка“, № 83, 1910 г., „Гри-Гри“, № 102, 1910 г., „Христова ночь“, № 158, 1910 г., „Бродячая душа“, № 130, 1910 г., „Ромушка“, № 175, 1910 г., „Бакалюкъ“, № 329, 1910 г., „Бѣгунцы“, №№ 1, 24, 31, 50, 71, 1911 г., „Тарабаганы и чума“, № 77, 1911 г., „Святая ночь“, № 97, 1911 г., „Слѣпецъ“, № 98, 1911 г., „Дѣдушка Софронъ“, № 165, 1911 г., „На рыбалкѣ“, №№ 255, 256, 1911 г.

Въ „Нижегородскомъ Листкѣ“: „Ручаемся“ № 26, 1907 г., „Елька“ № 316, 1907 г., „Кульерская“, № 37, 1909 г., „Незадача“, № 295, 1908 г., „Бродяга“, № 125, 1909 г., „Изъ Забайкальскихъ пережитковъ, № 324, 1909 г., „По обѣту“, № 108, 1910 г.

Въ „Судоходцѣ“—„Въ пароходномъ чревѣ“—337, 1909 г.

Въ „Нижегородской Земской Газетѣ“:—„Родимая сторонушка“ №№ 12 и 13 1911 г. Кромѣ того, въ издающейся въ гор. Владимірѣ, газетѣ „Владимірецъ“ помѣщенъ разсказъ „Тарасъ Титычъ“ № 209—1907 г.

За послѣдніе три года Владиміромъ Яковлевичемъ написана цѣлая серія солидныхъ разсказовъ изъ жизни послѣдняго смутнаго времени: „Бунтовщикъ“, „На усмиреніи“ „Просвѣты“, а также одинъ изъ нихъ „Палачъ“ уже напечатанъ, какъ было упомянуто выше, въ 5 кн. Современника за 1911 г.

Часть рукописей покойнаго В. Я. еще пока не приведена въ порядокъ, но между ними имѣются автобіографіи, болѣе или менѣе законченныя,—одна изъ нихъ съ собственноручною помѣткою, отъ 5 Іюня 1906 года о томъ, что оригиналъ посланъ С. А. Венгерову для „Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей“.

Добавленіе, сдѣланное П. Н. Серебренниковымъ.

На одной изъ своихъ рукописей Владиміромъ Яковлевичемъ въ видѣ эпиграфа приведены слѣдующія слова В. Г. Бѣлинскаго: „пиши, говори, кричи всякій, у кого есть хотя сколько нибудь безкорыстной любви къ отечеству, къ добру, истинѣ“.—И, дѣйствительно, вся литературная дѣятельность В. Я. была посвящена исполненію этого завѣта нашего общаго учителя... Всѣ литературныя произведенія его дышутъ простотой изложенія, вѣрностью изображенія и проникнуты глубокимъ чувствомъ любви къ людямъ вообще и особенно—обреченнымъ на страданія. Можно сказать, что онѣ написаны

кровью его сердца и сокомъ нервовъ. Но при этомъ,—не смотря на весь трагизмъ жизненныхъ явленій,—отразившихся въ его произведеніяхъ, въ нихъ ярко свѣтится чистая и любящая душа автора. Такіе, напр., разсказы его, какъ о „Карійской каторгѣ", „полные глубокаго гуманнаго чувства къ несчастнымъ каторжанамъ, написаны съ удивительною искренностью, ярко, правдиво, безхитростно и по праву въ этой области описанія, займутъ почетное мѣсто вслѣдъ за „Записками изъ мертваго дома" Достоевскаго и „Изъ міра отверженныхъ" Мельшина. Кстати замѣтить, что этотъ послѣдній писатель (П. Ф. Якубовичъ-Мельшинъ) относился къ В. Я. съ глубокимъ уваженіемъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ его письма къ В. Я. по поводу полученія отъ него фотографической карточки: „до сихъ поръ я любилъ Васъ за Ваши разсказы, но живая мягкость Ваша скрывалась отъ моего воображенія въ нѣкоторомъ туманѣ,—теперь она принимаетъ реальную форму".

Добавляю еще здѣсь, что и первая встрѣча и личное свиданіе ихъ носило довольно оригинальный характеръ, такъ какъ В. Я. носилъ военно-медицинскую форму, и эта форма, по словамъ В. Я., очень смутила П. Ф. Якубовича при ихъ встрѣчѣ...

Мнѣ остается закончить свои замѣчанія, посвященныя памяти В. Я., нѣсколькими біографическими данными о послѣднихъ годахъ его жизни въ Нижнемъ-Новгородѣ, взятыми изъ статьи доктора В. Н. Золотницкаго. Смерть застигла В. Я. въ самый разгаръ его литературной дѣятельности и свела его въ могилу, лишивъ возможности использовать богатый запасъ жизненныхъ наблюденій его. Не смотря на свою хроническую болѣзнь—застарѣлое воспаленіе легкихъ,—полученную имъ еще во время службы въ Сибири, онъ все же ежедневно регулярно писалъ почти каждое утро часовъ по пяти. Кромѣ болѣзни много времени отнимали у него и заботы о семьѣ, которая состояла изъ 8 человѣкъ... Для содержанія такой семьи пенсіи не хватало, и естественно, что В. Я. часто нуждался въ средствахъ.

Помимо литературной дѣятельности В. Я. отдавалъ часть времени и общественной дѣятельности, за что и пользовался почетомъ и глубокимъ уваженіемъ въ обществѣ. Вотъ въ какихъ словахъ былъ охарактеризованъ онъ послѣ своей смерти въ рѣчи Предсѣдателя Нижегородскаго Общества врачей д-ра Т. М. Рожанскаго: „это былъ гуманнѣйшій врачъ-труженникъ, и если врачей называютъ друзьями человѣчества, то это почетное и высокое названіе въ полной мѣрѣ и истинномъ смыслѣ этого слова должно быть присвоено добрѣйшему Владиміру Яковлевичу. Будучи въ теченіи многихъ лѣтъ врачемъ каторжной тюрьмы, онъ очень походилъ на величавую и свѣтлую личность всѣмъ извѣстнаго д-ра Гааза по чистотѣ души и той искренней любви, съ какой относился къ отверженнымъ колодникамъ, видя въ нихъ прежде всего человѣка и стараясь всячески облегчить, насколько это было въ его силахъ, ихъ тяжелое положеніе".

Очень видную роль игралъ онъ, и состоя предсѣдателемъ родительскаго Комитета нижегородской 2-й женской Гимназіи, гдѣ онъ принималъ живое участіе въ работахъ Комитета и педагогическаго совѣта. При немъ было прекрасно поставлено дѣло вспомоществованія бѣднѣйшимъ воспитанницамъ, организованы повторительныя занятія по литературѣ; за счетъ комитета воспитанницы, нуждающіяся въ леченіи, отправлялись на лѣто въ санаторіи и т. д.

Такъ прожилъ В. Я. жизнь; онъ честно исполнилъ свой долгъ передъ людьми и родиной, ни разу не вошелъ въ сдѣлку со своей совѣстью и до конца дней сохранилъ честное имя.

Въ послѣдніе пять мѣсяцевъ его жизни болѣзнь осложнилась гнойнымъ плевритомъ, потребовавшимъ двухъ операцій, причемъ онъ ни разу не издалъ ни одного стона..... Умеръ онъ 17 Октября 1911 года, а 19 Октября былъ похороненъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на кладбищѣ Крестовоздвиженскаго монастыря рядомъ съ могилами поэта Граве и писателя П. И. Мельникова-Печерскаго.

Совѣтъ Пермскаго Научно-Промышленнаго Музея, отдавая дань глубокаго уваженія памяти своего выдающагося земляка врача-писателя, постановилъ имѣть въ залѣ засѣданій Музея портретъ Владиміра Яковлевича. Кромѣ того, послѣ разбора присланнаго родными его въ даръ Музею рукописнаго матеріала—все, имѣющее общественное значеніе, будетъ напечатано въ изданіяхъ Музея.

П. Н. Серебренниковъ.

ПАМЯТИ

† Всеволода Александровича Владимірскаго.

13-го декабря прошлаго 1913 года въ Москвѣ послѣ тяжкой болѣзни скончался извѣстный въ широкихъ кругахъ третьяго земскаго элемента Всеволодъ Александровичъ Владимірскій. Смерть слишкомъ рано (ему было всего 50 лѣтъ) вырвала его отъ товарищей и съ общественно-организаторской работы, для которой онъ, можно сказать, былъ созданъ. По блестящемъ окончаніи съ кандидатскимъ дипломомъ Петровско-Разумовской академіи, послѣ чего ему открывалась широкая научная дорога, онъ рѣшилъ посвятить свои силы родному краю, на средства котораго онъ получилъ образованіе. Тотчасъ же по окончаніи въ 1888 г. курса академіи онъ поступилъ въ Пермское губернское земство на только что образованную должность губернскаго земскаго агронома.

Между тѣмъ, въ 1887 году мѣстное Красноуфимское реальное училище съ своимъ сельско-хозяйственнымъ отдѣленіемъ начало дѣлать уже регулярные выпуски молодыхъ агрономовъ, которые, за отсутствіемъ пока широкихъ требованій на нихъ въ другія губерніи, оставались въ Пермской. На В. А. выпала организаціонная работа, и блестящая постановка ея въ 80 и 90-хъ годахъ съ учрежденіемъ агрономическихъ съѣздовъ при губернской управѣ, послужила образцомъ для многихъ губернскихъ земствъ Россіи. По образцу Пермской организаціи уже въ 1889 году была заведена такая же и въ сосѣдней Вятской губерніи. Съ широкой научно-общественной подготовкой, со своимъ организаторскимъ талантомъ В. А. не уткнулся, однако, въ одну свою спеціальность и не только принималъ участіе въ просыпавшемся съ конца 1894 года провинціальномъ обществѣ, во

всѣхъ его идейно-политическихъ начинаніяхъ, но и самъ былъ иниціаторомъ и учредителемъ нѣсколькихъ мѣстныхъ кружковъ и обществъ.

Впрочемъ, говорить о В. А., значитъ, говорить о самомъ знаменательномъ и, можно сказать, глубоко-историческомъ моментѣ г. Перми. Еще до пріѣзда сюда В. А., здѣсь основался знаменитый научно-просвѣтительный салонъ женщины-врача-окулиста Е. П. Серебренниковой, мимо котораго не прошелъ ни одинъ выдающійся чѣмъ либо мѣстный интеллигентъ или замѣтный путешественникъ, проѣзжавшій черезъ гор. Пермь. В. А., разумѣется, былъ однимъ изъ близкихъ друзей этого дома. И можно сказать положительно, что не происходило въ земствѣ ни одного сколько нибудь серьезнаго начинанія, не возникало ни одного выдающагося проекта, которые бы первоначально не были обсуждены здѣсь со всѣхъ сторонъ. Благодаря огромному вліянію Всеволода Александровича на предсѣдателя Губернской Земской Управы, В. С. Ковалевскаго, пользовавшагося въ свою очередь авторитетомъ въ земскихъ и административныхъ кругахъ, ему удается въ 90-хъ и началѣ 900 годовъ собрать при Пермской Губернской Управѣ, въ лицѣ завѣдующихъ разными отдѣлами, цвѣтъ третьяго элемента.

Съ конца нашей общерусской реакціи Пермская Губернская Земская Управа является объединителемъ мѣстныхъ обществъ. Здѣсь въ концѣ 1894 г. собираются соединенныя засѣданія вновь возникшаго экономическаго общества и Пермскаго отдѣла И. Р. Техническаго, въ числѣ членовъ которыхъ мы видимъ управляющихъ и чиновниковъ казенной и контрольной палатъ, управляющаго и ревизоровъ акцизными сборами, видимъ прокурора суда и даже архіерея! Всѣ они объединяются, странно сказать, на всеподданнѣйшей петиціи о дарованіи конституціи.....

Въ началѣ 1901 г. та же управа во главѣ съ Ковалевскимъ и Владимірскимъ устраиваетъ 19 февраля торжественное экстренное засѣданіе Губернскаго Земскаго Собранія, и для этой цѣли объединяетъ мѣстную интеллигенцію, которая

читаетъ на торжествѣ, происходившемъ днемъ въ городскомъ театрѣ, цѣлый рядъ рѣчей и лекцій, а вечеромъ даетъ народный спектакль. Это было едвали не единственное торжественное засѣданіе Губернскаго Собранія по всей земской Россіи, съ приглашеніемъ городской думы въ полномъ составѣ и представителей всѣхъ казенныхъ вѣдомствъ до Окружнаго Суда включительно.

Уже при В. А. въ 1891 г. въ Перми возникаетъ, сначала въ видѣ скромной комиссіи Уральскаго (въ Екатеринбургѣ) О-ва любителей естествознанія, а потомъ ставшей самостоятельнымъ обществомъ подъ именемъ „Пермскаго Научнаго Музея". Этотъ замѣчательный изъ провинціальныхъ музеевъ, имѣющій при себѣ для изслѣдованія мѣстнаго края и разработки вопросовъ научное общество, **съ 1897 и по 1904 г. имѣлъ товарищемъ предсѣдателя В. А. Владимірскаго.** Насколько извѣстно, В. А. не оставилъ послѣ себя, кромѣ докладовъ земству и разнымъ обществамъ, особо изданныхъ научныхъ трудовъ. Зато въ указанномъ обществѣ онъ дѣлалъ массу докладовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, начиная отъ сельско-хозяйственныхъ и кончая экономическими. Доклады его были—то чисто научные, то популярные, смотря по аудиторіи.

Въ этомъ же „Научномъ Музеѣ" В. А. не разъ устраивалъ, пріурочивая къ губернскимъ съѣздамъ то учителей, то земскихъ агрономовъ и техниковъ, педагогическія, сельскохозяйственныя и кустарныя выставки.

Будучи демократомъ народникомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, В. А. много дѣлалъ для развитія самосознанія въ широкихъ демократическихъ слояхъ городского и сельскаго населенія. Съ этой цѣлью онъ добился большихъ ассигновокъ отъ губернскаго земства, а далѣе и отъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ на учрежденіе библіотеки-читальни имени перваго предсѣдателя губернской земской управы, Д. Д. Смышляева, пользовавшагося въ свое время обще-русской извѣстностью. При этой библіотекѣ-читальнѣ было учреждено библіотечное общество съ комитетомъ во главѣ. Предсѣда-

телемъ этого комитета съ самаго основанія его въ 1899 г. безсмѣнно былъ В. А. до средины 1903 г., когда администрація потребовала удаленія его изъ состава общества, а также и изъ состава земскихъ служащихъ. Разставаясь съ своимъ предсѣдателемъ, общее собраніе Смышляевскаго библіотечнаго о-ва поднесло ему адресъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. Въ 1902 г., благодаря настойчивости того же В. А., въ 5 вер. отъ Перми, въ Мотовилихинскомъ заводѣ было открыто филіальное отдѣленіе Смышляевской библіотеки, а черезъ годъ и еще предполагалось къ открытію на другой окраинѣ Перми второе филіальное отдѣленіе библіотеки, былъ заготовленъ уже весь инвентарь для нея, но вслѣдствіе административныхъ тормозовъ оно не открыто и до сихъ поръ.

Кромѣ удаленія со службы въ 1903 и 1904 г.г., съ перерывами въ нѣсколько мѣсяцевъ, В. А. познакомился съ одиночнымъ заключеніемъ. Въ 1906 г. онъ уѣзжалъ по переселенческому дѣлу на нѣкоторое время въ Ташкентъ, а затѣмъ къ открытію II Государств. Думы пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ приглашенъ въ составъ канцеляріи Государ. Думы въ законодательный отдѣлъ по переселенческо-агрономическимъ вопросамъ. Послѣ роспуска II-й Думы онъ вскорѣ былъ приглашенъ въ губернскіе агрономы Московскаго губернскаго земства, откуда также долженъ былъ уйти по требованію администраціи.

И здѣсь, какъ видно изъ теплыхъ проводовъ, устроенныхъ его праху губернскимъ земствомъ и его служащими, онъ, повидимому, пользовался тѣми же симпатіями и любовью, которыя окружали его на родинѣ.

Да будетъ же тебѣ земля легка и да возрастутъ пышнымъ цвѣткомъ сѣмена, брошенныя тобой!

П. Голубевъ.

(Перепечатано изъ газеты „Агрономъ").

Историческо-статистическая справка

о горныхъ заводахъ, возникшихъ въ 1623 г. по 1910 г. въ бассейнѣ р. Камы и ея сближеніяхъ съ С.-Двиной, съ показаніемъ времени основанія ихъ, фамиліи основателя, географическаго положенія заводовъ и величины заводскихъ дачъ.

	Названіе заводовъ въ Прикамьѣ:	Губернін.	У ѣ з д а.	Географическое положеніе заводскаго пункта отъ Пулкова.	Фамилія основателя предпріятія.	Годъ основанія.	Колпчество земли въ заводской дачѣ десятинъ въ 1873 г.
1	С. Слудка на р. Камѣ, кричное производство	Пермской.	Пермскаго.	—	Строгановы.	1623—4	—
2	Пыскорскій на р. Камѣ, мѣдноплавильный	„	Соликамск.	—	Казна.	1640	—
3	Музукаевскій на р. Музукаѣ, мѣдноплав.	„	Кунгурскаго.	—	Молодой.	1706	—
4	Кунгурскій на р. Сылвѣ, мѣдноплавильный	„	„	—	Казной.	1713	—
5	Атаманскій на р. Камѣ, мѣдноплавильн.	„	Соликамск.	—	Строгановы.	1722	—
6	Ягошихинскій на р. Камѣ, мѣдноплав. .	„	Пермскаго.	52° 2 с. ш. 25° 56 в. д.	Казной.	1723	37436
7	Тряпицинскій на р. Тулвѣ, мѣдноплав.	„	Осинскаго.	—	Ив. Тряпицинымъ.	1723 *)	—
8	Полевской близъ р. Чусовой, мѣдноплав.	„	Екатеринб.	56° 25′ с. ш. 59° 50 в. д.	Казной.	1724	78—538
9	Небогатовскій на р. Тулвѣ, мѣдноплав.	„	Осинскаго.	—	Ив. Небогатымъ.	1723 *)	—
10	Шайтанскій близъ р. Чусовой, чугуноплавильный	„	Екатеринб.	57° 20 с. ш. 28° 57 в. д.	Демидовыми.	1726	—
11	Шайтанскій близъ р. Чусовой, чугуноплавильный	„	Красноуфим.	—	„	1727	—
12	Уткинскій близъ р. Чусовой, чугуноплав.	„	„	56° 59 с. ш. 29° 14 в. д.	„	1729	50628
13	Сылвинскій на р. Сылвѣ, чугуноплав. .	„	„	57° 18 с. ш. 28° 29 в. д.	Казной.	1729 (40)	294460
14	Кирсинскій, близъ р. Вятки, чугуноплав.	Вятской.	Слободского.	—	Купц. Вяземскимъ.	1729 (33)	118509
15	Суксунскій на р. Сылвѣ, мѣдноплавильн.	Пермской.	Красноуфим.	57° 9 с. ш. 27° 5 в. д.	Демидовыми.	1729	66980
16	Тисовскій на р. Сылвѣ	„	„	—	„	1730	

*) Пермская лѣтопись Шишонко, томъ I, стр. 30.

	Названіе заводовъ въ Прикамьѣ:	Губерніи.	У ѣ з д а.	Географическое положеніе заводскаго пункта отъ Пулкова.	Фамилія основателя предпріятія.	Годъ основанія.	Количество земли въ заводской дачѣ десятинъ въ 1873 г.
17	Нижне-Иргинскій, близъ р. Сылвы, чугуноплавильный	Пермской.	Красноуфим.	—	Рязанцевымъ.	1730	101591
18	Юговскій (Югокпауфскій), чугуноплав. .	„	Осинскаго.	—	Осокинымъ.	1731	183044
19	Билимбаевскій близъ р. Чусовой, чугуноплавильный	„	Екатеринб.	56° 58 с. ш. 29° 30 в. д.	Строгановыми.	1732	65865
20	Шурминскій, близъ р. Вятки, желѣзодѣлательный	Вятской.	Уржумскаго.	—	Ант. Мосоловымъ.	1732 *)	32084
21	Ревдинскій на р. Чусовой, чугуноплав. .	Пермской.	Екатеринб.	56° 48 с. ш. 29° 37 в. д.	Демидовыми.	1732	70741
22	Каринскій, близъ р. Камы	Вятской.	Елабужскаго.	—	Красильниковымъ.	1732	— —
23	Юговской мѣдноплавильный	Пермской.	Пермскаго.	—	Казной.	1734 - 6	35520
24	Бымовскій „	„	Осинскаго.	—	Демидовыми.	1732—6	31851
25	Шильвинскій „	Самарской.	Бугульминск.	—	Твердышевымъ.	1734	9640
26	Сѣверскій, близъ р. Чусовой, чугуноплавильный	Пермской.	Екатеринб.	56° 29 с. ш. 29° 53 в. д.	Казной.	735	38455
27	Табынскій на р. Бѣлой, мѣдноплавильн. и солеварен., возобновленъ Твердышевымъ.	Уфимской.	Стерлитамак.	—	„	1735 **) 1744	—
28	Висимскій на р. Камѣ, мѣдноплавильн.	Пермской.	Пермскаго.	—	„	1736	21519
29	Бизярскій мѣдноплавильный	„	Осинскаго.	—	Осокинымъ.	1737	27767
30	Воскресенскій мѣдноплав., перестроен. въ 1748 г.	Уфимской.	Стерлитамак.	57° 7′ с. ш. 25° 53 в. д.	Казной.	1737	120000

*) Россія т. V. стр. 590. Семеновъ Тіанъ-Шанскій.
**) Тамъ же стр. 480.

	Названіе заводовъ въ Прикамьѣ:	Губерніи.	Уѣзда.	Географическое положеніе заводскаго пункта отъ Пулкова.	Фамилія основателя предпріятія.	Годъ основанія.	Количество земли въ заводской дачѣ десятинъ въ 1873 г.
31	Мотовилихинскій на р. Камѣ, мѣдноплав.	Пермской.	Пермскаго.	58° 2¹ с. ш. 25° 56 в. д.	Казной.	1738	—
32	Курашимскій мѣдноплавильный . . .	„	„	—	Осокинымъ.	1740	—
33	Шавкинскій „ . . .	„	Кунгурскаго.	—	Демидовыми.	1740	3266
34	Рождественскій, близъ р. Камы, желѣзодѣлательный	„	Оханскаго.	—	„	1740	56647
35	Висимо-Шайтанскій, близъ р. Чусовой, желѣзодѣлательный	„	Верхотурск.	57° 39 с. ш. 29° 10 в. д.	„	1741	38637
36	Верхне-Сергинскій, чугуноплавильный .	„	Красноуфим.	56° 3¹ с. ш. 29° 54 в. д.	„	1742—3	182464
37	Нижне-Сергинскій „ .	„	„	56° 40¹ с. ш. 28° 58 в. д.	„	1743	—
38	Ашапскій мѣдноплавильный	„	Осинскаго.	—	„	1744—5	36877
39	Югокамскій „	„	Пермскаго.	57° 43 с. ш. 25° 15 в. д.	Строгановыми.	1747	61775
40	Нязе-Петровскій, близъ р. Уфы . . .	„	Красноуфим.	56° 3¹ с. ш. 29° 17¹ в. д.	Осокиными.	1747	216999
41	Уткинскій-Новый, близъ р. Чусовой, чугуноплавильный	„	Екатеринб.	57° 15¹ с. ш. 29° 2 в. д.	Казной.	1751	39174
42	Златоустовскій чугуноплавильный . . .	Уфимской.	Златоустовск.	55° 10¹ с. ш. 29° 20 в. д.	Мосоловымъ.	1751—4	246107
43	Кано-Никольскій мѣдноплавильный . .	Оренбургск.	Орскаго.	—	?	1751	113300
44	Добрянскій, близъ р. Камы	Пермской.	Пермскаго.	58° 28¹ с. ш. 26—5 в. д.	Строгановыми.	1752	263000
45	Богоявленскій мѣдноплавильный . . .	Уфимской.	Стерлитамак.	—	Твердышевымъ и Мясниковымъ.	1752	60389
46	Архангельскій „ . . .	„	„	—	„	1753	57843

	Названіе заводовъ въ Прикамьѣ:	Губерніи.	У ѣ з д а.
47	Кусье-Александровскій чугуноплавильн. .	Пермской.	Пермскаго.
48	Пожевской, близь р. Камы, мѣдноплав.	„	Соликамск.
49	Хохловскій, близь р. Камы	„	Оханскаго.
50	Катавъ-Ивановскій, чугуноплав. желѣзодѣлательн. и литейный	Уфимской.	Уфимскаго.
51	Верхне-Авзяно-Петровскій мѣдноплав.	Оренбургск.	В.-Уральск.
52	Нижне-Авзяно-Петровскій „ .	„	„
53	Саткинскій чугуноплав. и желѣзодѣлат. .	Уфимской.	Златоустовск.
54	Нытвинскій, близь р. Камы	Пермской.	Оханскаго.
55	Нювчимскій, близь р. Сысолы	Вологодской.	Усть-Сысол.
56	Благовѣщенскій, близь р. Бѣлой . . .	Уфимской.	Уфимскаго.
57	Бемышевскій мѣдноплавильный	Вятской.	Елабужскаго.
58	Узянскій, близь р. Бѣлой, чугуноплав. .	Оренбургск.	В.-Уральск.
59	Усть-Катавскій чугуноплавильн., желѣзодѣлательный и вагоностроительный . . .	Уфимской.	Уфимскаго.
60	Тирлянскій чугуноплав. и желѣзодѣлат.	Оренбургск.	В.-Уральск.
61	Бѣлорѣцкій на р. Бѣлой, чугуноплав. и желѣзодѣлательный	„	„

Географическое положеніе заводскаго пункта отъ Пулкова.	Фамилія основателя предпріятія.	Годъ основанія.	Количество земли въ заводской дачѣ десятинъ въ 1873 г.
58⁰ 19 с. ш. 28⁰ 2¹ в. д.	47 Строгановыми.	1753	—
59⁰ 5¹ с. ш. 25⁰ 45¹ в. д.	48 „	1754	105366
„	49 „	1755	36616
54⁰ 55 с. ш. 27⁰ 55 в. д.	50 Твердышевымъ.	1755	200512
53⁰ 31¹ с. ш. 27⁰ 11 в. д.	51 „	1755	30239
53⁰ 28¹ с. ш. 27⁰ 13 в. д.	52 „	1756	
52⁰ 2¹ с. ш. 28⁰ 43 в. д.	53 Строгановыми.	1756—1758	157309
57⁰ 58 с. ш. 25⁰ 1¹ в. д.	54 Княг. Голициной.	1756	67477
„	55 Бенардаки.	1756	22366
„	56 Мясников. и Потѣхин.	1756	20119
„	57 Осокинымъ.	1756—8	—
53⁰ 44¹ с. ш. 27⁰ 31¹ в. д.	58 Шуваловымъ.	1758—1777 *)	—
54⁰ 55¹ с. ш. 27⁰ 52¹ в. д.	59 Твердышевымъ.	1758	—
54⁰ 14 с. ш. 28⁰ 4¹ в. д.	60 Пашковымъ.	1752—1803 **)	220250
53⁰ 58¹ с. ш. 28⁰ 4 в. д.	61 „	1752—8 1762	

*) По другимъ извѣстіямъ основанъ Демидовымъ. Россія т. V, стр. 514, изд. 1913 г. Девріена.
**) По однимъ извѣстіямъ основанъ Твердышевымъ, въ изданіи Девріена „Россія“ томъ V, стр. 514, основанъ Пашковымъ въ 1809 г.

	Названіе заводовъ въ Прикамьѣ:	Губерніи.	Уѣзда	Географическое положеніе заводскаго пункта отъ Пулкова.	Фамилія основателя предпріятія.	Годъ основанія.	Количество земли въ заводской дачѣ десятинъ въ 1873 г.
62	Юрезанскій, онъ же Ивановскій, чугуноплавильный и желѣзодѣлательный . . .	Уфимской.	Уфимскаго.	54° 51 с. ш. 28° 6¹ в. д.	Пашковымъ.	1758 —1761	166699
63	Симскій чугуноплавильн. и желѣзодѣл. .	„	„	54° 59 с. ш. 27° 22 в. д.	„	1759	260615
64	Воткинскій, близъ р. Камы, желѣзодѣл.	Вятской.	Сарапульск.	— —	Шуваловымъ.	1759	318575
65	Нижне-Саранинскій, близъ р. Уфы, чугуноплавильный	Пермской.	Красноуфим.	—	Осокинымн.	1759	— —
66	Пудемскій чугуноплав. и желѣзодѣлат. .	Вятской.	Глазовскаго.	—	„	1759	—
67	Шермяитскій мѣдноплавильный . . .	Пермской.	Осинскаго.	—	Глѣбовымъ.	1759	—
68	Уинскій „ . . .	„	„	—	Шавкуновымъ.	1759	—
69	Верхоторскій „ . . .	Уфимской.	Стерлитамак.	—	Твердышевымъ.	1759	—
70	Верхне-Шайтанскій (Васильевъ заводъ).	Пермской.	Екатеринб.	56° 56 с. ш. 29° 42 в. д.	Демидовыми.	1760	— —
71	Варзино-Алексѣевскій мѣдноплавильн. .	Вятской.	Елабужскаго.	—	Твекелевым .и Фитонов.	1760	—
72	Ижевскій желѣзодѣлат.	„	Сарапульск.	— —	Шуваловымъ.	1760	89167 25958
73	Богословскій мѣдноплавильн. . . .	Самарской.	Бугульминск.	—	Шалашниковымъ.	1760	6300
74	Аннинскій мѣдноплав. и монетный . .	Пермской.	Осинскаго.	57° 24 с. ш. 25° 39 в. д.	Граф. Чернышевымъ.	1760	29645
75	Кажимскій чугуноплав.	Вологодской.	Усть-Сысол.	—	Бенардаки.	1760	75539
76	Чермосскій	Пермской.	Соликамск.	—	Строгановыми.	1761	213755
77	Нючпаскій чугуноплавильн.	Вологодской.	Усть-Сысол.	— —	Бенардаки.	1761	25207
78	Бисертскій „	Пермской.	Красноуфим.	65° 51¹ с. ш. 28° 42¹ в. д.	Яковлевымъ.	1761	87816

	Названіе заводовъ въ Прикамьѣ:	Губернія.	У ѣ з д а	Географическое положеніе заводскаго пункта отъ Пулкова.	Фамилія основателя предпріятія.	Годъ основанія.	Количество земли въ заводской дачѣ десятинъ въ 1873 г.
79	Верхне-Уфалейскій чугуноплавильн. . .	Пермской.	Екатеринб.	56° 3¹ с. ш. 29° 54 в. д.	Мосоловымъ.	1761—5	184315
80	Очерскій желѣзодѣлательный	„	Оханскаго.	57° 54¹ с. ш. 24° 27 в. д.	Строгановыми.	1761	130613
81	Климковскій чугуноплавильный	Вятской.	Слободского	—	Глѣбовымъ.	1762	—
82	Бѣлорѣцкій, близь р. Вятки	„	Глазовскаго	—	?	1762—1858 *)	39991
83	Кыновскій на р. Чусовой, чугуноплав. .	Пермской.	Кунгурскаго	57° 52¹ с. ш. 28° 19¹ в. д.	Строгановыми.	1762	104301
84	Буйскій, близь р. Вятки, „ .	Вятской.	Уржумскаго	—	Маіор. Мосоловымъ.	1763 **)	—
85	Пыжминскій мѣдноплавильный	„	Малмыжскаг	—	Ив. Кобелевымъ.	1763	—
86	Главно-Холунницкій (и Бѣлой) чугуноплавильн. и желѣзодѣлательный	„	Слободского	—	Глѣбовымъ.	1764—5	—
87	Камбарскій, близь р. Камы	Пермской.	Осинскаго.	56° 16 с. ш. 23° 52 в. д.	Демидовымъ.	1767	36377
88	Кагинскій, близь р. Бѣлой, чугуноплав.	Оренбургск.	В.-Уральск	53° 31 с. ш. 27° 22 в. д.	Граф. Шуваловымъ.	1769 ***)	61700
89	Серебрянскій чугуноплавильный . . .	Пермской.	Кунгурскаго	57° 59 с. ш. 28° 37 в. д.	„	1770	161867
90	Песковскій „	Вятской.	Глазовскаго	—	Осокинымъ.	1771—2	90958
91	Висимо-Уткинскій „	Пермской.	Верхотурск	57° 42 с. ш. 29° 3 в. д.	Демидовыми.	1771	36693
92	Верхне-Иргинскій желѣзодѣлательный .	„	Красноуфим	—	Осокинымъ.	1771	—
93	Миньярскій чугуноплавильный	Уфимской.	Уфимскаго	56° 4 с. ш. 27° 14 в. д.	Твердышевымъ.	1771—1784	—
94	Залазнинскій „	Вятской.	Глазовскаго	—	Антип. Мосоловымъ.	1771—1772	56319

*) Въ изданіи Девріена „Россія“ томъ V, стр. 550, годъ основанія показанъ въ 1858 г.

**) Путеводитель по Уралу Чекана 1902 г. стр. 142, основаніе завода показано въ 1856 г.

***) По другимъ источникамъ основаніе завода приписывается Демидову. „Россія“ томъ V, стр. 514, изд, 1913 года.

	Названіе заводовъ въ Прикамьѣ:	Губерніи.	Уѣзда.	Географическое положеніе заводскаго пункта отъ Пулкова.	Фамилія основателя предпріятія.	Годъ основанія.	Количество земли въ заводской дачѣ десятинъ въ 1873 г.
95	Азяшъ-Уфимскій на р. Уфѣ, чугуноплав.	Пермской.	Екатеринб.	—	Демидовыми.	1773	—
96	Омутнинскій чугуноплавильный	Вятской.	Глазовскаго.	—	Осокинымъ.	1775	102665
97	Суховязкій желѣзодѣлательный	Пермской.	Екатеринб.	—	Мосоловымъ.	1778	—
98	Минскій чугуноплавильный	Уфимской.	Уфимскаго.	—	Твердышевымъ.	1779	—
99	Елизавето-Нердвинскій желѣзодѣлательн.	Пермской.	Соликамскаго	—	Строгановыми.	1783	—
100	Архангело-Пашійскій чугуноплавильн. .	„	Пермскаго.	58° 27 с. ш.	„	1785	—
101	Лысьвинскій желѣзодѣлательный . . .	„	„	58° 7 с. ш. 27° 27 в. д.	Кн. Шаховской.	1785	481722
102	Бисерскій чугуноплавильный	„	„	57° 39 с. ш. 25° 30 в. д.	„	1786	—
103	Молебскій „	„	Кунгурскаго.	57° 15 с. ш. 27° 38 в. д.	Демидовыми.	1787	48115
104	Кусьинскій „	Уфимской.	Златоустовск.	55° 20 с. ш. 29° 7 в. д.	Лугинымъ.	1778—1787	87571
105	Артинскій, близь р. Уфы, чугуноплав. .	Пермской.	Красноуфим.	56° 25 с. ш. 28° 12 в. д.	„	1787	121929
106	Кизеловскій чугуноплавильный	„	Соликамскаго	59° 3 с. ш. 27° 12 в. д.	Лазаревымъ.	1788	615006
107	Елизавето-Сюзвинскій желѣзодѣлательн. .	„	Оханскаго.	—	Строгановыми.	1789	—
108	Атигскій „ . .	„	Красноуфим.	—	Куп. Губинымъ.	1790	—
109	Саргинскій „ . .	„	„	—	?	1795	—
110	Полазнинскій „ . .	„	Пермскаго.	28° 20 с. ш. 26° 7 в. д.	Лазаревымъ.	1797	106374
111	Верхне-Рождественскій „ . .	„	Оханскаго.	—	Демидовыми.	1798	—
112	Елизавето-Пожевской „ . .	„	Соликамскаго	—	Всеволожскимъ.	1798	—

	Названіе заводовъ въ Прикамьѣ:	Губерніи.	У ѣ з д а.	Географическое положеніе заводскаго пункта отъ Пулкова.	Фамилія основателя предпріятія.	Годъ основанія.	Количество земли въ заводской дачѣ десятинъ въ 1873 г.
113	Козинскій желѣзодѣлательный	Пермской.	Красноуфим.	—	Губинымъ.	1801	—
114	Александровскій чугуноплавильный . .	„	Соликамскаго	59° 11 с. ш. 27° 7 в. д.	Всеволожскимъ.	1808	140984
115	Михайловскій, на р. Уфѣ, желѣзодѣлат.	„	Красноуфим.	56° 26 с. ш. 28° 45 в. д.	Мосоловы.	1808	182464
116	Марінскій, близъ р. Камы. „ .	„	Соликамскаго	—	Лазаревымъ.	1809	—
117	Шемахинскій на р. Уфѣ, чугуноплав. .	„	Красноуфим.	56° 15 с ш. 28° 57 в. д.	Расторгуевымъ.	1810—1814	216999
118	Черно-Холуницкій чугуноплавилы. . .	Вятской.	Слободского.	—	Яковлевыми.	1810	—
119	Майкарскій или Никитинскій желѣзодѣл.	Пермской.	Соликамскаго	59° 1 с. ш. 25° 31 в. д.	Всеволожскимъ.	1811	104495
120	Богородскій желѣзодѣлательный . . .	Вятской.	Слободского.	—	Яковлевыми.	1814	—
121	Нижне-Сылвинскій	Пермской.	Красноуфим.	—	Яковлевымъ.	1816	—
122	Всеволодо-Вильвинскій желѣзодѣлательн.	„	Соликамскаго	—	Всеволожскимъ.	1818	36306
123	Павловскій „	„	Оханскаго.	57° 52 с. ш. 24° 31 в. д.	Строгановыми.	1816—1818	—
124	Верхне-Саранинскій „	„	Красноуфим.	—	Куп. Кнауфомъ.	1818	—
125	Нижне-Уфалейскій „	„	Екатеринб.	55° 55 с. ш. 29° 39 в. д.	Куп. Губинымъ.	1818	—
126	Верхне-Артинскій „	„	Красноуфим.	—	Казной.	1826	—
127	Софійскій, близъ р. Камы „	„	Пермскаго.	—	Строгановыми.	1826	—
128	Михайловская фабрика въ г. Златоустѣ.	Уфимской.	Златоустовск.	—	Казной.	1826	—
129	Екатерининскій, близъ р. Камы, желѣзодѣл.	Пермской.	Соликамскаго	—	Лазаревымъ.	1829	—
130	Варваринскій „ „ „ „	„	Пермскаго.	—	Кн. Шаховской.	1833	—

	Названіе заводовъ въ Прикамьѣ:	Губерніи.	Уѣздa.	Географическое положеніе заводскаго пункта отъ Пулкова.	Фамилія основателя предпріятія.	Годъ основанія.	Количество земли въ заводской дачѣ десятинъ въ 1873 г.
131	Маріинскій на р. Чусовой, желѣзодѣлат.	Пермской.	Екатеринб.	56° 36 с. ш. 29° 32 в. д.	Перемикинымъ.	1840	—
132	Кокшанскій мѣдноплавильн. въ 15 вер. отъ пристани на р. Камѣ „Тихія горы“ .	Вятской.	Елабужскаго	—	Ушковымъ.	1850 *)	—
133	Кувинскій чугуноплавильный	„	Соликамскаго	59° 6 с. ш. 23° 48 в. д.	Строгановыми.	1856	147714
134	Пермскій пушечный—сталелитейный . .	Пермской.	Пермскаго.	—	Казной.	1863	—
135	Никольскій чугуноплавильный	Уфимской.	Уфимскаго.	55° 14 с. ш. 27° 46 в. д.	Балашевымъ.	1866	22427
136	Ивано-Павловскій	„	„	—	?	1869	—
137	Чусовскій чугуноплав. на р. Чусовой .	Пермской.	Пермскаго.	58° 19 с. ш. 28° 35 в. д.	Акціонерн. обществ.	1879	94026
138	Теплогорскій чугуноплавильный . . .	„	„	58° 35 с. ш. 28° 39 в. д.	Шуваловымъ.	1884	—
139	Инзерскій „ . . .	Оренбургск.	В.-Уральск.	54° 16 с. ш. 27° 12 в. д.	Фонъ-Дервизъ.	1885	53585
140	Кутимскій „ . . .	Пермской.	Чердынскаго	60° 30 с. ш. 28° 25 в. д.	Шписомъ.	1890	—
141	Зигазинскій „ . . .	Оренбургск.	В.-Уральск.	53° 50 с. ш. 27° 0 в. д.	Шамовымъ и Кальсин.	1890	15050
142	Лемзинскій „ . . .	Уфимской.	Уфимскаго.	—	?	1890	5900
143	Лукьяновскій „ . . .	Пермской.	Чердынскаго	—	Куп. Лукьяновымъ.	1891	—
144	Лопыштынскій „ . . .	Оренбургск.	В.-Уральск.	54° 6 с. ш. 27° 21 в. д.	Фонъ-Дервизъ.	1896	—
145	Никольскій „ . . .	Уфимской.	Уфимскаго.	—	Михайлов. и Архипов.	1897—1899	5
146	Ашинско-Балашевскій чугуноплав. . .	„	Златоустовск	—	Балашевымъ.	1899	35000
147	Вельсинскій „ . .	Пермской.	Чердынскаго	—	Акціонерн. обществ.	1901	—

*) Россія, томъ V, стр. 533. Издан. Девріена 1913 г.

	Названіе заводовъ въ Прикамьѣ:	Губерніи.	У ѣ з д а.	Географическое положеніе заводскаго пункта отъ Пулкова.	Фамилія основателя предпріятія.	Годъ основанія.	Количество земли въ заводской дачѣ десятинъ въ 1873 г.
148	Вежаихинскій желѣзодѣлательный . . .	Пермской.	Чердынскаго.	—	Акціонерн. обществ.	1904	—
149	Троицко-Соликамскій мѣдноплавильн. .	„	Соликамскаго.	—	?	?	—
150	Троицкіе Верхніе и Нижніе мѣдноплав.	Уфимской.	Белебеевск.	—	Осокинымъ.	1754—1760 *)	—
151	Мешинскій мѣдноплавильный	Казанской.	Мамадышск.	—	?	?	—
152	Каишевскій „	„	„	—	?	?	—
153	Усень-Ивановскій „	Уфимской.	Белебеевск.	—	Осокинымъ.	1760 **)	—
154	Камскій броневый, близъ рѣки Камы у села Галева	Вятской.	Сарапульск.	—	Казной.	?	—
155	Барановскій желѣзодѣлательный . . .	„	Екатеринб.	—	?	?	—
156	Саралинскій мѣдноплав. (въ 8 верст. отъ г. Елабуги)	„	Елабужскаго.	—	Красильниковымъ.	1723***)	—

Матеріалами для составленія справки служили: Писцевыя книги Моско каго государства, Яхонтова и Кайсарова по Перми Великой. Матеріалы для статистики всѣхъ горныхъ заводовъ Европейской и Азіатской Россіи, альгина, издан. 1873 г. Уральская желѣзная промышленность, Менделѣева, издан. 1900 года. Записка о горныхъ заводахъ, Бѣлова, издан. 1892 года. писаніе Пермской губерніи, ч. II, полковника Мозеля, издан. 1861 года; Горнозаводская промышленность Россіи, изданіе Горнаго Департамента за 00 годъ. Историческій очеркъ мѣднаго дѣла на Уралѣ, Бѣлоусова, Пермскій край томъ III, подъ редакціей Димитріева. Географическій и статисти ский словарь Пермской губерніи, Чупина. Столѣтіе Вятской губерніи, часть I-я, издан. 1880 г. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ., мъ X, часть II-я, изданіе Уфимскаго Губернскаго Земства. Желѣзо и уголь на Уралѣ, Рогозина, издан. 1902 года. Памятные книжки и адресъ- лендари Пермской губерніи съ 1880 г. по 1890 г., Россія, томъ V, Уралъ и Предуралье, издан. 1914 года, Девріена. Карта Уральскихъ рныхъ заводовъ, издан. 1881 г., Закожурникова и др. карты изданій вышедшія въ XIX столѣтіи.

К. Я. Кривощековъ.

*) Россія, томъ V, стр. 450, издан. Девріена 1913 года.
**) Тамъ же.
***) Россія, томъ V, стр. 542, издан. Девріена 1913 г.

Рукопись на берестѣ.

Въ библіотекѣ Пермской Духовной Семинаріи есть очень интересная и рѣдкая по своему матеріалу рукопись, писанная на берестѣ. Она переплетена въ толстую двойную холстину въ болѣе позднѣе время. Рукопись почти квадратная. Ширина ея—12,5 с., длина около 14 с. Передъ тѣмъ, какъ переплести, рукопись несомнѣнно обрѣзали въ длину. Всего въ рукописи 47 листовъ, но исписаны только 41 листъ и двѣ страницы. По содержанію рукопись распадается на двѣ части: вторая часть—мѣсяцесловъ, а первая содержитъ въ себѣ: 1) чинъ крещенія (2 листа); 2) „начало“ (1 листъ); 3) начало полунощницы, „поемыя по вся дні“ (7 листовъ); 4) „інъ уставъ о іскушеніи скитскихъ инокъ“ (1 листъ).

Рукопись, несомнѣнно, старообрядческая, въ родѣ „потребника“, и предназначалась для употребленія въ скитахъ, на что опредѣленно указываетъ „інъ уставъ о іскушеніи скитскихъ инокъ“.. Также чинъ крещенія отличается отъ православнаго (у старообрядцевъ крестить могли и міряне). Положительные признаки принадлежности этой рукописи старообрядцамъ слѣдующіе: 1) „Семипоклонный началъ“ (въ 1 части), начинающійся съ „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“. 2) Вмѣсто іерейскаго возгласа въ началѣ чина крещенія—„За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ“... 3) На отпустѣ, вмѣсто „Христосъ истинный Богъ нашъ“, написано въ просительномъ видѣ: „Господи Ісусе Христе, Сынѣ Божіи, молитвъ ради...“ помилуй и спаси мя, яко благъ и человѣколюбецъ“. 4) Вм. Іисусъ пишется въ рукописи „Ісусъ“. 5) Отличія въ Символѣ вѣры: во 2-мъ членѣ—„рождена, а несотворена“; въ 4-мъ—„распятаго за на...“; въ 7-мъ—„егоже царствію нѣсть конца“; въ 8-мъ членѣ—„въ Господа истиннаго и животворящаго...“ и т. п. 6) Въ мѣсяцесловѣ

подъ 9-мъ іюля, между прочимъ, написано: „И святыхъ постникъ 10 тысящъ, иже въ скитѣ и въ вѣртпѣхъ, и пустынныхъ мѣстѣхъ горкою смертію подави, огнемже и дымомъ". Здѣсь, должно быть, разумѣются изувѣры-старообрядцы, покончившіе съ собой черезъ самосожженіе.

Итакъ, рукопись эта старообрядческая. Къ какому же времени она относится? Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе матеріалъ, на которомъ написана рукопись. Береста очень рѣдко, и то въ крайности, служила для письма. По словамъ Іосифа Волоцкаго, преп. Сергій съ первыми своими учениками писалъ на берестѣ. „Свертки на деревцѣ чудотворца Сергія" упоминаются въ описи Троицкой Лавры 1642 г. Надо полагать, что, при недостаткѣ бумаги, береста употреблялась въ Московской Руси для черновиковъ и писемъ и въ XV—XVI вѣкахъ. Есть предположенія, что книги на берестѣ писались для обученія дѣтей. Но отъ этихъ вѣковъ рукописей на берестѣ до насъ не дошло. Дошедшія до насъ рукописи на берестѣ относятся къ концу XVII и къ началу XVIII вѣковъ. Чаще всего они написаны въ Сибири, рѣже на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи. Напр.: въ Академіи Наукъ есть „книга ясачнаго сбора Камчатскаго народа" 1715 г. на берестѣ. Находятся книжки на берестѣ еще въ Имп. Публ. Библ., Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ, въ Парижской Національ. Библіотекѣ и нѣкоторыхъ другихъ собраніяхъ. Всѣ онѣ пріурочиваются къ Петровскому времени. Но можно ли нашу рукопись отнести къ этому времени? По нѣкоторымъ, вѣскимъ, основаніямъ,—да. Именно: 1) по апріорнымъ соображеніямъ, по аналогіи, съ дошедшими до настоящаго времени; 2) по внѣшней сторонѣ рукописи: почеркъ („поздній уставъ"), близко, напр., подходящій къ почерку „Духовнаго Завѣщанія" св. Митрофана Воронежскаго до 1723 г. (С. Б. № 669); небольшое количество знаковъ препинанія, мало заглавныхъ буквъ, что характерно для этого же времени; 3) въ мѣсяцесловѣ нѣкоторые святые написаны съ эпитетомъ „новый чудотворецъ" (напр., св. царевичъ Димитрій Ивановичъ († 1591 г.), св. Гурій и Варсонофій);

4) разъ эта рукопись старообрядческая, естественно предположить, что явилась она въ то время, когда старообрядцы особенно были стѣснены, такъ что доставать бумагу было для нихъ очень затруднительно. Извѣстно, какъ относился Петръ къ старообрядцамъ, какъ они вынуждены были бѣжать въ лѣса, скрываться въ глуши, жить въ скитахъ и поневолѣ пользоваться для книгъ берестой, вмѣсто бумаги.

Итакъ на основаніи этихъ соображеній, нашу рукопись можно было бы отнести къ началу XVIII вѣка. Но въ рукописи есть такое мѣсто, которое ставитъ изслѣдователя прямо въ недоумѣніе. Дѣло въ томъ, что въ концѣ мѣсяцеслова есть вычисленіе дня Пасхи на 13 лѣтъ: съ 7339 г.—по 7351 г. Это сразу перебрасываетъ насъ въ XIX вѣкъ. 7339 г. это 1831 г. Разъ вычисленіе начинается съ этого года, значитъ, рукопись появилась не раньше 1830/31 г.г. Предположить ошибку въ сотнѣ (вм. 200—300), что нерѣдко бывало у писцовъ, въ данномъ мѣстѣ нельзя, такъ какъ всѣ указанные въ рукописи дни празднованія Пасхи и постовъ, дѣйствительно, совпадаютъ съ 1831 г., какъ и указанія на послѣдующіе годы. Сдѣлать другое предположеніе,—что здѣсь вырваны листки, на которыхъ были вычислены дни Пасхи на годы до 1831 г.,—невозможно, такъ какъ соотвѣтствующіе листы всѣ на мѣстахъ. Остается признать первый годъ вычисленія Пасхи—7339 г.—годомъ написанія рукописи, какъ ни странно для XIX вѣка писать на берестѣ.

Не соединено ли въ данной книжкѣ нѣсколько рукописей въ одну? Очень даже возможно, такъ какъ почеркъ въ мѣсяцесловѣ другой, хотя подъ конецъ тожественъ съ почеркомъ первой части. Да если и нѣсколько рукописей въ этой книжкѣ, все-таки для второй части—мѣсяцеслова—7339 годъ приходится считать годомъ написанія, что не устраняетъ странности для XIX в. рукописи на берестѣ! Какъ же объяснить тогда слова: „новый чудотворецъ“, если рукопись наша относится къ первой половинѣ XIX в.? Довольно просто—перепиской съ болѣе древней, конца XVII или начала XVIII вѣка. Это подтверждается и остатками древ-

няго правописанія (встрѣчаются даже формы: „сьшедшихся“. „новгородьскій“, „предъпраздньство“ и др.). Писцы въ старину переписывали механически, особенно въ глуши. Въ нашей рукописи часто попадаются ошибки, описки.

Итакъ, наша рукопись должна быть отнесена, на основаніи приложенной къ мѣсяцеслову таблицы вычисленій Пасхи на 1831—1843, къ 1830 или 1831 году, хотя другія данныя позволяютъ ее отнести къ XVIII в.

Но чѣмъ же объяснить появленіе въ началѣ XIX в. рукописи на берестѣ? Возможны два отвѣта: 1) рукопись скитскаго происхожденія Сибири или сѣвера Европейской Россіи (на это указываетъ, между прочимъ, и орѳографія писца). Въ скитахъ очень трудно было достать бумагу въ то суровое для старообрядцевъ, время. 2) Въ данной рукописи, можетъ быть, оказалось общее тяготѣніе старообрядцевъ къ старинѣ, къ „древлему благочестію“. Слѣд., здѣсь умышленная, но не зловредная поддѣлка подъ старину. Сказать же, что данная рукопись поддѣлана съ цѣлью выгодной продажи какому-нибудь антиквару,—едва ли возможно. По крайней мѣрѣ я этого не допускаю.

Какъ-никакъ, а библіотека Пермской Духовной Семинаріи обладаетъ рѣдкимъ и интереснымъ экземпляромъ—рукописью на берестѣ.

Павелъ Богословскій, Дѣйствительный Членъ Императорскаго СПБ. Археологическаго Института.

Деревенскіе „заговоры"—„присуха"

(Женщиной или дѣвушкой мужщины).

„Стану я, раба Божья (нужно сказать имя) не благословесь, пойду не перекрестесь изъ избы дверями, изъ мосту воротами, въ цистое поле, въ широкое раздолье; пойду я не потъ синее облако, не потъ красное сонце, не потъ свитель мисець, не потъ цястые звѣзды,—пойду я въ запатъ-западную сторону—въ запатъ-западной.

Въ запатъ-западной сторонѣ—есь, стоитъ крутая гора. На той крутой горѣ стоитъ проклятое дерево—горькая осина. Пойду я къ проклятому дереву—къ горькой осинѣ. Стану на лѣвую ногу, повернусь тридеветь разъ, два раза свисну по молодецки, крикну по богатырски; всѣ двѣнатцать вѣтровъ, всѣ 12-ть вихоревъ поспійте ко мнѣ на пору, на време: отпускаю я скорби и болѣзни, тоску тоскущшую, сухоту-сухотушшую по семдесятъ семь вѣтрамъ, по 77-мъ вихорямъ. Буйные вѣтры, буйные вихри внесите эту тоску—тоскушшую, сухоту—сухотушшую въ раба Божья (имя) о рабѣ Божьей (имя), не дня не ноци не зналъ-бы, не цеса не минуты не миновалъ-бы, въ ѣдѣ не заѣдалъ-бы, въ питье не запивалъ-бы, въ гульбѣ не загулялъ-бы, виникомъ не спаривалъ-бы, водой не смывалъ-бы, лѣкарсвомъ не отлицивалъ-бы, цвѣтнымъ платьемъ не одѣвалъ-бы, златомъ-серебромъ не отсыпалъ-бы; какъ маленькой робенокъ объ соскѣ плацетъ, такъ бы и обомнѣ, рабѣ Божьей (имя), рабъ Божій (имя)—плакалъ и рыдалъ, какъ бѣлой лебеть безъ лебетки клыкцетъ, такъ-бы обомнѣ, рабѣ Божьей (имя), рабъ Божей (имя), клыкталъ; какъ рыба бѣлуга не можетъ безъ

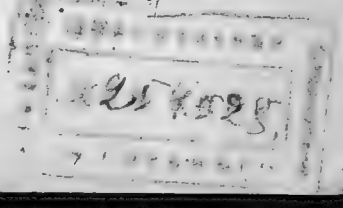
воды жить, такъ-бы безъ меня, рабы Божьей (имя), тотъ рабъ Божей (имя) не мокъ-бы не жить и не быть.

Буть-те мои слова крѣпки и лѣпки,—крипце камню синева; буть-те мои слова договорены въ передѣ, а не договорены—въ замки запираю: сей заговоръ семдесятъ семью замками, 77-ю клюцями; кладу замки въ небо, а клюци—въ сине море. Колды изъ неба замки выживутъ, толда клюци изъ моря выпловутъ, толда ловци рыбу бѣлугу въ тонкую сить заловятъ, на столъ положатъ, брюхо роспорютъ, семдесятъ семъ жилъ розрежутъ, 77-мъ кровей отпустятъ, 77-мъ костей розотрутъ, 77-мъ суставовъ ростоцятъ, толда клюци найдутца и замки отопрутца. Аминь, аминь, аминь! Толда, нынѣ и присно и во вѣки аминь!“.

„Присуха“ (женщиной—мужчины).

„Цетыре зори! утренная зоря Дарья, вецерная—Марья, полуношная—Улья, полуденная—катерина!

Хоцю я, раба Божья (имя) по просить и помолить у васъ исцилите и помогите мнѣ, рабѣ Божьей (имя) достать раба Божья (имя). Наложите на ево тоску-тоскушшую, сухоту-сухотушшую: въ ево бѣлые мяккіе губы, въ ево ясные оци, въ церные брови, въ могуціе плеця, въ бѣлое тѣло, въ ретивое серце, въ леккую пецень, въ катуцюю кровь, въ 177-мъ жилъ, въ 177 суставовъ, въ 177 костей, въ 177-мъ русыхъ волосъ, въ плоть, въ косици, въ ресници и въ ягодници, въ кажные костоцьки и суставьцики: плакалъ-бы и горевалъ-бы обо мнѣ, съ нокъ-бы ходилъ—не заходилъ, въ работѣ—не зарабливалъ, ѣлъ-бы—не заѣдалъ, пилъ-бы—не запивалъ, стоялъ-бы—не застаивался, сидѣлъ-бы—не засиживался, спалъ-бы не засыпалъ, все-бы меня, рабу Божью (имя), тотъ рабъ Божей (имя) на умѣ—на разумѣ держалъ-бы, съ ясныхъ оцей не спушшалъ-бы, постоянно катуцяя кровь кипѣла-бы. Какъ сизой голубь безъ голубки

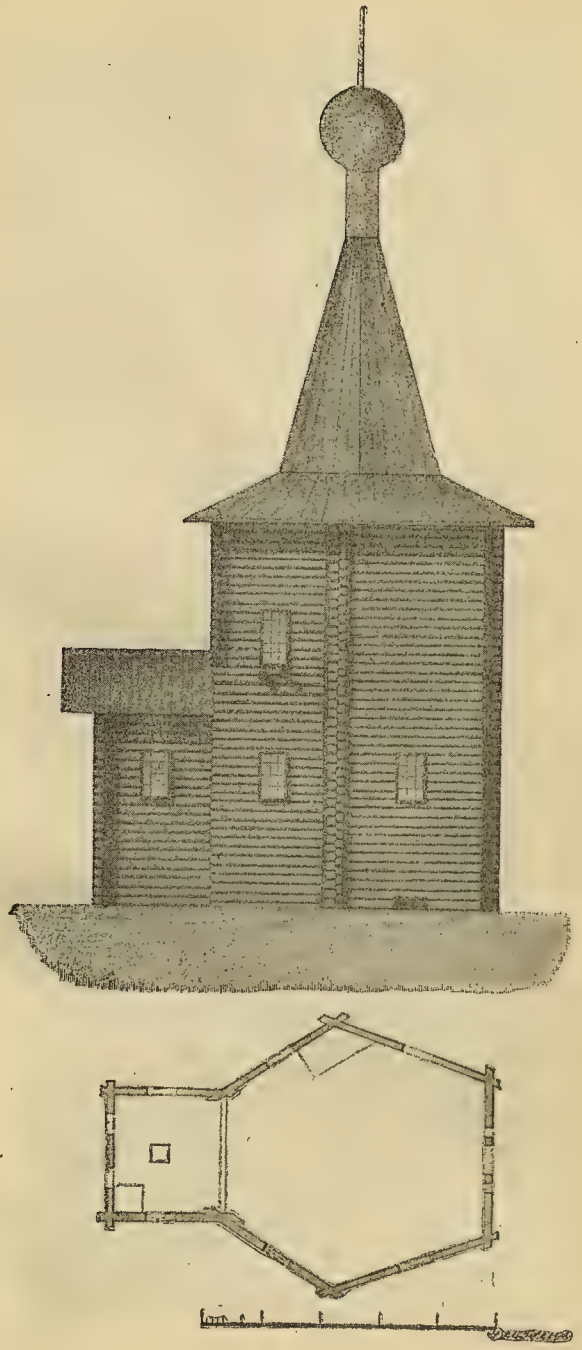


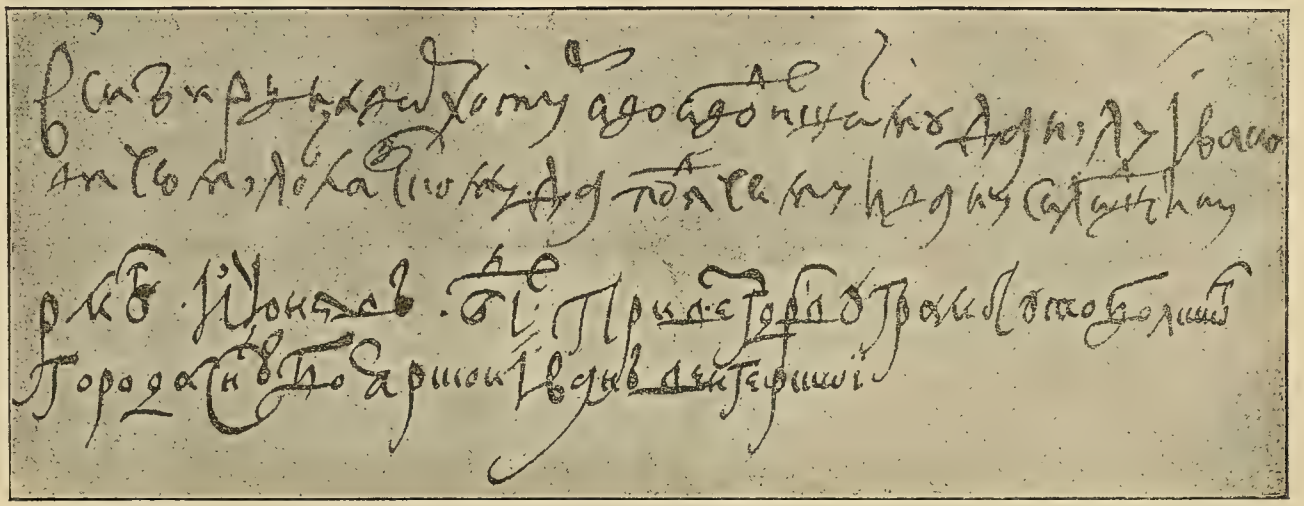
гнѣзда не можетъ вить, такъ-бы мы другъ безъ дружки не могли не жить не быть. Другъ о другѣ, какъ вокругъ тыцинки хмель трава вьетца, такъ-бы мы другъ о другѣ вились и извивались, именемъ назывались-бы, отеществомъ величелись-бы, фамилью вспоминали-бы. Какъ корова о теленкѣ рѣвела, овця о егненкѣ, кобыла о жеребенкѣ, доцька*) о поросенкѣ,—такъ-бы день и ноць и полудень ревѣлъ-бы и тосковалъ-бы, и горевалъ-бы; серце билось-бы, катуцяя кровь кипѣла-бы какъ вода журцитъ постоянно, какъ хлѣбъ пекетца въ пецькѣ, такъ-бы кажной цясъ, кажную минуту на умѣ, на разумѣ держалъ-бы, съ ясныхъ оцѣй не спушшалъ-бы. Не разъ молитва, не два молитва. Путь молитва".

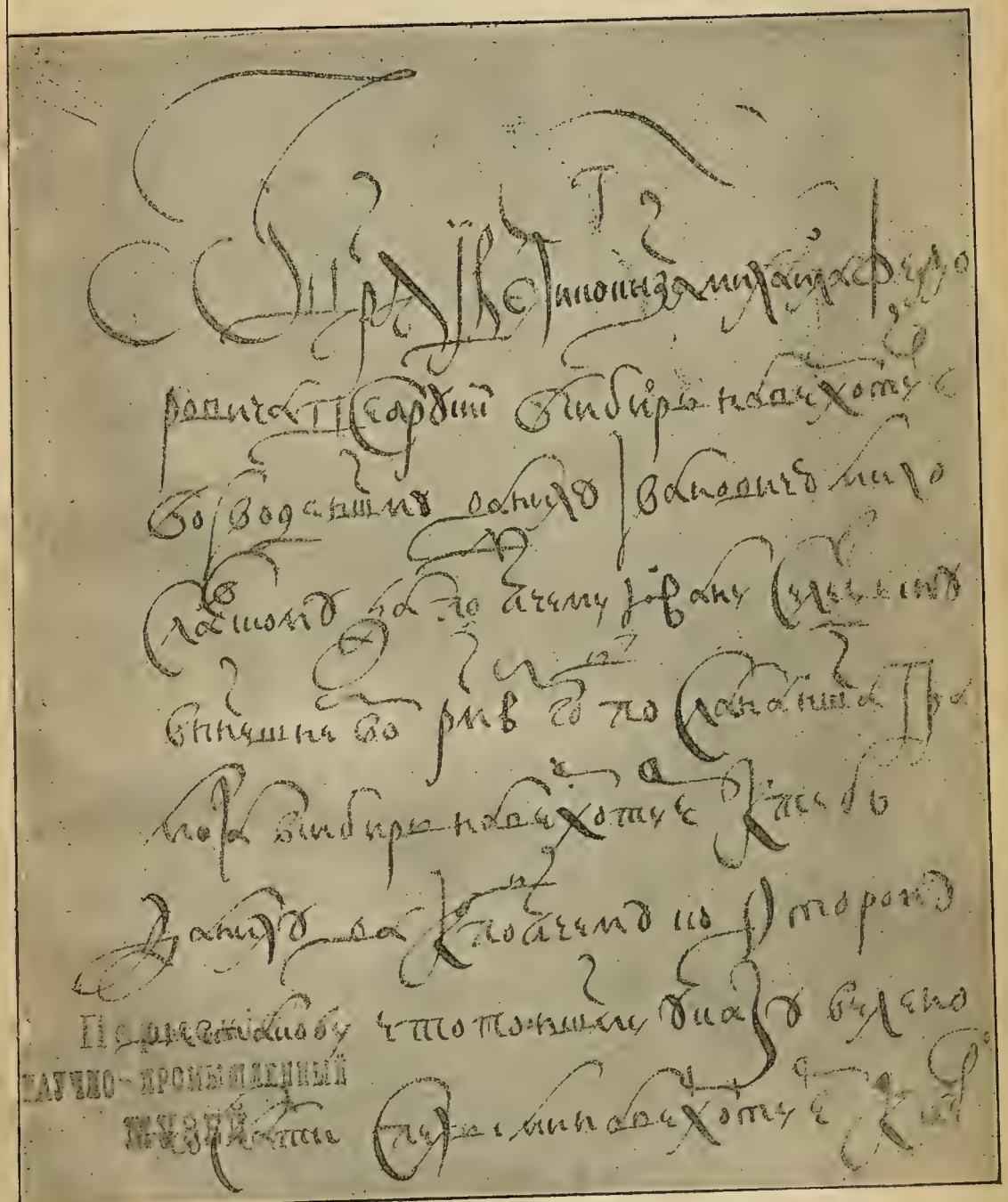
Записано въ 1906 г. у крестьянки—старушки села Торговижскаго, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губ.

Кр-нъ **А. Н. Гладкихъ.**

*) Свинья.





Ц[illegible] Ве[illegible]ко князя Михаила Федо-
ровича Петра Руки в Сибирь на всех отцу
Воеводеншму Данилу Ивановичу Мило-
славскому за подписчему Ивану Селеванову
внешнего во рмв го посланнаго Пра-
мота в Сибирь на всех отцу к тебе
Данилу да к подписчему ко Второму
Переяславову что тоншему указу велено
[illegible] Сибири на всех отцу к [illegible]

Переяславскому
НАУЧНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ
МУЗЕЙ